

СТИВЕН

СТРЕЛОК

КИАНГ

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

СТРЕЛОК

из цикла «Темная Башня»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
THE DARK TOWER I:
THE GUNSLINGER

*Перевод с английского Т.Ю. Покидаевой
Оформление дизайн-студии «Три кота»*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Переводчик выражает благодарность всем, кто помогал в работе:

Сергею Тихоненко aka Expert (<http://stking.narod.ru/>),

Владу Полещикову, Андрею Бекеше,

Дмитрию Голомолзину aka Гед (<http://stephenking.ru>, <http://darktower.ru>)

Кинг, Стивен.

К41 Стрелок: из цикла «Темная Башня» [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-100625-9

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшийся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Когда-нибудь он отыщет эту Башню, а пока ему предстоит долгий и опасный путь — путь по миру, которым правит черная магия, по миру, из которого порой открываются двери в нашу реальность...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100625-9

© Stephen King, 1982, 2003

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Эду Ферману, который на свой страх
и риск смотрел эти главы одну за другой.*

Предисловие

Большинство из того, что писатели пишут о своих произведениях, — это полная чушь*. Вот почему нет таких книг, как «Сто великих предисловий западной цивилизации» или «Любимые предисловия американцев». Таково мое личное мнение, и я считаю, что, написав как минимум пятьдесят предисловий — не говоря уже о целой книге, посвященной писательскому мастерству, — я имею полное право высказать его вслух. И еще я считаю, что вам можно прислушаться к моим словам, когда я говорю, что мое предисловие к этой книге — это как раз тот редкий случай, когда автор действительно может сказать что-то стоящее.

Несколько лет назад я произвел скромный фурор среди моих постоянных читателей, предложив им исправленный и дополненный вариант «Противостояния». На самом деле я очень переживал за эту книгу, что было вполне извинительно и оправданно, потому что «Противостояние» всегда была и остается самой любимой книгой моих читателей (самые рьяные

* Подробнее о Факторе Чуши смотри «Как писать книги» (On Writing), изданную в Scribner в 2000 году. — Примеч. авт.

из почитателей «Противостояния» не стали бы сильно скорбеть, если бы я умер в 1980-м; с их точки зрения мир бы уже ничего не потерял).

Единственная книга Кинга, которая может сравниться с «Противостоянием» в смысле читательского интереса, — это, наверное, история Роланда Дискейна и его поисков Темной Башни. И теперь — черт возьми! — я переделал и ее тоже.

Только на самом деле я ее не переделал, а просто чуть-чуть доработал. Я хочу, чтобы вы это знали. И еще я хочу, чтобы вы знали, что именно я переделал и почему. Для вас, может быть, это не важно, но зато очень важно — для меня, вот почему данное предисловие станет исключением (я надеюсь) из Кинговского Правила Чуши.

Во-первых, учтите, что в первых изданиях «Противостояния» было много сокращений по сравнению с рукописным вариантом — и не из-за издательской прихоти, а по финансовым соображениям. (Существовали еще и другие ограничения, но я не хочу об этом говорить.) Все дополнения, которые я сделал в конце восьмидесятых, — это переработанные фрагменты изначального текста. Я также внес исправления во всю книгу в целом, прежде всего — чтобы соотнести повествование с эпидемией СПИДа, что расцвела пышным цветом (если данное выражение вообще уместно в данном конкретном случае) в период между первой публикацией «Противостояния» и выходом в свет переработанного и дополненного издания, восемь или даже девять лет спустя. В результате получился такой «кирпич» — на 100 000 слов длиннее по сравнению с первым изданием.

В случае со «Стрелком» первоначальный текст был небольшим, и я добавил всего лишь страниц тридцать

пять, или около девяти тысяч слов. Если вы уже читали «Стрелка», вы обнаружите в новом издании только две-три новых сцены. Истинные поклонники «Темной Башни» (а таких на удивление много — достаточно заглянуть в Интернет) наверняка захотят прочитать книгу заново, и скорее всего большинство из них будут читать этот исправленный вариант с любопытством и раздражением. Я очень им симпатизирую, но должен признаться, что меня больше волнуют читатели, которые еще не знакомы с Роландом и его ка-тетом*.

И хотя у истории Башни есть свои восторженные поклонники, она все же не так широко известна моим читателям, как «Противостояние». Иногда на встречах с читателями я прошу людей в зале: кто прочел хотя бы одну из моих книг, поднимите руку. Поскольку они пришли специально, чтобы меня послушать — причем иногда это связано с дополнительными неудобствами и дополнительными расходами: найти, с кем оставить ребенка, заправить свой старенький «седан», — вовсе неудивительно, что большинство из присутствующих поднимают руки. Потом я говорю: а теперь те из вас, кто прочел хотя бы одну книгу из «Темной Башни», оставьте руки поднятыми. И каждый раз получается, что половина рук опускается. Вывод напрашивается сам собой: хотя я столько трудился над Башней за эти тридцать три года между 1970-м и 2003-м, читают ее относительно мало. Но те, кто прочел этот цикл, сразу его полюбили, и я тоже очень его люблю — по крайней мере этой любви хватило, чтобы не отправить Роланда в изгнание, куда отправляются все злосчастные неосуществленные персонажи (вспомните чосеровских пилигримов на пути к Кентербери или геро-

* Люди, связанные судьбой. — Примеч. авт.

ев последнего, незаконченного романа Чарлза Диккенса «Тайна Эдвина Друда»).

Я всегда был уверен (на подсознательном уровне, потому что я что-то не помню, чтобы я специально об этом задумывался), что у меня будет время закончить Башню, и в назначенный час Господь Бог даже пришлет мне музыкальную телеграмму: «Динь-динь-динь / Садись за работу, Стивен / Заканчивай Башню». В каком-то смысле что-то подобное и произошло, хотя это была не музыкальная телеграмма, а контакт первой степени с мини-автобусом «плимут». Но как бы там ни было, я снова засел за работу. Если бы этот фургончик, сбивший меня на дороге, был чуть побольше, если бы удар пришелся не в бок, а в лоб, то все закончилось бы убедительной просьбой к скорбящим не приносить цветов и «семья Кинга благодарит вас за искренние соболезнования». И поиск Роланда так и остался бы незавершенным. Кто-то, может быть, и завершил бы его, но не я.

В общем, в 2001 году — когда я более или менее пришел в себя — я решил, что уже пришло время закончить историю Роланда. Я отложил все остальное и засел за работу над последними тремя томами. Как обычно, я это сделал не столько ради читателей, которые требовали продолжения, сколько ради себя самого.

Сейчас зима 2003-го, и я еще даже не брался за окончательную редактуру двух последних томов, но сами книги уже готовы. Я закончил их прошлым летом. А в промежутке между редакторской доработкой пятого («Волки Кальи») и шестого («Песнь Сюзанны») томов я подумал, что пора бы вернуться к началу и внести исправления в первые книги. Почему? Потому что все семь томов цикла — это не отдельные ис-

тории, а части единого длинного повествования, большого романа под названием «Темная Башня», начало которого явно не синхронизировано с окончанием.

Мой подход к редактуре собственных произведений остался прежним. Я знаю, что многие авторы вносят правку «по ходу дела», но мой метод — это стремительный натиск: врываешься в книгу и проносишься сквозь нее на максимально возможной скорости, так чтобы клинок повествования всегда оставался острым — а чтобы он оставался острым, он должен всегда быть в работе, — и при этом стараешься обогнать злейшего из врагов всех писателей, имя которому — сомнение. Когда пересматриваешь свою вещь, сразу же возникает немало вопросов: «Насколько правдоподобны мои герои?», «Интересна ли книга в целом?», «Хорошая это книга или так, ерунда?», «Кого-то это вообще волнует?», «А меня самого это волнует?»

Когда книга закончена, я на время откладываю ее в сторону — такую, какая есть, со всеми недоработками и изъянами — и даю ей отлежаться, дозреть. Через какое-то время — полгода, год, два года, на самом деле это не так уж и важно — я возвращаюсь к отложенной книге, просматриваю ее снова, уже более спокойным (но по-прежнему любящим) взглядом и тогда уже начинаю править. Части «Башни» выходили отдельными книгами, каждая — под своим названием, правил я их отдельно и сумел оценить всю работу в целом, только закончив седьмую книгу, «Темную Башню».

Когда я внимательно перечитал первый том — тот, который у вас в руках, — я понял три очевидные истины. Во-первых, поскольку «Стрелок» был написан очень молодым автором, в нем присутствуют все про-

блемы, присущие книгам очень молодых авторов. Во-вторых, там есть много неточностей и фальстартов, и особенно — в свете следующих томов*. И в-третьих, «Стрелок» даже звучит совершенно не так, как другие книги, — честно сказать, его трудно читать. Я слишком часто извинялся за это перед читателями и говорил, что если они продержутся сквозь первый том, они увидят, что уже в «Извлечении троих» история обретает свой истинный голос.

Где-то в «Стрелке» встречается такое описание Роланда: человек, который подправил бы перекосившуюся картину в незнакомом гостиничном номере. Я сам точно такой же, и в каком-то смысле правка собственной книги к тому и сводится: подправить перекосившиеся картины, пропылесосить полы, выдраинуть туалет. В случае со «Стрелком» это была генеральная уборка. Мне пришлось потрудиться, но я не хотел упускать возможности сделать то, что хочется сделать любому из авторов со своей вещью, которая уже закончена, но ее еще нужно отшлифовать и настроить: довести до ума, чтобы все было правильно. Когда ты уже знаешь, что должно получиться в итоге, ты просто обязан вернуться к началу и свести все воедино. Причем это нужно не только потенциальным читателям — это нужно тебе самому. Собственно, я потому и решил переделать «Стрелку»; но при этом я очень тщательно следил за тем, чтобы мои исправления и добавления не раскрыли секретов, которые будут раскрыты в последних трех книгах, — секретов,

* Вот только один из примеров: в первой редакции «Стрелка» Фарсон — это название города. Но в следующих книгах оно как-то само собой превратилось в имя человека, мятежника Джона Фарсона, который устроил падение Гилеала, города-государства, где родился и вырос Роланд. — Примеч. авт.

некоторые из которых я терпеливо хранил на протяжении тридцати лет.

И еще я хочу сказать несколько слов о том молодом человеке, которым я был когда-то и который рискнул написать эту книгу. Этот молодой человек посещал слишком много писательских семинаров и как-то свыкся со всеми истинами, провозглашаемыми на таких семинарах: что автор пишет не для себя, а для других; что язык книги важнее сюжета; что неопределенность — это лучше, чем ясность и простота, которые часто являются признаками недалекого ума, воспринимающего все буквально. Так что я вовсе не удивился, когда обнаружил, что дебютный «Стрелок» получился излишне претенциозным (я уже не говорю про сотни совершенно не нужных наречий). Я убрал всю эту пустопорожнюю болтовню, и в этом смысле я не жалею ни об одном сокращенном слове. В каких-то местах — это всегда были фрагменты, где, увлекшись каким-нибудь завораживающим эпизодом, я забывал об идеях, которые нам вдалбливали на писательских семинарах, — я оставлял текст практически без изменений, не считая обычной редакторской правки. Как я уже говорил в другом месте и по другому поводу, с первого раза все получается только у Бога.

Но как бы там ни было, я не хотел слишком сильно менять стиль «Стрелка». Потому что мне кажется, что при всех его недостатках в нем есть какое-то особое очарование. Изменить эту книгу до неузнаваемости — это значило бы отречься от того человека, который первым ее написал, еще тогда, в конце весны и в начале лета 1970 года, а мне этого не хотелось.

Мне хотелось — причем по возможности до того, как последние книги серии выйдут в свет — сделать так, чтобы новым читателям, которым только еще

предстоит познакомиться с «Темной Башней» (и старым читателям, которые захотят вспомнить начало), было легче и проще войти в мир Роланда. Мне хотелось, чтобы читатели получили книгу, в которой были бы намечены основные сюжетные линии следующих томов. Надеюсь, я справился с этой задачей. Я сейчас обращаюсь к тем, кто еще не знаком с миром Башни: я очень надеюсь, что вам понравятся здешние чудеса. Потому что мир Роланда — это мир чудес, а его история — долгая сказка. Именно так я ее и задумал. И если Темная Башня околдует и вас, пусть даже самую малость, значит, я сделал свою работу — работу, которая началась в 1970-м и завершилась в общем и целом в 2003-м. Хотя сам Роланд сказал бы, что какие-то тридцать лет ничего не значат. На самом деле если ты вышел на поиски Темной Башни, тебя уже не заботит время.

6 февраля 2003

...камень, лист, ненайденная дверь; о камне, о листе, о двери. И обо всех забытых лицах.

*Нагие и одинокие приходим мы в изгнание.
В темной утробе нашей матери мы не знаем
ее лица; из тюрьмы ее плоти выходим мы в
невыразимую глухую тюрьму мира.*

*Кто из нас знал своего брата? Кто из нас
заглядывал в сердце своего отца? Кто из нас
не заперт навеки в тюрьме? Кто из нас не
остается навеки чужим и одиноким?*

*...О, утраченный и ветром оплаканный
призрак, вернись, вернись.*

Томас Вулф.
Взгляни на дом свой, ангел

19

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ

Глава 1

Стрелок

|

Человек в черном ушел в пустыню, и стрелок двинулся следом.

Эта пустыня, апофеоз всех пустынь, растянулась до самого неба, в необозримую бесконечность по всем направлениям — белая, слепящая, обезвоженная и совершенно безликая. Только мутное марево горной гряды призрачно вырисовывалось на горизонте, и еще изредка попадались сухие пучки бес-травы, что приносит и сладкие сны, и кошмары, и смерть. Редкий надгробный камень служил указателем на пути. Узенькая тропа, пробивающая толстую корку солончаков, — вот все, что осталось от старой столбовой дороги, где когда-то ходили фургончики и повозки. С тех пор мир сдвинулся с места. Мир опустел.

На стрелка накатило мимолетное головокружение, когда все внутри вдруг обрывается и мир кажется эфемерным, почти прозрачным. Оно быстро прошло, и, как и мир, по чьей тверди сейчас шел стрелок, он тоже сдвинулся с места. Стрелок шел спокойно, не

торопясь, но и не тратя времени даром. Вокруг его пояса обвивался бурдюк с водой. Бурдюк был почти полный и напоминал туго набитую колбасу. Стрелок много лет практиковался в *кхефе* и достиг, может быть, пятого уровня. Будь он праведником из мэнни, он бы вообще не испытывал жажды; он бы тогда наблюдал за тем, как его тело теряет воду, бесстрастно и невозмутимо, и увлажнял бы расщелины этого тела и темные глубины его пустот лишь тогда, когда разум подсказывал бы ему, что это действительно необходимо. Но он не был мэнни, и не поклонялся Человеку Иисусу, и уж никак не считал себя праведником. Иными словами, он был самым обычным странником и ничего не знал наверняка, кроме того, что ему уже хочется пить. Хотя не так сильно, чтобы пить прямо сейчас. В каком-то смысле ему это даже нравилось. Так было положено в этом краю, краю жажды, а всю свою долгую жизнь стрелок только и делал, что приспосабливается к обстоятельствам. И он это умел.

Под бурдюком прятались револьверы. Его револьверы, что как влитые ложились в руку. Они перешли к нему от отца, который был ниже ростом и не таким крупным, и их пришлось утяжелить металлическими нластинами. Пара ремней, перекрещиваясь, опоясывала его бедра. Две кобуры были промаслены так, что не растрескались даже от жара этого беспощадного солнца. Желтые, тщательно отполированные рукояти его револьверов были сделаны из лучшей сандаловой древесины. Прикрепленные к поясу крепкой веревкой из сырой матней кожи, кобуры покачивались при ходьбе, тяжело ударяя по бедрам. В этих местах синяя краска на джинсах стерлась (а ткань истончилась), и получились две светлые дуги, почти похожие на две улыбки. Медные гильзы патронов у него в патронта-

ше вспыхивали и мерцали на солнце, отражая его лучи, как гелиограф. Теперь патронов осталось значительно меньше, чем было. Кожа кобур едва уловимо потрескивала.

Его рубаха бесцветна, как дождь или пыль. Ворот распахнут, сыромятный шнурок свободно болтается в пробитых вручную дырках. Его шляпа давно потерялась. Как и рог — тот, в который трубят, — который был у него когда-то; он потерялся давным-давно, этот рог, выпал из руки умирающего товарища, и стрелку не хватало теперь их обоих.

Он остановился у пологой дюны (хотя песка в этой пустыне не было — один твердый сланец; и пронзительный ветер, что всегда пробуждался с наступлением темноты, поднимал только клубы несносной пыли, едкой, как чистящий порошок) и оглядел растоптаные угольки маленького костерка с подветренной стороны, с той стороны, откуда солнце уходит раньше. Такие вот мелочи — знаки, подобные этому, — лишний раз подтверждающие предполагаемую человеческую сущность человека в черном, — всегда доставляли ему несказанное удовольствие. Губы стрелка растянулись в подобие улыбки на изъеденных жаром пустыни останках лица. Улыбка вышла болезненной, страшной. Он присел на корточки.

Человек в черном жег бес-траву, а как же иначе. Бес-трава здесь — единственное, что горит. Горит очень медленно, блеклым масляным пламенем. Люди с приграничных земель говорили ему, что бесы живут даже в ее огне. Они, люди с границы, жгли бес-траву, но не смотрели на пламя. Они говорили, что, если смотреть на пламя, бесы тебя околдуют и утащат к себе. А потом какой-нибудь другой идиот, который тоже засмотрится на огонь, увидит там тебя.

Сожженная трава, еще один символ в уже знакомом идеографическом узоре, рассыпалась серой бесмыслицей под шарящей по кострищу рукой стрелка. Среди пепла не было ничего, лишь обгорелый кусочек бекона. Стрелок задумчиво его съел. Так было всегда. Уже два месяца он преследует человека в черном в этой пустыне, в нескончаемом, однообразном чистилище пустоты, и до сих пор не нашел ничего: только эти гигиенично-стерильные идеограммы пепла костров. Ни разу ему не попалось какой-нибудь банки, бутылки или же бурдюка (сам стрелок выкинул по дороге четыре штуки; просто выбросил, как змея сбрасывает отмершую кожу). Испражнений он тоже не видел. Наверное, человек в черном их зарывал.

А может быть, эти кострища — одна большая записка Высоким Слогом. По букве за раз. Кто его знает, что там написано. *Держи дистанцию, дружище*. Или, может быть: *уже скоро конец*. Или, может быть, даже: *а вот попробуй меня поймать*. Впрочем, это уже не имело значения. Стрелка совершенно не волновало, о чем говорится в этих записках — если это были записи. Его волновало другое: когда он пришел, это кострище уже остыло, как и все остальные. И все-таки он приблизился к цели. Он знал это наверняка, хотя и не знал — откуда. Может быть, просто чутье. Хотя это тоже уже не имело значения. Он пойдет дальше и будет идти, пока что-нибудь не изменится. А если даже ничего не изменится, он все равно пойдет дальше. Бог даст, будет вода, как говорят старики. Если Бог так решит, то вода обязательно будет — даже в пустыне. Стрелок поднялся, стряхивая пепел с рук.

Больше никаких следов; ветер, острый как бритва, давно срезал те бледные отпечатки, что могли удержаться на твердом сланце. Вообще ничего. Ни ис-

пражнений, ни мусора, никаких указаний на то, где их могли закопать. Ничего. Только эти остывшие костища вдоль древней торной дороги, ведущей на юго-восток, и неумолимый дальномер у него в голове. Хотя, разумеется, было еще кое-что; притяжение юго-востока — это не просто движение в заданном направлении и не простой магнетизм.

Он усился и позволил себе отхлебнуть воды из бурдюка. Он подумал о том мимолетном головокружении, когда ему вдруг показалось, что он почти не привязан к миру. Интересно, что это значит. И почему в связи с этим головокружением ему вспомнился его рог и последний из старых друзей, которых он потерял, обоих, давным-давно, у Иерихонского Холма. Ведь револьверы остались — револьверы его отца, — а это гораздо важнее, чем рог... или даже друзья.

Или нет?

Это был странный вопрос, тревожный, но поскольку ответ был один и вполне определенный, стрелок решил не ломать себе голову. Может быть, позже он еще поразмыслит об этом. Но не сейчас. Он оглядел пустыню и поднял глаза к солнцу, что спускалось теперь к горизонту по дальнему квадранту неба, который — вот тоже тревожная мысль — располагался уже не совсем на западе. Стрелок встал, вытащил из-за пояса старые, изношенные перчатки и принялся рвать бес-траву для своего костра. Он разложил костер в круге пепла, оставленного человеком в черном. В этом тоже была ирония, которая, как и романтика жажды, показалась стрелку привлекательной. Горькой, но привлекательной.

Он не сразу достал свой кремень и кресало. Он дождался, пока последние проблески дневного света не обратятся в летучее марево на земле под ногами и

в узкую ядовито-оранжевую полосу на черно-белом горизонте. Он терпеливо сидел, глядя на юго-восток, туда, где высились горы. Он ничего не ждал. Он не надеялся разглядеть тоненькую струйку дыма от другого костра или оранжевую искру пламени. Он просто смотрел, потому что так было нужно. И в этом тоже была своя горькая привлекательность. «Чтобы что-то увидеть, надо смотреть, понял, ты, недоумок, — говорил Корт. — Бог дал нам глаза, чтобы ими смотреть. Вот и открой свои буркалы».

Но там, в горах, не было ничего. Да, он уже близок к цели, но лишь относительно близок. Еще не настолько, чтобы в сумерках разглядеть дым или оранжевый проблеск костра.

Он высек искру на охапку сухой измельченной травы, бормоча бессмысленные слова старого детского заклинания:

— Искра, искра в темноте, где мой сир, подскажешь мне? Устою я? Пропаду я? Пусть костер горит во мгле.

Вот странно: человек вырастает и забывает про детство с его ритуалами и ребяческими заклинаниями — многое теряется по дороге, но кое-что все-таки остается, накрепко застrevает в мозгах, вцепляется в тебя мертвкой хваткой, и ты несешь этот груз всю жизнь, и с каждым годом он все тяжелее и тяжелее.

Он улегся на землю с наветренной стороны от костра так, чтобы дурманящий дым, навевающий грэзы, уносился в пустыню. Ветер, разве что изредка поднимавший взвихренную пыль, дул спокойно и ровно.

Немигающие звезды над головой светили тоже спокойно и ровно. Миллионы миров и солнц. Головокружительные созвездия, холодное пламя всех первозданных оттенков. Пока он смотрел, темно-лиловое

небо сделалось черным. Прочертив огненную дугу над Старой Матерью, во тьме мелькнул и погас метеор. Огонь костра отбрасывал в ночь причудливые тени. Бес-трава медленно выгорала, создавая новый узор — не идеограмму, а простенькое перекрестье линий, навевающее смутный ужас своей чуждой бессмыслице определенностью. Стрелок выкладывал траву для костища, не думая о каких-то художествах. Главное, чтобы хорошо горело. Но узор все-таки получился. Он рассказывал о черном и белом. О человеке, который подправил бы перекосившуюся картину в незнакомом гостиничном номере. Костер горел медленным, ровным пламенем, и фантомы плясали в его раскаленной серцевине. Стрелок их не видел. Он спал. Два узора, плоды искусства и ремесла, слились воедино. Ветер стонал, словно ведьма, чье нутро разъедает рак. Его капризные порывы то и дело подхватывали дурманящий дым и, кружась, овеивали стрелка. Так что он все же вдыхал дурман. И дурман творил сны, как едва уловимое раздражение творит жемчужину в устричной раковине. Иной раз стрелок стонал вместе с ветром. Но звезды были равнодушны к его тяжким стонам, как они равнодушны к войнам, распятиям и воскресениям. И в этом тоже была своя горькая привлекательность.

||

Он спустился с последнего из предгорий, ведя за собой мула, чьи глаза, выпученные от жара, были уже мертвы. Три недели назад он миновал последний городок, а потом был только заброшенный тракт, да еще изредка попадались селения жителей приграни-

чья — скопления хижин, покрытых дерном. То есть когда-то это были поселения, но они давно превратились в отдельные хутора, где обитали одни прокаженные и помешанные. Ему больше нравились полоумные. Один из них дал ему компас «Силва» из нержавеющей стали и попросил передать эту штуку Человеку Иисусу. Стрелок взял его с самым серьезным видом. Если он встретит Его, он отдаст Ему компас. Вряд ли, конечно, он встретит Иисуса, но всякое в жизни бывает. Однажды он видел тахина — это был человек с головой ворона — и окликнул его, но несчастный уродец сбежал, прокаркав что-то похожее на слова. Может быть, даже проклятия.

Последнюю хижину, где были люди, стрелок минаовал пять дней назад, и он уже начал подозревать, что никаких хижин больше не будет, но, поднявшись на гребень последнего иссеченного ветром холма, увидел знакомую низкую крышу, покрытую дерном.

Поселенец — на удивление молодой человек с взлохмаченными волосами цвета спелой клубники, что свисали почти до пояса, — с неистовой страстью пропалывал хилые кукурузные всходы. Мул издал жалобный хрюп, поселенец вскинул голову; он взглянул на стрелка, словно прицелился. Оружия у него не было. Во всяком случае, на виду. Поселенец поднял обе руки в небрежном приветствии, снова склонился над своей кукурузой на ближайшей к хижине грядке и принял вырывать и кидать через плечо бес-траву и зачахшие кукурузные стебли. Его длинные волосы разевались на ветру. Здесь ветер дул прямиком из пустыни, где нечему было его удержать.

Стрелок неспешно спустился с холма, ведя за собой мула, который вез бурдюки с водой. Он встал на краю кукурузной делянки, отхлебнул немного воды,

чтобы во рту появилась слюна, и сплюнул на засохшую землю.

— Доброй жатвы твоим посевам.

— И твоим тоже, — отозвался молодой поселенец.

Когда он разогнулся, у него в спине что-то явственно хрустнуло. Он смотрел на стрелка без страха. Его лицо — то есть та его малая часть, что просматривалась между космами и бородой, — было чистым, его не тронула гниль проказы, а глаза, разве что чуточку диковатые, казались глазами нормального человека. Не дурика. — Долгих дней и приятных ночных тебе, странник.

— Тебе того же вдвойне.

— Это вряд ли. — Поселенец коротко хохотнул. — У меня ничего нет, только бобы и кукуруза, — сказал он. — Кукуруза задаром, а за бобы надо будет чего-нибудь дать. Мне их приносит один мужик. Заходит сюда иногда, но никогда не задерживается надолго. — Поселенец опять рассмеялся. — Боится духов. И еще — человека-птицу.

— Я его видел. Человека-птицу, я имею в виду. Он от меня убежал.

— Ага. Он заблудился. Говорит, что он ищет какое-то место. Называется Алгул Сьенто, только он иногда называет его Синим Небом или Небесами. Я лично понятия не имею, где это. Ты не знаешь, случайно?

Стрелок покачал головой.

— Ладно... он не кусается и никому не мешает, так что хрен с ним. А ты сам живой или мертвый?

— Живой, — отозвался стрелок. — Ты говоришь, как мэнни.

— Я был мэнни, но очень недолго. Быстро понял, что это не для меня; уж больно они компанейские, на мой взгляд, и вечно их тянет искать дырки в мире.

«Это точно, — подумал стрелок. — Мэнни — великие путешественники».

Еще мгновение они молча разглядывали друг друга, а потом поселенец протянул стрелку руку.

— Меня зовут Браун.

Стрелок пожал его руку и назвал себя. И в этот момент тощий ворон каркнул на крыше землянки. Поселенец ткнул пальцем в ту сторону:

— А это Золтан.

При звуке своего имени ворон еще раз каркнул и слетел с крыши прямо на голову Брауну, где и устроился, вцепившись обеими лапами в спутанную шевелюру.

— Драть тебя во все дыры, — отчетливо прокаркал ворон. — И тебя, и кобылу твою.

Стрелок дружелюбно кивнул.

— Бобы, бобы, нет музыкальней еды, — вдохновенно продекламировал ворон, польщенный вниманием, — чем больше сожрешь, тем звончей перданешь.

— Это ты его учишь?

— Сдается мне, ничего больше он знать не хочет, — отозвался Браун. — Я как-то пытался его научить «Отче наш». — Он обвел взглядом безликую твердь пустыни. — Но, сдается мне, Отче наш — не для этого края. Ты стрелок. Верно?

— Да. — Он сел на корточки и достал кисет с табаком. Золтан перелетел с головы Брауна на плечо стрелка.

— А я думал, стрелков больше нет.

— Есть, как видишь.

— Ты из Внутреннего мира?

Стрелок кивнул.

— Только я там давно не был.

— Там еще что-то осталось?

Стрелок не ответил и сделал такое лицо, что сразу стало понятно: лучше не поднимать эту тему.

— Наверное, гонишься за тем, другим.

— Да, — ответил стрелок и тут же задал неизбежный вопрос: — Давно он тут проходил?

Браун пожал плечами.

— Не знаю. Здесь время какое-то странное. И направление и расстояния — тоже. Больше, чем две недели. Но меньше двух месяцев. Тот мужик, который мне носит бобы, с тех пор приходил два раза. Так что, наверное, шесть недель. Хотя я могу ошибаться.

— Чем больше сожрешь, тем звончей перданешь, — вставил Золтан.

— Он тут останавливался? — спросил стрелок.

Браун кивнул.

— Ну, только чтобы поужинать, как и ты. Ты же, как я понимаю, поужинаешь. Мы посидели с ним, потолковали.

Стрелок поднялся, и ворон, протестующе каркнув, перебрался обратно на крышу. Стрелка охватила какая-то странная дрожь — дрожь предвкушения.

— И что он тебе говорил?

Браун удивленно приподнял бровь.

— Да так, ничего. Спрашивал, бывает ли тут у нас дождь, и давно ли я здесь поселился, и не склонил ли жену. Спросил, была ли она мэнни, и я сказал, да, потому что мне показалось, что он и так это знает. Болтал-то все больше я, что вообще мне несвойственно. — Он умолк на мгновение, и только вой ветра нарушал мертвую тишину. — Он колдун, верно?

— Помимо прочего.

Браун серьезно кивнул.

— Я сразу понял. Он вытряхнул из рукава кролика, уже освежеванного и выпотрошенного. Прямо бери и клади в котел. А ты?

— Колдун? — Стрелок рассмеялся. — Нет, я просто человек.

— Тебе никогда его не догнать.

— Ничего, догоню.

Они посмотрели друг другу в глаза, вдруг проникшись взаимной симпатией: поселенец на иссохшей его земле, овеянной пылью, и стрелок на сланцевой тверди, уходящей в пустыню. Он достал свой кремень.

— На вот. — Браун вытащил из кармана спичку с серной головкой и зажег ее, чиркнув по заскорузлому ногтию. Стрелок поднес кончик своей самокрутки к огню и глубоко затянулся.

— Спасибо.

— Тебе, наверное, нужно наполнить свои бурдюки, — отвернувшись, сказал поселенец. — Там за домом — родник, прямо под скатом крыши. А я пока приготовлю поесть.

Стрелок направился на задний двор, осторожно переступая через кукурузные грядки. Родник оказался на дне вырытого вручную колодца, выложенного камнями, чтобы вода не подмывала почву, рассыпчатую, как пыль. Спускаясь по шаткой лесенке, стрелок рассудил про себя, что с камнями возни было минимум года на два: набрать, натаскать, уложить. Вода оказалась чистой, но текла медленно, так что долгое это было дело — наполнить все бурдюки. Когда он заканчивал со вторым, Золтан взгромоздился на край колодца.

— Драть тебя во все дыры. И тебя, и кобылу твою, — предложил он.

Стрелок вздрогнул и поднял глаза. Глубина футоў пятнадцать, не меньше; Брауну ничего бы не стоило

сбросить вниз камень, проломить стрелку голову и забрать все стрелково добро. Ни полоумный, ни прокаженный так бы не поступили; но Браун — не дурик и не больной. И все же Браун ему понравился, так что стрелок выбросил эту мысль из головы и наполнил оставшиеся бурдюки водой. Бог захотел — появилась вода, а чего там еще хочет Бог, с этим пусть разбирается ка*. А его дело маленькое.

Когда стрелок вошел в хижину, спустившись по лестнице (все как положено: жилье устроено под землей, только так можно схватить и удержать ночную прохладу), Браун сидел у крошечного очага и переворачивал в углях кукурузные початки, поддевая их деревянной лопаткой. Две побитые по краям тарелки уже стояли по обеим сторонам выцветшего одеяла мышиного цвета, рассстеленного на полу. Вода для бобов только еще начала закипать в котелке над огнем.

— Я заплачу и за воду тоже.

Браун даже не поднял головы.

— Вода — дар Божий. А бобы приносит папаша Док.

Стрелок издал короткий смешок и уселся на пол, прислонившись спиной к стене. Он сложил руки на груди и закрыл глаза. Вскоре по комнатушке разнесся запах жареной кукурузы. Браун высыпал в котелок пакетик сухих бобов, они громыхнули, как камушки. Слышалось изредка повторяющееся *тук-тук-тук* — это Золтан беспокойно ходил по крыше. Стрелок устал; бывало, в сутки он шел по шестнадцать, а то и вообще по восемнадцать часов, чтобы быстрей оказаться как можно дальше от того кошмара, что случился в Талле, последней из деревень у него на

* Ка — в египетской мифологии одна из душ человека.

пути. Причем последние двенадцать дней ему пришлось идти пешком; силы мула были уже на пределе. Как он еще жив — непонятно. Разве что в силу привычки. Когда-то стрелок знал одного человека, мальчишку по имени Шими. Так вот. У Шими был мул. Шими давно уже нет; никого больше нет. Остались лишь двое: сам стрелок и человек в черном. До него доходили какие-то смутные слухи об иных землях, зеленых землях за пределами этого края — их называют Срединным миром, — но верилось в это с трудом. Зеленые земли в здешнем пустынном краю — это как детская сказка.

Тук-тук-тук.

Две недели, сказал Браун, максимум шесть. Но это не важно на самом деле. В Талле были календари, и они там запомнили человека в черном. Потому что он исцелил старика. Самого обыкновенного старика, умирающего от травки. Старика тридцати пяти лет от роду. И если Браун не ошибался, получается, что человек в черном с тех пор поутратил свое преимущество, а стрелок сократил расстояние. Но пустыня еще не закончилась. И пустыня еще обернется адом.

Тук-тук-тук...

Одолжи мне свои крылья, птица. Я раскину их широко-широко, и меня унесет восходящий поток.

Он заснул.

III

Браун разбудил его через час. Было темно. Единственный проблеск света — тускло-вишневое мерцание угольков в очаге.

— Твой мул приказал долго жить, — сказал Браун. — Прими мои соболезнования. Ужин готов.

— Как?

Браун пожал плечами.

— Поджарен и сварен, а как иначе? Очень разборчивый, да?

— Нет, я про мула.

— Просто лег и не встал. Видно же, старый был мул. — Он помолчал и добавил, как бы извиняясь: — Золтан склевал глаза.

— Ага. — Этого следовало ожидать. — Ну да ладно.

Когда они уселись у одеяла, что служило здесь вместо стола, Браун еще раз изумил стрелка, испросив краткого благословения: дождя, здоровья и просветления душе.

— А ты веришь в загробную жизнь? — спросил стрелок, когда Браун выложил ему на тарелку три дымящихся кукурузных початка.

Браун кивнул.

— Сдается мне, это она и есть.

IV

Бобы были как пули, кукуруза — не мягче. Снаружи выл ветер, обдувая покатую крышу, свисающую до земли. Стрелок ел быстро и жадно, запивая еду водой. Он выпил целых четыре чашки. Он еще не доел, как вдруг раздался стук в дверь, словно кто-то строчил из пулемета. Браун встал и впустил Золтана. Ворон перелетел через комнату и угрюмо устроился в уголке.

— Нет музыкальней еды, — буркнул он.

— Слушай, а ты не думал его съесть? — спросил стрелок.

Поселенец рассмеялся.

— Животные, умеющие говорить... их не едят, — сказал он. — Птицы, ушастики-путники, бобы-человеки. У них мясо жесткое.

После ужина стрелок предложил Брауну свой табак.

«Сейчас, — подумал стрелок. — Сейчас будут вопросы».

Но Браун не задавал никаких вопросов. Он молча курил табак, выращенный в Гарлане долгие годы назад, и смотрел на догорающие угольки. В хижине стало заметно прохладнее.

— И не введи нас во искушение, — выдал Золтан. Неожиданно, как откровение.

Стрелок вздрогнул, как будто в него кто-то выстрелил. У него вдруг возникла уверенность, что все это иллюзия, наваждение. Что человек в черном наслал на него свои чары и пытается что-то ему сказать. Помощью таких идиотских и бесполковых символов.

— Знаешь такой городок, Талл? — спросил он.

Браун кивнул.

— Заходил на пути сюда. И потом еще один раз, чтобы продать кукурузу и хлопнуть виски. В тот год тут был дождь. Минут пятнадцать, наверное, лил. Земля, веришь ли, словно раскрылась и поглотила всю воду. И уже через час снова стала сухой и белой. Как всегда. Но кукуруза... Боже мой, кукуруза! Было видно, как она растет. Но это еще ничего. Ее было слышно, будто дождь дал ей голос. Хотя и безрадостный голос. Она как будто вздыхала и стонала, выбираясь из-под земли. — Он помолчал. — Зато уродилась на славу. Мне даже вроде как лишку было. Так что я взял и продал ее. Папаша Док предлагал, давай, мол,

я продам, чего тебе-то таскаться. Но он бы меня обжулил. Вот я сам и пошел.

— Тебе там не понравилось?

— Нет.

— А меня там едва не убили, — сказал стрелок.

— Как так?

— Я убил человека, которого коснулась десница Божия. Только это был не Бог. А тот человек, с кроликом в рукаве. Человек в черном.

— Он это специально подстроил. Заманил тебя в ловушку.

— Твоя правда, за правду — спасибо.

Они смотрели друг другу в глаза, сквозь полумрак. В этом застывшем мгновении чувствовалась некая безысходная завершенность.

«Сейчас будут вопросы».

Но Браун по-прежнему не задавал никаких вопросов. Он мусолил свою самокрутку, пока от нее не остался дымящийся чинарик, но когда стрелок похлопал по кисету, предлагая еще, Браун только мотнул головой.

Золтан встрепенулся, собрался было высказаться, но смолчал.

— А можно, я расскажу? — спросил стрелок. — Вообще-то я не особенно разговорчивый, но...

— Иногда надо выговориться. Ты рассказывай, а я буду слушать.

Стрелок попытался подобрать слова, чтобы начать рассказ, но не сумел ничего придумать.

— Мне надо отлить, — сказал он.

Браун кивнул.

— В кукурузу, ага?

— Ясное дело.

Он поднялся по лестнице и вышел в ночь. В небе мерцали звезды. Ветер бился, как пульс. Моча дрожащей струей пролилась на иссохшее кукурузное поле. Это он, человек в черном, заманил его сюда. Может быть, Браун и есть человек в черном. Может быть...

Он отогнал от себя эти мысли, тревожные и бесполезные. Он может справиться с чем угодно, кроме одного: собственного безумия. Он вернулся обратно в хижину.

— Ну что? Ты решил, наваждение я или нет? — спросил Браун.

Стрелок вздрогнул и на мгновение застыл на ступеньке. Потом неторопливо сошел вниз и сел на свое прежнее место.

— Да вот пока думаю. А ты наваждение?

— Если да, то я как-то не в курсе.

Ответ не сказать чтобы особенно утешительный, но стрелок решил, что сойдет и так.

— Так я начал про Талл.

— Растет городок?

— Его больше нет. Я убил всех, — сказал стрелок, а про себя добавил: «А теперь я убью и тебя, хотя бы по той причине, что мне надо выспаться, а так мне придется притглядывать за тобой. Как-то не хочется спать в один глаз». Как он до этого докатился? И зачем тогда гнаться за человеком в черном, если он сам стал таким же, как его враг?

Браун сказал:

— Мне ничего от тебя не нужно, стрелок. Разве что вот: когда ты уйдешь, мне бы хотелось остаться на этом свете. Я не стану тебя умолять сохранить мне жизнь, но это не значит, что мне неохота пожить еще.

Стрелок закрыл глаза. В голове все плыло.

— Скажи мне, кто ты, — хрипло выдавил он.

— Просто человек. Вполне безобидный и не желающий тебе зла. И если ты все еще хочешь рассказывать, я буду слушать.

Стрелок молчал.

— Ладно, я понял. Ты не успокоишься, пока я не попрошу тебя рассказать, — сказал Браун. — Вот я и прошу. Ты мне расскажешь про Талл?

Теперь слова пришли сами. Стрелок даже сам поразился тому, как он легко подбирает слова. Он заговорил. Поначалу — какими-то вялыми, невыразительными рывками, но мало-помалу рассказ вылился в плавное, может быть, даже слегка монотонное повествование. В голове прояснилось. Его охватило какое-то странное возбуждение. Говорил стрелок долго, до поздней ночи. Браун слушал не перебивая. И ворон тоже.

V

Он купил мула в Прайстауне, и, когда они пришли в Талл, мул был еще полон сил. Солнце зашло час назад, но стрелок продолжал идти, ориентируясь поначалу на отблески городских огней в небе, а потом — на неестественно чистые звуки кабацкого пианино, на котором играли «Эй, Джуд». Дорога заметно расширилась, как река, вбирающая в себя притоки. Вдоль дороги стояли столбы с искровыми фонарями, но их свет давно умер.

Стрелок уже и не помнил, когда закончился лес. Теперь он сменился однообразным, унылым пейзажем прерий: безбрежные заброшенные поля, заросшие низким кустарником и тимофеевкой, жалкие

лачуги, зловещие, брошенные поместья, хранимые сумрачными, словно погруженными в тяжкие думы особняками, где, несомненно, водились демоны; покинутые всеми скособоченные хибары, откуда люди ушли либо по собственной воле, либо их вынудили уйти; редкую хижину поселенца, оставшегося на месте, выдавало разве что одинокое мерцание точечки света во тьме по ночам, а днем — угрюмое, явно вырождающееся семейство, молча трудившееся на своем чахлом поле. Здесь в основном сеяли кукурузу и еще — бобы или горох. Случалось даже, что какая-нибудь отощавшая коровенка тупо таращилась на стрелка сквозь прореху в ободранной покосившейся изгороди. Четыре раза мимо проехали почтовые кареты: две — навстречу, две — в ту же сторону, что и стрелок. В обогнавших его каретах почти не было пассажиров; в тех, что катили в обратную сторону, к лесам на севере, народу было побольше. Иногда попадались и фермеры на своих шатких повозках. Они старательно отводили глаза, чтобы не встретиться взглядом со странником с револьверами.

Унылый, уродливый край. С тех пор как стрелок покинул Прайстаун, дождь шел два раза, и оба раза как будто нехотя. Даже трава тимофеевка была желтой и вялой. Это страна не для жизни: разве что быстро пройти ее и забыть. И никаких следов человека в черном. Но возможно, он сел в карету.

Дорога изогнулась дугой. Сразу за поворотом стрелок остановился и глянул вниз, на Талл. Городок расположился на дне чашевидной долины — поддельный самоцвет в дешевой оправе. Кое-где горел свет, в основном огни сосредоточились там, где звучала музыка. Улиц вроде бы было четыре, три из которых шли под прямым углом к проезжему тракту, служив-

шему одновременно и главной улицей городка. Может, тут есть ресторанчик. Сомнительно, впрочем, но вдруг... Стрелок прикрикнул на мула: «Пошел!»

Теперь дома вдоль дороги стояли все чаще, но почти все — по-прежнему необитаемые. Стрелок миновал крохотное кладбище. Заплесневелые, покосившиеся деревянные плиты утонули в буйно разросшейся бес-траве. А еще через пять сотен футов стрелок поравнялся с изжеванным указателем с надписью: ТАЛЛ.

Краска пооблупилась, так что разобрать надпись на указателе стало практически невозможно. Чуть подальше был еще один указатель, но стрелок так и не смог прочитать, что там написано.

Дурашливый хор полупьяных голосов поднялся в последнем протяжном куплете «Эй, Джуд» — «Наанаа-наа наа-на-на-на... эй, Джуд...», — едва стрелок вступил в черту городка. Звук был мертвым, как гудение ветра в дупле прогнившего дерева. И лишь прозаическое бренчание кабацкого пианино удержало стрелка от серьезных раздумий о том, уж не вызвал ли человек в черном призраков, чтобы населить ими этот заброшенный город. Эта мысль вызвала у него улыбку.

На улицах были люди. Не много, но были. Три дамы — все три в черных брюках и одинаковых блузах с высокими стоячими воротниками — прошли мимо стрелка по другой стороне дороги, подчеркнуто глядя в сторону. Их лица как будто плыли над неразличимыми под свободной одеждой телами, точно большие бледные шары с глазами. Мрачного вида старик в соломенной шляпе, крепко сидящей на самой макушке, наблюдал за ним со ступней крыльца заколоченной бакалейной лавки. Худющий портной, занятый

с поздним клиентом, на мгновение прервал работу и проводил стрелка взглядом; он даже поднес к окну лампу, чтобы получше разглядеть. Стрелок кивнул. Ни портной, ни клиент не кивнули в ответ. Он буквально физически ощущал, как их взгляды впились в кобуры у него на бедрах. Пацан лет тринадцати и девчонка — то ли его сестра, то ли подружка — перешли через улицу, помедлив какую-то долю мгновения. Прошли, поднимая ногами пыль, зависавшую в воздухе маленькими облачками. Здесь, в городке, фонари работали, но это были не электрические фонари; их стекла давно потускнели от толстого слоя масляного нагара. Кое-где фонари были разбиты. Была тут и платная конюшня, которая держалась, наверное, только тем, что через городок проходил маршрут почтовых карет. Сбоку от входа в конюшню трос мальчишек молча сидели на корточках возле поля для игры в шарики, начерченного в пыли, и смолили самодельные папиросы из кукурузных оберток. Их длинные тени пролегли через дворик. У одного была шляпа со скорпионным хвостом, лихо заткнутым за ленту. У второго — бельмо на вздутом, вылезающем из орбиты глазу. На левом.

Стрелок провел мимо них мула и заглянул в сумрачные глубины конюшни. Единственная лампа еле-еле коптила. В ее рассеянном свете вздрагивала и плясала тень — долговязый нескладный старик в комбинезоне, натянутом прямо на голое тело, поддавал громадными вилами большие охапки сена и размашисто, с уханьем, переваливал их на сеновал.

— Эй! — окликнул его стрелок.

Вилы дрогнули, и хозяин с раздражением обернулся.

— Себе поэйкай!

- У меня мул.
- Хорошо тебе.

Стрелок швырнул в полутьму золотой. Тяжелую, неровно обточенную по краям монету. Она сверкнула и глухо звякнула о старые доски, посыпанные сечкой.

Хозяин вышел вперед, наклонился, поднял золотой, подозрительно покосился на стрелка и, на мгновение задержав взгляд на его портупеях, кисло кивнул.

- Надолго его оставляешь?
- На ночь, на две. Может, больше.
- У меня нету сдачи.
- Сдачи не надо.
- Стреляные денежки, — буркнул хозяин.
- Что?
- Ничего. — Хозяин подхватил уздечку и повел мула в сарай.
- И почисти его хорошенъко! — крикнул стрелок вдогонку. — Приду — проверю!

Старик даже не обернулся. Стрелок вышел к мальчишкам, что сидели у поля для шариков. Он еще раньше заметил, что они наблюдают за их перепалкой со старым хрычом. Причем наблюдают с презрительным интересом.

— Долгих дней и приятных ночей, — сказал стрелок, пытаясь завязать разговор.

Нет ответа.

— Вы, ребята, здесь, что ли, живете? В городе?

Нет ответа. Но парень со скорпионьим хвостом на шляпе, похоже, кивнул головой.

Один из мальчишек вынул изо рта лихо скрученную папироску из кукурузной обертки, зажал в кулаке зеленый шарик — кошачий глаз — и пульнул его в круг на земле. Шарик ударил в «квакушку» и выбил

ее за пределы поля. Парнишка поднял свой камушек и приготовился к новому «выстрелу».

— Где тут можно поесть? — спросил стрелок.

Один из них, самый младший, соизволил-таки поднять голову. Уголок его рта украшала здоровая блямба простуды, но глаза у него были вполне нормальные и пока что бесхитростные и наивные. Впрочем, в таком тухлом месте эта наивность долго не протянет. Он смотрел на стрелка с плохо скрываемым удивлением, очень трогательным и одновременно пугающим.

— У Шеба бывают бифштексы.

— Это в том кабаке?

Мальчик кивнул:

— Ага.

Взгляды его товарищей сделались вдруг колючими и враждебными. Мальчишке, похоже, придется дорого заплатить за то, что он говорил с чужаком так дружелюбно.

Стрелок поднес руку к полям своей шляпы.

— Благодарствую, парни. Было приятно узнать, что в этом городе есть еще люди, у которых хватает мозгов, чтобы связно складывать звуки в слова.

Он поднялся на дощатый настил и зашагал вниз по улице к заведению Шеба. За спиной у него прозвучал звонкий презрительный голос кого-то из тех, двоих. Совсем еще детский дискант:

— Травоед! И давно, интересно, ты дрючишь свою сестру, Чарли? Травоед!

А потом — звук удара и плач.

У входа в кабак горели аж три керосиновые лампы, по одной с каждого боку и еще одна — прямо над покосившейся двустворчатой дверью. Пьяный хор, распевавший «Эй, Джуд», уже выдохся, и пианино

бренчало теперь какую-то другую старую балладу. Голоса шелестели, словно рвущиеся нити. Стрелок на мгновение застыл на пороге, глядя в зал. На полу — слой древесных опилок. У колченогих столов — плевательницы. Стойка — обычная доска, укрепленная на козлах для пилки дров. За ней — заляпанное зеркало, в котором отражался тапер, непременно сутулый, на своем непременно вертящемся табурете. У пианино не было передней панели, и было видно, как деревянные молоточки скачут вверх-вниз, когда эта хитрая штука играет. Барменша — светловолосая женщина в грязном голубом платье. Одна бретелька оторвана и подколота английской булавкой. Человек этак шесть — надо думать, все местные — скучковались в глубине зала, где методично нажирались и лениво поигрывали в «Не зевай». Еще с полдюжины посетителей сгрудились у пианино. Еще четверо или пятеро — у стойки. И какой-то старик со всклокочеными седыми космами спал, повалившись на столик у самых дверей. Стрелок вошел.

Все, кто был там, внутри, обернулись к двери. Все как один. Взгляды уперлись в стрелка и его револьверы. На мгновение в помещении воцарилась почти полная тишина, только рассеянный тапер, ничего не заметив, продолжал бренчать на своем пианино. А потом женщина за стойкой поморщилась, и все стало как прежде.

— Не зевай, — сказал кто-то из игроков в углу и побил червонную тройку четверкой пик, сбросив все свои карты. Тот, чья тройка ушла, смарто выругался, сдвинул деньги на середину стола, и карты сдали по новой.

Стрелок приблизился к стойке.

— Мясо есть? — спросил он.

— А то. — Женщина смотрела ему прямо в глаза. Когда-то она была даже красива, но с тех пор все изменилось. Мир сдвинулся с места. Теперь ее лицо поистаскалось и отекло, а на лбу красовался лиловый изогнутый шрам. Она его густо запудрила, но эта нехитрая уловка не скрывала рубец, а скорее привлекала к нему внимание. — Чистое мясо, хорошее. От доброй скотины. Только оно денег стоит.

Чистое, значит. От доброй скотины. Усраться можно, подумал стрелок. Да то, что лежит у тебя в холодилке, наверняка бегало на шести ногах и глядело тремя глазами, леди-сэй.

— Давай, значит, мне три бифштекса и пиво.

И снова — едва уловимый сдвиг в атмосфере. Три бифштекса. Рты наполнились слюной, языки впитали ее с неторопливым и сладострастным смаком. Три бифштекса. Где это видано, чтоб человек ел по три бифштекса за раз?!

— С тебя пять быков. Быксы-то есть?

— В смысле, доллары?

Женщина за стойкой кивнула, так что она, вероятно, имела в виду баксы.

— Это как, вместе с пивом? — спросил стрелок, улыбнувшись. — Или за пиво платить отдельно?

Женщина не улыбнулась в ответ.

— Ты сперва покажи мне деньги, а потом будет пиво.

Стрелок выложил на стойку золотой. Все взгляды как будто прилипли к монете.

Прямо за стойкой, слева от зеркала, стояла маленькая переносная печка с тлеющими углями. Женщина нырнула в какую-то каморку за печкой и вернулась уже с куском мяса, уложенным на бумажку. Отрезав три тоненьких ломтика, она швырнула их на

решетку над углами. Поднявшийся запах сводил с ума. Стрелок, однако, стоял с непробиваемо равнодушным видом, как бы и не замечая, что происходит вокруг: чуть сбившийся ритм пианино, заминку в игре картежников, косые взгляды завсегдатаев.

Мужик, подбиравшийся к нему сзади, был уже на полпути к своей цели, когда стрелок увидел его отражение в зеркале. Почти совсем лысый мужик. Его рука судорожно сжимала рукоять огромного охотниччьего ножа, прикрепленного к поясу на манер кобуры.

— Сядь на место, — сказал стрелок. — Не нарывайся, приятель.

Мужик замер на месте. Его верхняя губа непроизвольно приподнялась, как у оскалившегося пса. На мгновение все затихло. А потом лысый вернулся к своему столику, и все опять стало как прежде.

Пиво подали в стеклянном бокале, правда, слегка надтреснутом.

— У меня нету сдачи, — вызывающе объявила барменша.

— Сдачи не надо.

Она сердито кивнула, как будто ее взбесила эта откровенная демонстрация финансового благополучия, пусть даже и крайне выгодная для нее. Она, впрочем, взяла его золото, а еще через пару минут на тарелке сомнительной чистоты появились бифштексы, так и не прожаренные по краям.

— А соль у вас есть?

Она извлекла из-под стойки солонку. Соль слежалась в комки, и стрелку пришлось раскрошить ее пальцами.

— Хлеб?

— Хлеба нет.

Он знал, что она ему врет, и знал, почему она врет, и решил не настаивать. Лысый таращился на него, выпучив синюшные глаза; его руки то сжимались в кулаки, то вновь разжимались на растрескавшемся, выщербленном столе. Ноздри размеренно раздувались, впивая запах мяса. Ладно, хоть так. За понюхать деньги не берут.

Стрелок приступил к еде. Он ел спокойно, не торопясь и как будто не чувствуя вкуса — просто разрезал мясо на маленькие кусочки и отправлял их в рот, стараясь не думать о том, как могла выглядеть та корова, которую он сейчас ест. Барменша сказала, что мясо чистое. Ну да, как же! А свиньи выплясывают каммалу под Мешочной Луной.

Он доел почти все, что было, и собирался уже заказать еще пива и свернуть папироску, как вдруг кто-то тронул его за плечо.

Он вдруг осознал, что в зале опять стало тихо и подозрительно напряженно. Стрелок обернулся и уперся взглядом в лицо старика, который спал у дверей, когда он вошел в бар. Это было страшное лицо, по-настоящему страшное. От старика так и несло бес-травой. И глаза у него были жуткие: немигающие и застывшие — глаза проклятого человека, который глядит, но не видит. Это были глаза, навсегда обращенные внутрь, в стерильный, выхолощенный ад неподвластных контролю сознания грез, разнузденных снов, что поднялись из зловонных трясин подсознания.

Женщина за стойкой издала слабый стон.

Растресканные губы скривились, раскрылись, обнажая зеленые, как будто замшелые зубы, и стрелок подумал: «Он уже даже не курит ее, а жует. Он и вправду ее жует».

И еще: «Он же мертвый. Наверное, год как помер».

И потом еще: «Человек в черном. Без него явно не обошлось».

Они смотрели друг на друга: стрелок и старик, уже шагнувший за грань безумия.

Он заговорил, и стрелок застыл, пораженный: к нему обращались Высоким Слогом Гиляада!

— Сделай милость, стрелок-сэй. Не пожалей золотой. Один золотой — это ж такая беда.

Высокий Слог. В первый миг разум стрелка отказался его воспринять. Прошло столько лет — Боже правый! — прошли века, тысячелетия; никакого Высокого Слога давно уже нет. Он — последний. Последний стрелок. Все остальные...

Ошеломленный, он сунул руку в нагрудный карман и достал золотую монету. Растресканная, исцарапанная рука в пятнах гангрены протянулась за ней, нежно погладила, подняла вверх, так чтобы в золоте отразилось маслянистое мерцание керосиновых ламп. Монета отбросила сдержанный гордый отблеск: золотистый, багровый, кровавый.

— Ааахххххх... — Невнятное выражение удовольствия. Пошатнувшись, старик развернулся и двинулся к своему столику, держа монету перед глазами. Крутил ее так и этак, демонстрируя всем присутствующим.

Кабак быстро пустел. Створки входных дверей хлопали, словно крылья взбесившейся летучей мыши. Танер захлопнул крышку своего инструмента и вышел следом за остальными — широченными театрально-шутовскими шагами.

— Шеб! — крикнула барменша ему вдогонку. В ее голосе причудливо перемешались вздорная злоба и страх. — Шеб, сейчас же вернись! Что за черт!

Старик тем временем вернулся за свой столик. Сел, крутанул золотую монету на выщербленной столешнице. Его полумертвые глаза, не отрываясь, следили за ней — завороженные и пустые. Когда монета остановилась, он крутанул ее еще раз, потом — еще, его веки отяжелели. После четвертого раза его голова упала на стол еще прежде, чем монета остановилась.

— Ну вот, — с тихим бешенством проговорила барменша. — Всех клиентов мне распугал. Доволен?

— Вернутся, куда они денутся, — отозвался стрелок.

— Но уж не сегодня.

— А это кто? — Он указал на травоеда.

— А не пошел бы ты в жопу. Сэй.

— Мне надо знать, — терпеливо проговорил стрелок. — Он...

— Он так смешно с тобой разговаривал, — сказала она. — Норт в жизни так не говорил.

— Я ищу одного человека. Ты должна его знать.

Она смотрела на него в упор, ее злость потихонечку выдыхалась. Она словно что-то прикидывала в уме, а потом в ее глазах появился напряженный и влажный блеск, который стрелок уже видел не раз. Покосившееся строение что-то выскрипывало про себя, словно в глубокой задумчивости. Где-то истошно лаяла собака. Стрелок ждал. Она увидела, что он понял, и голодный блеск сменился безысходностью, немым желанием, у которого не было голоса.

— Мою цену ты знаешь, наверное, — сказала она. — Раньше я на мужиков не бросалась, это они на меня бросались. Но теперь все не так, как раньше. А мне очень нужно.

Он смотрел на нее в упор. В темноте шрама будет не видно. Ее тело не смогли состарить ни пустыня,

ни песок, ни ежедневный тяжелый труд. Оно было вовсе не дряблым, а худым и подтянутым. И когда-то она была очень хорошенькой, может быть, даже красивой. Но это уже не имело значения. Даже если бы в сухой и бесплодной черноте ее утробы копошились могильные черви, все равно все случилось бы именно так. Все было предопределено. Предначертано чьей-то рукой в книге ка.

Она закрыла лицо руками. В ней еще оставались какие-то соки: чтобы заплакать, хватило.

— *Не смотри!* Не надо так на меня смотреть! Я не какая-то грязная шлюха!

— Прости, — сказал стрелок. — Я и в мыслях подобного не держал.

— Все вы так говорите!

— Закрой заведение и погаси свет.

Она плакала, не отнимая рук от лица. Ему понравилось, что она закрывает лицо руками. Не из-за шрама, нет, просто это как бы возвращало ей если не девственность, то былую девическую стыдливость. Булавка, что держала бретельку платья, поблескивала в масляном свете ламп.

— Он ничего не утащит? Если хочешь, могу его выгнать.

— Нет, — прошептала она. — Норт никогда ничего не крал.

— Тогда гаси свет.

Она убрала руки с лица, только когда зашла ему за спину. Потом потушила все лампы, одну за другой: долго ходила по залу, подкручивала фитили, задувала пламя. А потом, в темноте, она взяла его за руку. Ее рука была теплой. Она увела его вверх по лестнице. Там не было света, чтобы скрыть их сношение:

VI

Он свернул во тьме две самокрутки, раскурил обе и отдал одну ей. Комната хранила ее запах — трогательный аромат свежей сирени. Но запах пустыни его забивал. Стрелок вдруг понял: он боится пустыни, что ждала впереди.

— Его зовут Норт, — сказала она. Даже теперь ее голос не сделался мягче. — Просто Норт. Он мертвый.

Стрелок молча ждал продолжения.

— Его коснулась десница Божия.

Стрелок сказал:

— Я ни разу Его не видел.

— Сколько я себя помню, он все время был здесь...

Норт, я имею в виду, не Бог. — Она усмехнулась в темноте. — Одно время он подрабатывал тем, что развозил по дворам навоз. Потом запил. Стал нюхать траву. А потом и курить. Дети таскались за ним повсюду, проходу ему не давали, собак науськивали. У него были такие зеленые старые шаровары, и от них жутко воняло. Ты понимаешь?

— Да.

— Он начал ее жевать. Под конец уже просто сидел и вообще ничего не делал. Даже есть перестал. Наверное, воображал себя королем. Детишки, наверное, были его шутами, а собаки — придворными.

— Да.

— Помер он тут, в аккурат на пороге. Шел по улице, сапогами своими шлепал... сапоги-то солдатские были, носи их — не сносишь... он их нашел на старом полигоне... в общем, шел он по улице, ну и, как водится, следом — детишки с собаками. Видок у него был еще тот! Как вот вешалки, что из проволоки, если

их собрать и скрутить все вместе. В глазах у него словно адов огонь горел, а он еще ухмылялся. Такой, знаешь, оскал... малышня вырезает похожие рожи на тыквах в канун Большой Жатвы. А уж неслы от него, кошмар! И грязью, и гнилью, и травкой. Она, знаешь, стекала по уголкам его рта, как зеленая кровь. Я так думаю, он собирался войти и послушать, как Шеб играет. И буквально уже на пороге вдруг замер, голову вскинул. Я его видела, но подумала, что он карету услышал, хотя для кареты было рановато. А потом его вырвало, черным таким, с кровью. Лезло все через эту его ухмылку, как сточные воды через решетку. А уж воняло... лучше с ума сойти, честное слово. Он вскинул руки и как отключился. Просто упал, и все. Так и умер с этой ухмылкой на губах. В своей же блевотине.

— Добрая такая история.

— Да, спасибо-сэй. Какое место, такая история.

Ее била дрожь. Ветер снаружи так и не унялся. Где-то хлопала дверь, далеко-далеко — как звук, пригревшийся во сне. В стене копошились мыши. «Надо думать, это — единственное заведение во всем городке, где мышам есть чем поживиться», — подумал стрелок. Он положил руку ей на живот. Она вздрогнула, но тут же расслабилась.

— Человек в черном, — сказал стрелок.

— А почему нельзя кинуть палку и сразу заснуть? Но ты от меня не отстанешь, как я понимаю, пока я все не расскажу?

— Мне надо знать.

— Ладно. Я расскажу. — Она сжала его ладонь обеими руками и рассказала все.

VII

Он заявился под вечер, в тот день, когда умер Норт. Ветер в тот вечер разбушевался: рассеивал верхний слой почвы, поднимал в воздух песчаную пелену, вырывал с корнем еще недозревшую кукурузу. Хьюбал Кеннерли запер конюшню, а торговцы, державшие лавки, закрыли все окна ставнями и заложили их досками. Небо было желтым, цвета заскорузлого сыра, и тучи неслись в вышине, как будто что-то их напугало в безбрежных просторах пустыни, над которой они только-только промчались.

Он приехал в дребезжащей повозке с парусиновым верхом, бьющимся на ветру. Он улыбался: как говорится, улыбочка до ушей. Люди наблюдали, как он въезжает в городок, и старик Кеннерли, который лежал у окна, сжимая в одной руке початую бутылку, а в другой — распутную горячую плоть (а именно левую грудь своей второй дочки), решил не открывать, если тот постучит. Ну, вроде как никого нету дома.

Но человек в черном проехал мимо конюшни, даже не приостановившись. Колеса повозки вращались, взбивая пыль, и ветер жадно хватал ее, унося прочь. Он мог быть священником или монахом — судя по запорошенной пылью черной сутане с широким капюшоном, покрывавшим всю голову и скрывающим лицо, так что были видны только тонкие губы, растянутые в этой жуткой довольной улыбке. Сутана развевалась и хлопала на ветру. Из-под полы торчали квадратные носы тяжелых сапог с массивными пряжками.

Он остановился у заведения Шеба. Там и привязал коня, который сразу же принялся тыкаться носом в голую землю. Развязав веревку, скреплявшую парусину на задке повозки, человек в черном вытащил

старый потертый дорожный рюкзак, закинул его за плечо и вошел в бар.

Элис уставилась на него с нескрываемым любопытством, но больше никто не заметил, как он вошел. Все изрядно надрались. Шеб наигрывал методистские гимны в рваном ритме регтайма. Убеленные седина-ми лоботрясы, которые подтянулись в тот день пораньше, чтобы переждать бурю и помянуть в бозе почившего Норта, уже успели охрипнуть — ну еще бы, весь день только и делают, что напиваются и горланят песни. Шеб, пьяный вдрызг и одурманенный возбуждающей мыслью, что сам он пока еще не рас прощался с жизнью, играл с каким-то неистовым пылом. Пальцы так и летали по клавишам.

Хриплые вопли не перекрывали вой ветра снаружи, но иной раз казалось, что гул человеческих голосов бросает ему дерзкий вызов. Захари, уединившись в углу с Эми Фельдон, закинул юбки ей на голову и рисовал у нее на коленях символы Жатвы. Еще несколько женщин ходили, что называется, по рукам. Похоже, что все пребывали в каком-то горячечном возбуждении. А мутный свет затененного бурей дня, проникавший сквозь створки входной двери, как будто насмехался над ними.

Норта положили в центре зала на двух сдвинутых вместе столах. Носы его солдатских сапог образовали таинственную букву V. Нижняя челюсть отвисла в вялой усмешке, хотя кто-то все-таки удосужился закрыть ему глаза и положить на них по монетке. В руки, сложенные на груди, вставили пучок бес-травы. Несло от него кошмарно — какой-то отравой.

Человек в черном снял капюшон и подошел к стойке. Элис наблюдала за ним, ощущая тревогу, смешанную со знакомым, голодным желанием, скры-

тым в самых глубинах ее естества. Он не носил никаких отличительных знаков религиозного ордена, хотя само по себе это еще ничего не значило.

— Виски, — сказал он. У него был приятный голос, тихий и мягкий. — Только хорошего виски, лапуля.

Она пошарила под прилавком и достала бутылку «Стар». Она могла бы всучить ему местной сивухи, выдав ее за лучшее, что у них есть, но все же достала нормальное виски. Пока она наливалась, человек в черном смотрел на нее не отрываясь. У него были большие, как будто светящиеся глаза. Было слишком темно, чтобы точно определить их цвет. Голод внутри нарастил. Пьяные вопли и выкрики не умолкали ни на мгновение. Шеб, никчемный кастрат, играл гимн о Христовом воинстве, и кто-то уговорил тетушку Милли спеть. Ее голос, скрипучий, противный, врезался в пьяный гул голосов, словно топор с тупым лезвием — в череп теленка на бойне.

— Эй, Элли!

Она пошла принимать заказ, задетая молчанием незнакомца, уязвленная взглядом его странных глаз непонятного цвета и своим нестихающим жжением в паху. Она боялась своих желаний. Они были капризны. И не подчинялись ей. Эти желания могли быть симптомом больших перемен, а те, в свою очередь, — признаком подступающей старости, а старость в Талле всегда была краткой и горькой, как зимний закат.

Бочонок с пивом уже опустел. Она открыла еще один. Уж лучше все сделать самой, чем просить Шеба. Конечно, он прибежит, как пес, которым, собственно, он и был, прибежит по первому зову и либо порежет себе пальцы, либо прольет все пиво. Пока она возилась с бочонком, незнакомец смотрел на нее. Она чувствовала его взгляд.

— Много у вас тут народу, — сказал он, когда она возвратилась за стойку. Он еще не притронулся к своему виски, а просто катал стакан между ладонями, чтобы согреть напиток.

— У нас тут поминки, — сказала она.

— Я заметил покойного.

— Никчесные люди, — сказала она с внезапной злобой. — Никчесные люди.

— Это их возбуждает. Он умер. Они — еще нет.

— Они смеялись над ним при жизни. И они не должны издеваться над ним хотя бы теперь. Это нехорошо. Это... — Она запнулась, не зная, как выразить свою мысль: что это и почему это мерзко.

— Травоед?

— Да! А что еще у него было в жизни?

В ее голосе явственно слышалось обвинение, но незнакомец не отвел глаз, и она вдруг почувствовала, как кровь жаркой волной прилила ей к лицу.

— Прошу прощения. Вы, наверное, священник? Вам, должно быть, все это противно?

— Я не священник, и мне не противно. — Он осушил стакан виски одним глотком и даже не поморщился. — Еще, пожалуйста. Еще один и от души, как говорят в одном мире, тут по соседству.

Она не поняла, что это значит, но побоялась спросить.

— Только сперва покажите деньги. Прошу прощения.

— Нет надобности извиняться.

Он выложил на прилавок неровную серебряную монету, толстую с одного конца и потоньше — с другого, и она сказала, как скажет потом:

— У меня нету сдачи.

Он лишь мотнул головой и с рассеянным видом глядел на стакан, пока она наливалась ему еще виски.

— Вы у нас как, проездом? — спросила она.

Он долго молчал, и она уже собралась повторить свой вопрос, как вдруг он раздраженно тряхнул головой.

— Не надо сейчас говорить о таких пустяках. В присутствии смерти.

Она приумолкла, обиженнная и пораженная. Он, должно быть, солгал, когда сказал ей, что он — не священник. Солгал, чтобы ее испытать.

— Он тебе нравился, — произнес незнакомец будничным тоном. — Да?

— Кто? Норт? — Она рассмеялась, прикинувшись раздраженной, чтобы скрыть смущение. — По-моему, вам лучше...

— Ты — добрая. И тебе страшно, — продолжал он. — А он жевал травку. Заглядывал с черного хода в ад. И вот он — смотри. Он ушел, и дверь за ним захлопнулась, а ты думаешь, будто ее не откроют, пока не придет твое время переступить этот порог, я не прав?

— Вы что, пьяны?

— Миштер Нортон откинул копыта, — проговорил нараспев человек в черном, так что все это прозвучало язвительно и издевательски. — Он мертв. Как и все здесь. Как ты. Как все вы.

— Убирайтесь отсюда.

Ее охватила холодная дрожь отвращения, но внизу живота по-прежнему разливалось тепло.

— Все в порядке, — сказал он мягко. — Все в полном порядке. Подожди. Подожди и увидишь.

Теперь она разглядела его глаза: голубые. В голове у нее появилась какая-то странная легкость, словно она приняла дурманящего снадобья.

— Мертв, как и все вы, — повторил он. — Ты видишь?

Она тупо кивнула, и он рассмеялся — звонким, сильным и чистым смехом. Все как один обернулись к нему. Он обвел взглядом зал, внезапно сделавшись центром внимания. Тетушка Милли запнулась и замолчала, только отзвук высокой скрипучей ноты еще дрожал, растекаясь в воздухе. Шеб сбился с ритма и остановился. Все с беспокойством уставились на чужака. Снаружи по стенам шуршал песок.

Тишина затянулась. У Элис перехватило дыхание. Она опустила глаза и увидела, что ее руки сжимают живот под стойкой. Все смотрели на чужака. Он — на них. А потом он опять рассмеялся своим сильным свободным смехом — смехом, с которым нельзя не считаться. Но больше никто не рассмеялся. Никто.

— Я покажу вам чудо! — выкрикнул он. Но они лишь смотрели во все глаза, как смотрят на фокусника послушные дети, уже слишком большие и взрослые, чтобы верить в его чудеса.

Человек в черном резко подался вперед, и тетушка Милли в страхе отшатнулась. Он свирепо оскалился и шлепнул ее по огромному пузу. Она коротко хохотнула — помимо собственной воли и неожиданно для себя самой, — и человек в черном спросил:

— Так лучше, правда?

Тетушка Милли опять захихикала, а потом вдруг разрыдалась и, не разбирай дороги, бросилась за порог. Все остальные молча смотрели ей вслед. Кажется, собиралась буря: черные тучи мчались друг за другом, вздымаясь и опадая, как волны, на фоне белого неба. Какой-то мужчина, застывший у пианино с позабытой кружкой пива в руке, вдруг застонал.

Человек в черном встал перед Нортом, взглянул на него сверху вниз и усмехнулся. Ветер выл, вопил и бесновался снаружи. Что-то тяжелое и большое ударились в стену таверны и отскочило прочь. Один из мужчин, стоявших у стойки, неожиданно встрепенулся и вышел за дверь. Решил, должно быть, что дома будет спокойнее. Гром был похож на натужный кашель какого-нибудь прихворнувшего бога.

— Хорошо, — ослабился человек в черном. — Замечательно. Что ж, приступим.

Старателю целясь, он принял плевать Норту в лицо. Слюна заблестела на лбу у покойного, стекая жемчужными каплями по его крючковатому носу, похожему на выбритый клюв.

Руки Элис под стойкой заработали еще быстрее.

Шеб расхохотался, да так, что аж согнулся пополам и тут же закашлялся, отхаркивая липкие комки мокроты. Человек в черном одобрительно рыкнул и постучал его по спине. Шеб ухмыльнулся, сверкнув золотым зубом.

Кое-кто убежал. Остальные сгрудились вокруг Норта. Все его лицо, складки дряблой и сморщенной кожи на шее и верх груди теперь блестели от влаги — такой драгоценной в этом засушливом крае. А потом дождь слоны вдруг прекратился. Как по команде. Слышалось только дыхание, тяжелое, хриплое.

Человек в черном внезапно подался вперед и, согнувшись, перелетел через труп, описав в воздухе плавную дугу. Это было красиво, как всплеск воды. Он приземлился на руки, рывком вскочил на ноги, ухмыльнулся и прыгнул обратно. Кто-то из зрителей, забывшись, захлопал в ладоши, но тут же попятился, выпучив глаза, помутневшие от ужаса. Зажав рукой рот, он рванулся к дверям.

Норт шевельнулся, когда человек в черном перелетел через него в третий раз.

По рядам зрителей пробежал глухой ропот. Вернее, один-единственный вздох — и все снова затихло. Человек в черном запрокинул голову и завыл. Его грудь ходила ходуном от учащенного, неглубокого дыхания: он словно накачивался воздухом. Все быстрее и быстрее становились его прыжки — он буквально переливался над телом Норта, как вода из стакана в стакан. В глухой тишине слышался только рвущийся скрежет его дыхания и гул набирающей силу бури.

И вот Норт сделал глубокий вдох. Его руки затряслись и принялись колотить по столу. Шеб с визгом ринулся за порог. Следом за ним выбежала одна из женщин.

Человек в черном перелетел через Норта еще раз. Два раза, три раза. Тело на столе сотрясала дрожь. Сейчас Норт был похож на большую куклу, которая вроде как оживает — хотя, конечно, она не живая, просто у нее внутри скрыт какой-то чудовищный механизм. Смешанный запах гниения, разложения и экскрементов вздымался удушающими волнами. Глаза Норта открылись.

Элис почувствовала, как ноги сами уносят ее назад. Отступая, она уткнулась спиной в зеркало. Оно задрожало, и ее вдруг охватила слепая паника. Она опрометью бросилась вон.

— Вот твое чудо, — отдуваясь, крикнул ей вслед человек в черном. — Дарю. Теперь можешь спать спокойно. Даже *такое* не обратимо. Хотя все это... так... черт подери... *смешно!* — И он опять рассмеялся. Хохот все отдалялся и отдалялся, пока она неслась вверх по лестнице и остановилась только тогда, когда захлопнула дверь и заперла ее за собой.

Привалившись к стене за закрытой дверью, она опустилась на корточки и, раскачиваясь взад-вперед, зашлась в истерическом смехе, который сменился пронзительным воем и утонул в завываниях ветра. Ей было слышно, как внизу мертвый — оживший — Норт стучит кулаками по столу, словно кто-то вслепую колотит по крышке гроба. Она подумала: а что, интересно, он видел, пока лежал мертвый? Запомнил он что-нибудь или нет? Расскажет он или нет? Может быть, там, внизу, обнаружатся тайны загробного мира? И что самое страшное — ей было действительно интересно.

А внизу Норт с отрешенным, рассеянным видом вышел из бара на улицу, в бурю, чтобы нарвать себе травки. И может быть, человек в черном — единственный оставшийся посетитель — проводил его взглядом. И может быть, он улыбался по-прежнему.

Когда, уже ближе к ночи, она все же заставила себя спуститься вниз с зажженной лампой в одной руке и увесистым поленом — в другой, человек в черном уже ушел. Не было и повозки. Зато Норт как ни в чем не бывало сидел за столиком у дверей, словно он никуда и не отлучался. От него пахло травкой, хотя и не так сильно, как можно было ожидать.

Он взглянул на нее и несмело улыбнулся.

— Привет, Элли.

— Привет, Норт.

Она опустила полено и принялась зажигать лампы, стараясь не поворачиваться к нему спиной.

— Меня коснулась десница Божия, — сказал он чуть погодя. — Я больше уже никогда не умру. Он так сказал. Он обещал.

— Хорошо тебе, Норт.

Лучина выпала из ее дрожащей руки, и она наклонилась ее поднять.

— Я, знаешь, хочу прекратить жевать эту траву, — сказал он. — Как-то оно мне не в радость уже. Да и негоже, чтобы человек, кого коснулась десница Божия, жевал такую отраву.

— Ну так возьми и прекрати. Что тебе мешает?

Она вдруг озлобилась, и эта злоба помогла ей снова увидеть в нем человека, а не какое-то адское существо, чудом вызванное в мир живых. Перед ней был обычный мужик, пришибленный и забалдевший от травки, с видом пристыженным и виноватым. Она уже не боялась его.

— Меня ломает, — сказал он. — И мне ее хочется, травки. Я уже не могу остановиться. Элли, ты всегда была доброй ко мне... — Он вдруг заплакал. — Я даже уже не могу перестать ссать в штаны. Кто я? Что я?

Она подошла к его столику и замерла в нерешительности, не зная, что говорить.

— Он мог сделать так, чтобы я ее не хотел, — выдавил он сквозь слезы. — Он мог это сделать, если уж смог меня оживить. Я не жалуюсь, нет... Не хочу жаловаться... — Затравленно оглядевшись по сторонам, он прошептал: — Он грозился меня убить, если я стану жаловаться.

— Может быть, он пошутил. Кажется, чувство юмора у него есть. Пусть и своеобразное.

Норт достал из-за пазухи свой кисет и извлек пригоршню бес-травы. Она безоговорочно ударила его по руке и, испугавшись, тут же отдернула руку.

— Я ничего не могу поделать, Элли. Я не могу... — Неуклюжим движением он опять запустил руку в кисет. Она могла бы его остановить, но не стала. Она отошла от него и вновь принялась зажигать лампы, уставшая до смерти, хотя вечер едва начался. Но в тот вечер никто не пришел — только старик Кен-

нерли, который все пропустил. Он как будто и не удивился, увидев Норта. Наверное, ему уже рассказали, что было. Он заказал пива, спросил, где Шеб, и облапал ее.

А чуть позже Норт подошел к ней и передал ей записку — сложенную бумажку в трясущейся руке. В руке, которая не должна была быть живой.

— Он просил передать тебе это. А я чуть не забыл. А если бы забыл, он бы вернулся и убил бы меня, это точно.

Бумага стоила дорого, и этот листок представлял собой немалую ценность, но ей не хотелось брать его в руки. Ей было противно его держать. Он был какой-то тяжелый — и страшный. На нем было написано:

Элис

— Откуда он знает, как меня звать? — спросила она у Норта, но тот лишь покачал головой.

Она развернула листок и прочла:

Тебе интересно узнать про Смерть. Я оставил ему слово. Это слово ДЕВЯТЬНАДЦАТЬ. Скафандри ему это слово, и его разум раскроется. Он расскажет тебе, что сейчас там, да早就. Расскажет тебе, что он видел.

Слово: ДЕВЯТЬНАДЦАТЬ.

Ты узнаешь, что хочешь знать.

Знание сведет тебя с ума.

Но когда-нибудь мы обрадуем его спросишь.

Рано или поздно мы спросим.

Прости за склонность держаться.

Удачи! :)

Читер о'Мрак

Р. Слово: ДЕВЯТНАДЦАТЬ.

*Ты постаралась это забыть, но когда-нибудь оно
вернется, это слово. Вернется, как быволина.*

ДЕВЯТНАДЦАТЬ.

Да. Боже правый. Она знала, что так и будет. Оно уже дрожит на губах — это слово. *Девятнадцать*, скажет она. *Норт, послушай: девятнадцать*. И ей открываются тайны Смерти — мири за гранью жизни.

Рано или поздно ты спросишь.

Назавтра все было почти как всегда, разве что ребятишки не бегали по пятам за Нортом. А еще через день возобновились и улюлюканье, и издевки. Все вернулось на круги своя. Детишки собрали кукурузу, вырванную бурей, и через неделю после воскрешения Норта сожгли ее посреди главной улицы. Костер вспыхнул ярко и весело, и почти все завсегдатай пивнушки вышли, пошатываясь, поглазеть. Они были похожи на первобытных людей, дивящихся на огонь. Их лица как будто плыли между пляшущими языками пламени и сиянием неба, как будто присыпанного ледяным крошевом. Наблюдая за ними, Элли вдруг ощутила пронзительную безысходность. Мрачные времена наступили в мире. Все распадалось на части. И больше нет никакого стержня, который удержал бы мир от распада. Где-то что-то пошатнулось, и когда оно упадет, все закончится. Она в жизни не видела океана. И уже никогда не увидит.

— Если бы я *не боялась*, — пробормотала она. — Если бы я *не боялась*, если бы я...

На звук ее голоса Норт поднял голову и улыбнулся. Пустой улыбкой — из самого ада. Но она очень боялась. Решимости у нее не было. Только барная стойка и шрам. И еще — слово. За плотно сомкнуты-

ми губами. А что, если позвать его прямо сейчас, притянуть ближе к себе — несмотря на кошмарную вонь — и шепнуть ему на ухо... слово. Его глаза станут другими. Превратятся в глаза того — человека в черной сутане. И Норт расскажет ей о Стране Смерти, что лежит за пределами жизни земной и могильных червей.

Я никогда не скажу ему слово.

Но человек, который воскресил Норта и оставил для нее записку — оставил, словно заряженный револьвер, который она когда-нибудь поднесет к виску, — знал, как все будет.

Девятнадцать откроет тайну.

Девятнадцать и есть тайна.

Она вдруг поймала себя на том, что рассеянно водит пальцем по пиву, пролитому на стойке, выписывая ДЕВЯТНАДЦАТЬ, — и быстро вытерла мутную лужицу, когда заметила, что Норт наблюдает за ней.

Костер прогорел быстро. Ее клиенты вернулись в пивную. Она принялась методично вливать в себя виски «Стар» и к полуночи напилась вусмерть.

VIII

Она закончила свой рассказ и, поскольку стрелок ничего не сказал, решила, что он уснул, не дослушав. Она уже и сама начала засыпать, как вдруг он спросил:

— Это все?

— Да. Это все. Уже очень поздно.

— Гм... — Он свернулся еще одну папироску.

— Не сори табаком у меня в кровати, — сказала она. Резче, чем ей бы хотелось.

— Не буду.

Опять тишина. Лишь огонек самокрутки мерцал в темноте.

— Утром ты уйдешь, — хмуро проговорила она.

— Наверное. Мне нельзя здесь оставаться. По-моему, он мне подстроил ловушку.

— А что, это число и вправду...

— Если хочешь сохранить рассудок, не произноси это слово при Норте, — сказал стрелок. — Вообще забудь его, если сможешь. Уговори себя, что после восемнадцати идет двадцать. Что половина от тридцати восьми — это семнадцать. Человек, подписавшийся Уолтер о'Мрак, он кто угодно, но только не лжец.

— Но...

— Когда тебе очень захочется, так что уже невтерпеж, поднимись к себе в комнату, спрячься под одеялом и повторяй это слово — кричи, если надо, — пока желание не пройдет.

— Но однажды случится так, что оно не пройдет.

Стрелок ничего не сказал: он знал, что она права. Это тоже была ловушка — страшная, безысходная. Если тебе скажут, что нельзя представлять свою маму голой, потому что иначе ты попадешь прямиком в ад (когда он был маленьким, кто-то из старших ребят именно это ему и сказал), ты обязательно сделаешь то, что нельзя. И почему? Потому что тебе не хочется представлять свою маму голой. Потому что тебе не хочется попасть в ад. Потому что если есть нож и рука, чтобы держать этот нож, когда-нибудь ты неизбежно возьмешь этот нож в руку. Потому что иначе ты просто сойдешь с ума. И ты возьмешь этот нож. Не потому что ты этого хочешь, а потому что, наоборот, не хочешь.

Когда-нибудь Элли обязательно позовет Норта и скажет ему это слово.

— Не уходи, — сказала она.

— Ладно, посмотрим.

Он повернулся на бок, спиной к ней, но она все равно успокоилась. Он останется. Пусть ненадолго, но все же останется. Она задремала.

Уже засыпая, она снова подумала о том, как странно Норт обратился к нему, как чудно он говорил. Она ни разу не видела, чтобы стрелок, ее новый любовник, выражал хоть какие-то чувства — ни до, ни после. Он молчал даже тогда, когда они занимались любовью, и лишь под конец его дыхание участлилось и замерло на секунду. Он был точно какое-то существо из волшебной сказки или из мифа, существо незнакомое и опасное. Может быть, он исполняет желания? Наверное, да. Ее желание он исполнил. Завтра он не уйдет. Он останется. Хотя бы на время. И этого ей пока что достаточно — ей, несчастной сучке со шрамом. Завтра у нее будет время придумать второе желание и третье. Она уснула.

IX

Утром она сварила ему овсянку, которую он молча съел. Он сосредоточенно поглощал ложку за ложкой, не думая об Элис и вряд ли ее замечая. Он знал: ему нужно идти. С каждой лишней минутой, пока он медлит, человек в черном уходит все дальше и дальше. Возможно, он уже в пустыне. До сих пор он неуклонно держал путь на юго-восток, и стрелок знал почему.

— У тебя есть карта? — спросил он, оторвавшись от тарелки.

— Этого городка? — рассмеялась она.

— Нет. Страны к юго-востоку отсюда.

Ее улыбка увяла.

— Там пустыня. Просто пустыня. Я думала, ты останешься, ненадолго.

— А что за пустыней?

— Откуда мне знать? Еще никто ее не перешел. Никто даже и не пытался, сколько я себя помню. — Она вытерла руки о фартук, взяла прихватки и, сняв с огня ушат кипящей воды, перелила ее в раковину. Над водой поднялся пар. — Тучи уносит в ту сторону. Как будто их что-то засасывает...

Стрелок встал.

— Ты куда? — В ее голосе явственно слышался страх, и она разозлилась на себя за это.

— На конюшню. Если кто-то и знает, так это конюх. — Он положил руки ей на плечи. Они были жесткими, его руки. Но и теплыми тоже. — И распоряжусь насчет мула. Если я соберусь здесь задержаться, нужно, чтобы о нем позаботились. Чтобы он был готов, когда надо будет отправиться дальше.

Когда-нибудь, но не теперь. Она подняла глаза.

— Ты с этим Кеннерли поосторожнее. Он скорее всего ни черта не знает, зато будет выдумывать всякие небылицы.

— Спасибо, Элли.

Когда он ушел, она повернулась к раковине с посудой, чувствуя, как по щекам текут слезы — горячие слезы благодарности. Она уже и забыла, когда ей в последний раз говорили «спасибо». Кто-то, кто ей действительно не безразличен.

X

Кеннерли — мерзопакостный старикашка, беззубый и похотливый — скончал двух жен и вовсю пьялил собственных дочерей. Две девчушки, как гово-

рится, еще не вошедшие в возраст, таращились на стрелка из пыльного полумрака конюшни. Малышка едва ли не грудного возраста со счастливым видом пускала слюни, сидя прямо в грязи. Взрослая уже девица, белокурая, чувственная, неопрятная, что качала воду из скрипучей колонки во дворе у конюшни, поглядывала на стрелка с этаким глубокомысленным любопытством. Она увидела, что он на нее смотрит, присосанилась, ушипнула себя за соски, недвусмысленно подмигнула ему и вновь принялась качать воду.

Конюх встретил его на полпути между улицей и входом в конюшню. Его манеры представляли собой нечто среднее между открытой враждебностью и боязливым заискиванием.

— Уж мы за ним смотрим как надо, — объявил он с ходу, и не успел стрелок даже ответить, как старик вдруг повернулся к дочери и погрозил ей кулаком: — Иди в дом, Суби! Брысь отсюда, кому сказал!

Подхватив ведро, Суби с угрюмым видом поплелась к хибаре, пристроенной прямо к конюшне.

— Это ты о моем мule? — спросил стрелок.

— Да, сэй, о нем. Давненько не видел я молов. Да еще таких ладных, здоровых... два глаза, четыре ноги... добрая скотина... — Он скривился, как бы давая понять, что у него и вправду душа болит за такое дело или, может, что это была просто шутка. Стрелок так и не понял, что именно, но решил, что, наверное, все-таки шутка, хотя у него самого с чувством юмора было напряжно. — Было время, куда их девать-то не знали, молов, а потом мир взял да и сдвинулся. И куда они все подевались? Осталось только немного рогатой скотины, и почтовые лошади, и... Суби, я тебя выпорю, Богом клянусь!

— Да я не кусаюсь, — заметил стрелок.

Кеннерли подобострастно съежился. В его глазах стрелок явственно видел желание убить, и хотя он не боялся Кеннерли, он все же отметил увиденное, как будто сделал закладку в книге — в книге потенциально ценных советов.

— Дело не в вас. Нет, *не в вас*. — Он ослабился. — Просто она от природы немного тронутая. В ней бес живет. Она дикая. — Его глаза потемнели. — Грядет Конец света, мистер. Последний Час. Вы же знаете, как там в Писании сказано: и чада не подчинятся родительской воле, и многих сразит моровая язва. Да вот послушать хотя бы нашу проповедницу, и все станет ясно.

Стрелок кивнул, а потом указал на юго-восток:

— А там что?

Кеннерли опять ухмыльнулся, обнажая голые десны с остатками пожелтевших зубов.

— Поселенцы. Трава. Пустыня. Чего же еще? — Он гоготнул и смерил стрелка неожиданно похолодевшим взглядом.

— А пустыня большая?

— Большая. — Кеннерли старательно напустил на себя серьезный вид. — Колес, может, с тысячу будет. А то и с две тысячи. Не скажу точно, мистер. Там ничего нет. Одна бес-трава да еще, может, демоны. Говорят, что на дальней ее стороне есть еще говорящий круг. Но наверное, врут. Туда ушел тот, другой. Который вылечил Норти, когда он приболел.

— Приболел? Я слышал, он умер.

Кеннерли продолжал ухмыляться.

— Ну... может быть. Но мы же взрослые люди.

— Однако ты веришь в демонов.

Кеннерли вдруг смущился.

— Это совсем другое. Проповедница говорит...

И Кеннерли понес такой вздор, что чертям стало тошно. Стрелок снял шляпу и вытер вспотевший лоб. Солнце жарило, припекая все сильнее. Но Кеннерли как будто этого и не замечал. В тощей тени у стены конюшни малышка с серьезным видом размазывала по мордашке грязь.

Наконец стрелку надоело выслушивать всякий бред, и он оборвал Кеннерли на полуслове:

— А что за пустыней, не знаешь?

Кеннерли пожал плечами.

— Что-то, наверное, есть. Лет пятьдесят назад туда ходил рейсовый экипаж. Папаша мой мне рассказывал. Говорил, что там горы. Кое-кто говорит — океан... зеленый такой океан с чудовищами. А еще говорят, будто там конец света и нет ничего, только свет ослепляющий и лик Божий с разверстым ртом. И что Бог пожирает любого, кому случится туда забрести.

— Чушь собачья, — коротко бросил стрелок.

— Вот и я говорю, что чушь, — с радостью поддакнул Кеннерли, снова согнувшись в подобострастном полупоклоне. Боясь, ненавидя, стараясь угодить.

— Ты там приглядывай за моим мулом.

Стрелок швырнул Кеннерли еще одну монету, которую тот поймал на лету. Как собака, которая ловит мяч.

— В лучшем виде присмотрим, не беспокойтесь.
Думаете задержаться у нас ненадолго?

— Пожалуй, придется. Бог даст...

— ...будет вода. Да, конечно. — Кеннерли опять рассмеялся, но уже невесело. В его глазах стрелок снова увидел желание убить. Нет, даже не так. Не убить — а чтобы стрелок сам повалился мертвым к его ногам. — Эта Элли, чертовка, может быть очень миленькой, если захочет, верно? — Конюх согнул

левую руку в кулак и принялся тыкать в кулак указательным пальцем правой, изображая известный акт.

— Ты что-то сказал? — рассеянно переспросил стрелок.

Теперь глаза Кеннерли переполнились ужасом — словно две луны поднялись над горизонтом. Он быстро убрал руки за спину, как шкодливый мальчишка, которого поймали за нехорошим занятием.

— Нет, сэй, ни слова. Прошу прощения, если что сорвалось. — Тут он увидел, что Суби высунулась из окна, и набросился на нее: — Я тебя точно выпорю, сучья ты морда! Богом клянусь! Я тебя...

Стрелок пошел прочь, зная, что Кеннерли глядит ему вслед и что если он сейчас обернется, то прочтет у конюха на лице его истинные, неприкрытыe чувства. Ну и черт с ним. Было жарко. Стрелок и так знал, что на лице старого конюха будет написана жгучая ненависть. Ненависть к чужаку. Ну и ладно. Стрелок уже получил от него все, что нужно. Единственное, что он доподлинно знал о пустыне, это то, что она большая. Единственное, что он доподлинно знал об этом городке: здесь еще не все сделано. Еще не все.

XI

Они с Элли лежали в постели, когда Шеб влетел к ним с ножом, пинком распахнул дверь.

Прошло уже целых четыре дня, и они промелькнули как будто в тумане. Он ел. Спал. Трахался с Элли. Он узнал, что она играет на скрипке, и уговорил ее сыграть для него. Она сидела в профиль к нему у окна, омываемая молочным светом зари, и что-то наигрывала — натужно и сбивчиво. У нее вышло бы вполне

сносно, если бы она занималась побольше. Он вдруг понял, что она ему нравится, нравится все больше и больше (пусть даже чувство было каким-то странно отрешенным), и подумал, что, может быть, это и есть ловушка, которую устроил ему человек в черном. Иногда стрелок выходил пройтись. Он ни о чем не задумывался.

Он даже не слышал, как тщедушный тапер поднимался по лестнице, — его чутье притупилось. Но сейчас ему было уже все равно, хотя в другом месте, в другое время он бы, наверное, не на шутку встревожился.

Элли уже разделилась и лежала в постели, прикрытая простыней только до пояса. Они как раз собирались заняться любовью.

— Пожалуйста, — шептала она. — Как в тот раз. Я хочу так, хочу...

Дверь с грохотом распахнулась, и к ним ворвался коротышка тапер. Вбежал, смешно поднимая ноги, вывернутые коленями внутрь. Элли не закричала, хотя в руке у Шеба был восьмидюймовый мясницкий нож. Шеб издавал какие-то нечленораздельные булькающие звуки, словно какой-нибудь бедолага, которого топят в бадье с жидкой грязью, брызга при этом слюной. Он с размаху опустил нож, схватившись за рукоять обеими руками. Стрелок перехватил его запястья и резко вывернул. Нож вылетел. Шеб пронзительно завизжал — словно дверь повернулась на ржавых петлях. Руки неестественно дернулись, как у куклы-марионетки, обе — сломанные в запястьях. Ветер удариł песком в окно. В мутном и чуть кривоватом зеркале на стене отражалась вся комната.

— Она была моей! — разрыдался Шеб. — Сначала она была моей! Моей!

Элли мельком взглянула на него и встала с кровати, набросив халат. На мгновение стрелку стало жалко этого человека, потерявшего что-то, что, как он считал, некогда принадлежало ему, — этого жалкого маленького человечка, который уже ничего не может. И тут стрелок вспомнил, где он его видел. Ведь он знал его раньше.

— Это из-за тебя, — рыдал Шеб. — Только из-за тебя, Элли. Ты была первой, и это все ты. Я... о Боже, Боже милостивый... — Слова растворились в приступе неразборчивых всхлипов и в конечном итоге обернулись потоком слез. Шеб раскачивался взад-вперед, прижимая к животу свои сломанные запястья.

— Нутише. Тише. Дай я посмотрю. — Она опустилась перед ним на колени. — Да, сломаны. Шеб, какой же ты все-таки идиот. И как ты теперь будешь играть? И на что будешь жить? Ты ж никогда не был сильным, или ты, может, об этом не знал? — Она помогла ему встать на ноги. Он попытался спрятать лицо в ладонях, но руки не подчинились ему. Он плакал в открытую. — Давай сядем за стол, и я попробую что-нибудь сделать.

Она усадила его за стол и наложила ему на запястья шины из щепок, предназначенных для растопки. Он плакал тихонько, безвольно.

— Меджис, — сказал стрелок, и татер вздрогнул и обернулся к нему, широко распахнув глаза. Стрелок кивнул — и вполне дружелюбно, ведь Шеб уже не пытался воткнуть в него нож. — Меджис, — повторил он. — На Чистом море.

— И что там в Меджисе?

— Ты был там.

— А если и был, что с того? Я тебя не помню.

— Но ты помнишь девушку, правда? Девушку по имени Сюзан? В ночь Жатвы? — Голос стрелка сделался жестким. — Ты был у костра?

У тапера дрожали губы. Губы, блестящие от слюны. Его взгляд говорил о том, что он все понимает: он сейчас ближе к смерти, чем в то мгновение, когда он ворвался к ним в спальню, размахивая ножом.

— Уйди отсюда, — сказал стрелок.

И вот тогда Шеб все вспомнил.

— Ты тот мальчишка! Вас было трое, мальчишек! Вы приехали сосчитать поголовье скота, и Элдред Джонас был там, охотник за гробами, и...

— Уходи, пока можно уйти, — сказал стрелок, и Шеб ушел, баюкая свои сломанные запястья.

Элли вернулась обратно в постель.

— И как это все понимать?

— Это тебя не касается, — сказал он.

— Ладно... так на чем мы с тобой остановились?

— Ни на чем, — сказал он и перевернулся на бок, к ней спиной.

Она терпеливо проговорила:

— Ведь ты знал про меня, про него. Он делал, что мог, а мог он немногое. А я брала, что могла, потому что мне было нужно. Вот и все. Да и что тут могло быть? И что вообще может быть? — Она прикоснулась к его плечу. — Кроме того, что я рада, что ты такой сильный.

— Не сейчас, — сказал он.

— А кто она, эта девушка? — спросила она и добавила, не дождавшись ответа: — Ты ее любил.

— Не будем об этом, Элли.

— Я могу сделать тебя сильнее...

— Нет, — сказал он. — Ты не можешь.

XII

Воскресным вечером бар был закрыт. В Талле был выходной — что-то вроде священной субботы. Стрелок отправился в крохотную покосившуюся церквушку неподалеку от кладбища, а Элли осталась в пивной протирать столы дезинфицирующим раствором и мыть стекла керосиновых ламп в мыльной воде.

На землю спустились странные, багряного цвета сумерки, и церквушка, освещенная изнутри, походила на горячую топку, если смотреть на нее с дороги.

— Я не пойду, — сразу сказала Элис. — У этой тетки, которая там проповедует, не религия, а отрава. Пусть к ней ходят почтенные горожане.

Стрелок встал в притворе, укрывшись в тени, и заглянул внутрь. Скамей в помещении не было, и прихожане стояли. (Он увидел Кеннери и весь его многочисленный выводок; Каствера, владельца единственной в городке убогонькой галантрейной лавки, и его костлявую супружницу; кое-кого из завсегдатеев бара; нескольких «городских» женщин, которых он раньше не видел, и — что удивительно — Шеба.) Они нестройно тянули какой-то гимн а *саррэлла**. Стрелок с любопытством разглядывал толстую тетку необытных размеров, что стояла за кафедрой. Элли ему говорила: «Она живет уединенно, почти ни с кем не встречается. Только по воскресеньям вылезает на свет, чтоб отслужить свою службу адскому пламени. Ее зовут Сильвия Питтстон. Она не в своем уме, но она их как будто околовала. И им это нравится. И вполне их устраивает».

Ни одно, даже самое колоритное описание этой женщины, наверное, все равно не соответствовало бы

* Без музыкального сопровождения (*лат.*).

действительности. Ее груди были как земляные валы. Шея — могучая колонна, лицо — одутловатая бледная луна, на которой сверкали глаза, темные и огромные, как бездонные озера. Роскошные темно-каштановые волосы, скрученные на затылке небрежным разваливающимся узлом,держивала заколка размером с небольшой вертел для мяса. На ней было простое платье. Похоже, из мешковины. В громадных, как горбыли, ручищах она держала псалтырь. Ее кожа была на удивление чистой и гладкой, цвета свежих сливок. Стрелок подумал, что она весит, наверное, фунтов триста. Внезапно его обуяло желание — алая, жгучая похоть. Его аж затрясло. Он поспешил отвернуться.

Мы сойдемся у реки,
У прекрасной у реки,
Мы сойдемся у реки,
У ре-е-е-е-ки,
В Царстве Божием.

Последняя нота последней строфы замерла. Раздалось шарканье ног и покашливание.

Она ждала. Когда они успокоились, она протянула к ним руки, как бы благословляя всю паству. Это был жест, пробуждающий воспоминания.

— Любезные братья и сестры мои во Христе!

От ее слов веяло чем-то неуловимо знакомым. На мгновение стрелка захватило странное чувство, в котором тоска по былому мешалась со страхом, и все пронизывало жутковатое ощущение *deja vu*. Он подумал: я уже это видел, во сне. Или, может быть, не во сне. Но где? Когда? Точно не в Меджисе. Да, не в Меджисе. Он тряхнул головой, прогоняя это свербящее чувство. Прихожане — человек двадцать пять —

замерли в гробовом молчании. Все взгляды были прикованы к проповеднице.

— Сегодня мы поговорим о Нечистом.

Ее голос был сладок и мелодичен — выразительное, хорошо поставленное сопрано.

Слабый ропот прошел по рядам прихожан.

— Мне кажется, — задумчиво вымолвила Сильвия Питтстон, — будто я знаю лично всех тех, о ком говорится в Писании. Только за последние пять лет я зачитала до дыр три Библии, и еще множество — до того. Хотя книги и дороги в этом большом мире. Я люблю эту Книгу. Я люблю тех, кто в ней действует. Рука об руку с Даниилом вступала я в ров сольвами. Я стояла рядом с Давидом, когда его искушала Вирсавия, купаясь в пруду обнаженной. С Седрахом, Мисахом и Авденааго была я в печи, раскаленной огнем. Я сразила две тысячи воинов вместе с Самсоном и по дороге в Дамаск ослепла от света небесного вместе с Павлом. Вместе с Марией рыдала я у Голгофы.

И опять тихий вздох прошелестел по рядам.

— Я узнала их и полюбила всем сердцем. И лишь один, — она подняла вверх указательный палец, — лишь один из актеров великой той драмы остается для меня загадкой. *Единственный*, кто стоит в стороне, пряча лицо в тени. *Единственный*, кто заставляет тело мое дрожать — и трепетать мою душу. Я боюсь его. Я не знаю его помыслов и боюсь. Я боюсь Нечистого.

Еще один вздох. Одна из женщин зажала рукой рот, как будто удерживая рвущийся крик, и стала раскачиваться все сильнее.

— Это он, Нечистый, искушал Еву в образе змия ползучего, ухмыляясь и пресмыкаясь на брюхе. Это он, Нечистый, пришел к сынам израилевым, когда

Моисей поднялся на гору Синай, и нашептывал им, подстрекая их сотворить себе идола, золотого тельца, и поклоняться ему, предаваясь мерзости и блуду.

Стоны, кивки.

— Нечистый! Он стоял на балконе рядом с Иезавелью, наблюдая за тем, как нашел свою смерть царь Ахав, и вместе они потешались, когда псы лакали его еще теплую кровь. О мои братья и сестры, остерегайтесь его — Нечистого.

— Да, Иисус милосердный... — выдохнул старик в соломенной шляпе. Тот самый, кого стрелок встретил первым на входе в Талл.

— Он всегда здесь, мои братья и сестры. Он среди нас. Но мне неведомы его помыслы. И вам тоже неведомы его помыслы. Кто сумел бы постичь эту ужасную тьму, что клубится в его потаенных думах, эту незыблемую гордыню, титаническое богохульство, нечестивое ликование?! И безумие, воистину исполненное, всепоглощающее безумие, которое входит, вползает в людские души, точит их, будто червь, порождая желания мерзкие и нечестивые?!

— О Иисус Спаситель...

— Это он привел Господа нашего на Гору...

— Да...

— Это он искушал Его и сулил Ему целый мир и мирские улады...

— Да-а-а-а-а...

— И он вернется, когда наступит Конец света... он, Конец света, уже грядет, братья и сестры. Вы это чувствуете?

— Да-а-а-а-а...

Прихожане раскачивались и рыдали — паства стала похожа на море. Женщина за кафедрой, казалось, указывала на каждого и в то же время ни на кого.

— *Он* придет как Антихрист, алый король с глазами, налитыми кровью, и поведет человеков к пылающим недрам погибели, в пламень мук вечных, к кровавому краю греха, когда воссияет на небе звезда Полянь, и язвы изгложут тела детей малых, когда женские чрева рожат чудовищ, а деяния рук человеческих обернутся кровью...

— О-о-о-о...

— О Боже...

— О-о-о-oooooooo...

Какая-то женщина повалилась на пол, стуча ногами по дошатому настилу. Одна туфля слетела.

— За всякой усадьбою плоти стоит он... *он!* Это *он* создал адские машины с клеймом Ла-Мерк. Нечистый!

Ла-Мерк, подумал стрелок. Или, может, Ле-Марк. Слово было ему знакомо, но он никак не мог вспомнить — откуда. На всякий случай он сделал заметку в памяти — а у него была очень хорошая память.

— Да, Господи! Да! — вопили прихожане.

Какой-то мужчина пронзительно завопил и упал на колени, сжимая голову руками.

— Кто держит бутылку, когда ты пьешь?

— *Он, Нечистый!*

— Когда ты садишься играть, кто сдает карты?

— *Он, Нечистый!*

— Когда ты предаешься блуду, возжелав чьей-то плоти, когда ты оскверняешь себя рукоблудием, кому продаешь ты бессмертную душу?

— *Ему...*

— *Нечи...*

— *Боженъка миленький...*

— ...*чистому...*

— *A... a... a...*

— Но кто он — Нечистый? — выкрикнула она, хотя внутри оставалась спокойной. Стрелок чувствовал это спокойствие, ее властный самоконтроль, ее господство над истеричной толпой. Он вдруг подумал с ужасом и непоколебимой уверенностью: человек, назвавшийся Уолтером, оставил след в ее чреве — демона. Она одержимая. И вновь накатила жаркая волна вожделения — сквозь страх. Как будто и это была ловушка. Как слово, которое Уолтер оставил для Элис.

Мужчина, сжимавший руками голову, слепо рванулся вперед.

— Гореть мне в аду! — закричал он, повернувшись к проповеднице. Его исказившееся лицо дергалось, как будто под кожей его извивались змеи. — Я творил блуд! Играли в карты! Янюхал травку! Я грешил! Я... — Его голос взмётнулся ввысь, обернувшись пугающим истеричным воем, в котором утонули слова. Он сжимал свою голову, как будто боялся, что она сейчас лопнет, точно перезрелая дыня.

Пастыра умолкла, как по команде, замерев в полу-порнографических позах своего благочестивого исступления.

Сильвия Питтстон спустилась с кафедры и прикоснулась к его голове. Вопли мужчины затихли, едва ее пальцы — бледные сильные пальцы, чистые, ласковые — зарылись ему в волосы. Он тупо уставился на нее.

— Кто был с тобой во грехе? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. В ее глазах, нежных, глубоких, холодных, можно было утонуть.

— Не... Нечистый.

— Имя которому?

— Сатана. — Сдавленный тягучий всхлип.

— Готов ты отречься?

С жаром:

— Да! Да! О Иисус Спаситель!

Она подняла его голову; он смотрел на нее пустым сияющим взором фанатика.

— Если сейчас он войдет в эту дверь... — она ткнула пальцем в полумрак притвора, где стоял стрелок, — готов ты бросить слова отречения ему в лицо?

— Клянусь именем матери!

— Ты веруешь в вечную любовь Иисуса?

Он разрыдался.

— Палку мне в задницу, если не верю...

— Он прощает тебе это, Джонсон.

— Хвала Господу, — выдавил Джонсон сквозь слезы.

— Я знаю, что Он прощает тебя, как знаю и то, что упорствующих во грехе изгоняет Он из чертогов своих в место пылающей тьмы за пределами Крайнего мира.

— *Хвала Господу*, — торжественно взвыла пастыра.

— Как знаю и то, что этот Нечистый, этот Сатана, Повелитель мух и ползучих гадов, будет низвергнут и сокрушен... Если ты, Джонсон, узришь его, ты раздалиши его?

— Да, и хвала Господу! — Джонсон плакал. — Раздавлю гада двумя ногами!

— Если вы, братья и сестры, узрите его, вы его одолеете?

— Да-а-а-а...

— Если завтра он встретится вам на улице?

— Хвала Господу...

Стрелку стало не по себе. Отступив к дверям, он вышел на улицу и направился обратно в город. В воз-

духе явственно ощущался запах пустыни. Уже скоро он снова отправится в путь.

Уже совсем скоро.

Но не теперь.

XIII

Снова в постели.

— Она не примет тебя, — сказала Элли, и ее голос звучал испуганно. — Она вообще никого не принимает. Только по воскресеньям выходит, чтобы до смерти всех напугать.

— И давно она здесь?

— Лет двенадцать. А может, два года. Странные вещи творятся со временем. Да ты и сам знаешь. Давай лучше не будем о ней говорить.

— Откуда она пришла? С какой стороны?

— Я не знаю.

Лжет.

— Элли?

— Я не знаю!

— Элли?

— Ну хорошо! Хорошо! Она пришла от поселенцев!

Из пустыни!

— Я так и думал. — Он немного расслабился. Иными словами, с юго-востока. Оттуда, куда направляется он. По невидимой дороге, что иногда отражается в небе. Он почему-то не сомневался, что проповедница пришла не от поселенцев и даже не от пустыни. Она пришла из какого-то места, которое там, за пустыней. Но как? Путь-то явно не близкий. Может быть, на какой-нибудь древней машине? Из тех, что еще работают? Может, на поезде? — А где она живет?

Элли понизила голос:

— Если я скажу, мы займемся любовью?

— Мы в любом случае займемся любовью. Но мне надо знать.

Она вздохнула. Ветхий, иссохший звук — словно шелест пожелтевших страниц.

— У нее дом на пригорке за церковью. Такая хибарка. Когда-то... когда-то там жил священник, настоящий священник. Пока не покинул нас. Ну что? Теперь ты доволен?

— Нет. Еще нет.

И он навалился на нее.

XIV

Стрелок знал, что это последний день.

Небо, уродливое, багровое, как свежий синяк, окрасилось зловещим отблеском первых лучей зари. Элли ходила по комнате, как неприкаянный призрак. Зажигала лампы, приглядывала за кукурузными лепешками, шкварчащими на сковороде. После того как она рассказала стрелку все, что ему было нужно узнать, он отлюбил ее с утроенным усердием. Она почувствовала приближение конца и дала ему больше, чем давала кому-либо прежде. Она отдавалась ему с безысходным отчаянием, словно пытаясь предотвратить наступление рассвета; с неуемной энергией шестнадцатилетней. А утром она была бледной. В преддверии очередной менопаузы.

Молча она подала ему завтрак. Он ел быстро, глотал, почти не жуя, и запивал каждый кусок обжигающим кофе. Элли встала у двери и невидящим взором

уставилась в утренний свет, на безмолвные легионы медлительных облаков.

— Сегодня, кажется, будет пыльная буря.

— Неудивительно.

— А ты вообще хоть чему-нибудь удивляешься? Хотя бы иногда? — спросила она с горькой иронией и повернулась к нему в то мгновение, когда он уже взялся за шляпу. Нахлобучив шляпу на голову, он направился к выходу.

— Иногда удивляюсь, — бросил он ей на ходу.

Он увидит ее живой еще только раз.

XV

Когда он добрался до хижины Сильвии Питтстон, ветер стих. Весь мир словно замер в ожидании. Стрелок уже прожил достаточно в этом пустынном краю и знал, что чем дольше затишье, тем сильнее будет буря, когда поднимется ветер. Неестественный блеклый свет завис над землей.

На двери обветшалого, покосившегося домика был прибит большой деревянный крест. Стрелок постучал. Подождал. Нет ответа. Он опять постучал. И опять никакого ответа. Он чуть отступил и ударил по двери ногой. Небольшая щеколда внутри соскочила. Дверь распахнулась, ударившись о неровные доски стены и вспугнув крыс, которые с писком бросились в разные стороны. Сильвия Питтстон сидела в прихожей, в громадном кресле-качалке из темного дерева, и спокойно смотрела на стрелка своими большими темными глазами. Предгрозовое сияние дня легло ей на щеки пугающими полутонами. Она куталась в шаль. Кресло-качалка тихонько поскрипывало.

Они смотрели друг на друга долгое мгновение, выпавшее из времени.

— Тебе никогда его не поймать, — проговорила она. — Ты идешь путем зла.

— Он приходил к тебе, — сказал стрелок.

— И возлежал со мной. Он говорил со мной на Наречии. Высоким Слогом. Он...

— Он тебя поимел. И в прямом, и в переносном смысле.

Она даже не поморщилась.

— Ты идешь путем зла, стрелок. Ты стоишь в тени. Вчера вечером ты тоже стоял в тени, под сенью священного места. Ты думал, что я тебя не увижу?

— Почему он исцелил этого травоеда?

— Он — ангел Господень. Он так сказал.

— Надеюсь, он хоть улыбался, когда это говорил.

Она ощерилась, безотчетно подражая оскалу смерти.

— Он говорил мне, что ты придешь следом за ним.

Он сказал мне, что делать. Он сказал, ты — Антихрист.

Стрелок покачал головой:

— Он этого не говорил.

Она лениво улыбнулась.

— Он сказал, ты захочешь со мной переспать. Это правда?

— А ты встречала мужчину, которому не захотелось бы с тобой переспать?

— Моя плоть стоит дорого. Расплачиваться будешь жизнью, стрелок. Я зачала от него ребенка... это был не его ребенок, а отпрыск великого короля. Если ты овладеешь мной... — Она умолкла, закончив мысль лишь ленивой улыбкой. Повела своими массивными бедрами. Точно плиты чистейшего мрамора, они застыли под материей платья. Получилось действительно впечатляющее.

Стрелок взялся за револьверы.

— В тебе — демон, женщина, а не король. Но ты не бойся. Я его вытащу.

Слова возымели действие. Она вся сжалась в своем кресле-качалке и стала похожа на ощетинившуюся куницу.

— Не прикасайся ко мне! Не подходи! Ты не посмеешь коснуться Невесты Божией.

— Хочешь на спор? — ухмыльнулся стрелок и шагнул к ней. — Не зевай, проверяй, как сказал старый картежник, открыв кубки и жезлы.

Гора плоти вдруг содрогнулась. Ее лицо превратилось в карикатурную маску безумного ужаса. Растопырив пальцы, она сотворила перед стрелком знак Глаза.

— Пустыня, — сказал стрелок. — Что за пустыней?

— Тебе никогда его не поймать! Никогда! Ты сгоришь! Сгоришь! Он так сказал!

— Я поймаю его, — возразил стрелок. — И мы оба знаем, что так и будет. Что за пустыней?

— Нет!

— Отвечай!

— Нет!

Он подался вперед, упал на колени и обхватил ее бедра. Она сжала ноги, точно тиски. Всхлипнула как-то странно и похотливо.

— Стало быть, демон, — сказал стрелок. — Ну, выходи, демон.

— *Nem...*

Рывком он раздвинул ей ноги и вынул из кобуры револьвер.

— Нет! Нет! Нет! — Она задышала прерывисто, хрипло.

— Отвечай.

Она тряслась в своем кресле, так что под ним дрожал пол. С ее губ слетали обрывки молитв и невнятных проклятий.

Он ткнул стволом револьвера вперед и скорее почувствовал, чем услышал, как воздух испуганным ветром ворвался ей в легкие. Она молотила руками ему по голове; ее ноги бились об пол. И в то же самое время это громадное тело стремилось вобрать в себя смертоносный предмет, вторгшийся в сокровенное лоно; желало принять его в свое чрево. Никто их не видел — только пыльное небо в синюшных кровоподтеках.

Она что-то выкрикнула ему, пронзительно и невнятно.

— Что?

— Горы!

— И что там в горах?

— Он остановится... с той стороны... *Боже м-м-милостивый!*.. чтобы собраться с с-с- силами. П-п-погружение, медитация... понимаешь? О... я... я...

Необъятная гора плоти вдруг напряглась, подавшись вперед и немного вверх, однако он был начеку и не позволил ее сокровенной плоти прикоснуться к нему.

А потом она вдруг как-то сникла и съежилась. Разрыдалась, зажимая руками низ живота.

— Ну вот, — сказал он, поднимаясь. — Демона мы обслужили, а?

— Уходи. Ты убил ребенка Алого короля. Но ты за это заплатишь. Уж будь уверен. А теперь уходи. Убирайся.

Уже на пороге он оглянулся.

— Никакого ребенка, — коротко бросил он. — Никаких ангелов, принцев и демонов.

— Оставь меня.

Он ушел.

XVI

Когда стрелок пришел на конюшню, на северном горизонте стало мутное марево — пыль. Но над Таллом пока было тихо, мертвенно тихо.

Кеннерли дожидался его в конюшне, на усыпанном сечкой помосте.

— Отъезжаете, стало быть? — Его губы расплылись в подобострастной улыбке.

— Да.

— Даже не переждавши бурю?

— Я ее опережу.

— Ветер всяко быстрей человека на мule. На открытом пространстве он вас убьет.

— Мне нужен мой мул, — просто сказал стрелок.

— Да, конечно.

Но Кеннерли не сдвинулся с места, а просто стоял, словно решая, что бы такого еще сказать, и усмехался этой своей подхалимской, исполненной ненависти ухмылкой. А потом его взгляд скользнул куда-то поверх плеча стрелка.

Стрелок шагнул в сторону и обернулся — тяжелое полено, с которым набросилась на него Суби, со свистом рассекло воздух и только легонько задело его по локти. Сила размаха не позволила Суби удержать полено в руках, и оно грохнулось на пол. Наверху, на сеновале, испуганно заметались ласточки.

Девушка тупо уставилась на стрелка. Ее перезрелая пышная грудь распирала застиранное полотно рубахи. Медленно, как во сне, она засунула большой палец в рот.

Стрелок повернулся обратно к Кеннерли. Тот растянул губы в широкой улыбке. Его кожа была желтой, как воск. Глаза так и бегали.

— Я... — начал он влажным, булькающим шепотом и не сумел закончить.

— Мой мул, — напомнил стрелок.

— Конечно-конечно, — прошептал Кеннерли, и его ухмылка вдруг сделалась удивленной. Он как будто не верил, что все еще жив. Он поплелся за мулом.

Стрелок перешел на новое место, откуда было удобнее наблюдать за Кеннерли. Конюх вывел мула и вручил стрелку поводья.

— А ты ступай, присмотри за сестрой, — буркнул он, обращаясь к Суби.

Суби тряхнула головой и осталась стоять на месте.

С тем стрелок и ушел, оставив их плятиться друг на друга в пыльной, загаженной конюшне: старика с его болезненной ухмылкой и девицу с ее тупым застороженным упрямством. Снаружи по-прежнему было душно. Жара обрушилась на него, как молот.

XVII

Он вывел мула на мостовую, поднимая сапогами облачка пыли. На спине у мула хлюпали бурдюки с водой, полные под завязку.

Он заглянул к Шебу, но Элли там не было. Там вообще никого не было. Окна были заложены досками в ожидании бури. Элли так и не взялась за уборку

после вчерашней ночи. Бардак в зале был жуткий. Воняло прокисшим пивом.

Он набил свой дорожный мешок кукурузой, сушеною и жареной. Вытащил из холодилки половину сырого мяса, разделанного для бифштексов. Оставил на стойке бара четыре золотых. Элли так и не спустилась. Желтозубое Шебово пианино безмолвно с ним попрощалось. Он вышел на улицу и укрепил свой дорожный мешок на спине мула. В горле стоял комок. Он еще мог избежать ловушки, только шансы его были невелики. В конце концов, он же Нечистый.

Он шел мимо притихших в ожидании домов, чувствуя взгляды, нацеленные на него сквозь щели и трещины в закрытых наглухо ставнях. Человек в черном прикинулся в Талле Богом. Он говорил про ребенка Алого короля, про красного принца. Но что это было: проявление вселенской иронии или акт безысходности? Хороший вопрос.

За спиной вдруг раздался пронзительный крик. Все двери со скрежетом распахнулись. На улицу повалили люди. То есть ловушка захлопнулась. Мужчины в длиннополых сюртуках. Мужчины в грязных рабочих штанах. Женщины в брюках и полинявших платьях. Даже детишки — по пятам за своими родителями. И в каждой руке — тяжелая палка, а то и нож.

Он среагировал моментально, автоматически. Сработал врожденный инстинкт. Рывком развернулся, одновременно выхватывая револьверы. Они легли в руки уверенно, плотно. Элли с искаженным лицом двинулась на него. Да, так и должно было быть: только Элли, и никто иной. Шрам у нее на лбу пылал пурпурным адским пламенем в тускнеющем предштормовом свете. Он понял, что она — заложница. За плечом у нее, точно ведьмин ручной зверек, мая-

чило лицо Шеба, искаленное мерзкой гримасой. Она была и его щитом, и его жертвой. Стрелок увидел все это — отчетливо, ясно — в застывшем мертвенно-бледном свете стерильного затишья и услышал ее крик:

— Убей меня, Роланд, стреляй! Я сказала ему слово, девятнадцать, я сказала, и он рассказал мне... Я не вынесу, нет... стреляй!

Его руки знали, что надо делать, чтобы дать ей, что она хочет. Он был последним. Последним из своего рода, и он владел не только Высоким Слогом. Грохнули выстрелы — суровая, атональная музыка револьверов. Ее губы дрогнули, тело обмякло. Снова грянули выстрелы. Голова у Шеба запрокинулась. Они оба упали в пыль.

«Они ушли в край Девятнадцати, — подумал стрелок. — Я не знаю, что это такое, но теперь они там».

Он отшатнулся, уклоняясь от града ударов. Палки летели по воздуху, нацеленные в него. Одна, с гвоздем, зацепила его за руку, расцарапав ее до крови. Какой-то мужик со щетинистой бородой и темными пятнами пота под мышками набросился на него, зажав в кулаке тупой кухонный нож. Стрелок нажал на курок. Мужик упал замертво, ударившись подбородком о землю. Вставная челюсть вывалилась изо рта. Было слышно, как клацнули зубы. Его ухмылка застыла оскалом смерти со вспенившейся на губах слюной.

— САТАНА! — надрывался кто-то. — ОКАЯННЫЙ! УБЕЙТЕ ЕГО!

— НЕЧИСТЫЙ! — завопил еще один голос. И снова в стрелка полетели палки. Нож ударился о сапог и отскочил. — НЕЧИСТЫЙ! АНТИХРИСТ!

Он пробивал себе путь сквозь толпу. Его руки выбирали мишени с пугающей точностью. Тела падали

на землю. Двое мужчин и женщина. Он бросился в образовавшуюся брешь.

Толпа устремилась следом за ним, через улицу, к убогому магазинчику и цирюльне по совместительству, что располагался напротив заведения Шеба. Стрелок поднялся на дощатый тротуар и, развернувшись, выпустил оставшиеся патроны в напирающую толпу. На заднем плане, распластавшись в пыли, лежали Шеб, Элли и все остальные. Все, кого он убил.

Они не дрогнули, не спасовали ни на мгновение, хотя каждый его выстрел поражал живую цель, и они, может быть, никогда в жизни не видели револьверов.

Он отступил, двигаясь плавно, как танцор, уклоняясь от летящих в него предметов. На ходу перезарядил револьверы. Его тренированные пальцы делали свое дело быстро и четко — деловито сновали между барабанами и патронташем. Толпа поднялась на тротуар. Стрелок вошел в лавку и подпер дверь. Стекло правой витрины со звоном разбилось. В лавку ворвались трое. Их лица — лица фанатиков — были пусты, в глазах мерцал тусклый огонь. Он уложил их всех и еще тех двоих, что сунулись следом за ними. Они упали в витрине, повиснув на острых осколках стекла и перекрыв проход.

Дверь затрещала под напором тел, и он различил ее голос:

— УБИЙЦА! ВАШИ ДУШИ! ДЬЯВОЛЬСКОЕ КОПЫТО!

Дверь сорвалась с петель и повалилась внутрь, грохнув об пол. С пола взметнулась пыль. Мужчины, женщины и дети устремились к нему. Опять полетели плевки и палки. Он до конца разрядил обе обоймы. Люди падали, как сбитые кегли. Он отступил в цирюльню, на ходу опрокинул бочонок с мукой и ката-

нул его им навстречу. Выплеснул в толпу таз кипящей воды с двумя опасными бритвами на дне. Но толпа напирала, издавая бессвязные бесноватые выкрики. Откуда-то сзади неслись вопли Сильвии Питтстон. Она подстрекала их, и ее зычный голос то вздымался, то опадал, как слепая волна. Стрелок загнал патроны в еще не остывшие барабаны, вдыхая запахи мыла и сбритых волос, запах своей опаленной плоти, исходящий от мозолей на кончиках пальцев.

Он выскочил на крыльце через заднюю дверь. Теперь за спиной у него оказались унылые заросли кустарника, что почти полностью заслоняли городок, грунно припавший к земле с той стороны. Трое мужчин выскочили из-за угла, их исступленные лица расплывались в довольных предательских ухмылках. Они увидели его. И увидели, что он тоже их видит. Улыбки сползли буквально за миг до того, как он скосил всех троих. За ними следом явилась женщина. Она выла в голос. Рослая, толстая. Завсегдатаи пивнушки Шеба звали ее тетушкой Милли. Стрелок нажал на курок. Она отлетела назад и повалилась на спину, пожабно раскинув ноги. Ее юбка задралась и сбилась между бедер.

Он спустился с крыльца и отступил в пустыню. Десять шагов. Двадцать. Задняя дверь цирюльни с грохотом распахнулась. Толпа хлынула наружу. Он мелькомглядел Сильвию Питтстон. И открыл огонь. Они падали: кто на живот, кто на спину. Через перила — в пыль. Они не отбрасывали теней в немеркнувшем свете багряного дня. Только теперь стрелок понял, что он кричит. И кричал все это время. Ему казалось, что у него вместо глаз — надтреснутые шари подшипников. Яйца поджались к животу. Ноги одревеснели. Уши как будто налились свинцом.

Он опять отстрелял все патроны, и толпа устремилась к нему. Стрелок превратился в один сплошной Глаз и Руку. Он замер на месте и, не переставая кричать, перезарядил револьверы. Сознание не то чтобы отключилось, но отстранилось, отступило в безучастную даль, предоставив натренированным пальцам действовать самостоятельно. Если бы только он мог поднять руку, остановить их на пару минут, рассказать им, что этому трюку, как и многим другим, он учился, наверное, тысячу лет, рассказать им о револьверах и о крови, их освятившей... Только этого не передашь словами. Его руки сами расскажут эту историю.

Когда он закончил перезаряжать револьверы, толпа подступила к нему совсем близко, на расстояние броска. Палка ударила ему в лоб, содрав кожу. Проступила кровь. Через пару секунд они его схватят. В первых рядах он заметил Кеннерли, его младшую дочку лет одиннадцати, Суби, двух мужиков — за всегдагаев бара, шлюху по имени Эми Фельдон. Он уложил их всех. И тех, кто за ними. Люди падали, как огородные пугала. Кровь и мозги растекались ручьями.

Остальные в испуге замешкались: на мгновение безликая толпа распалась на отдельные озадаченные лица. Какой-то мужчина бегал кругами, истошно вопя. Женщина с нарывами на руках запрокинула голову к небесам и разразилась безудержным гоготом. Старик, первый из талльцев, кого увидел стрелок, войдя в город — тогда он сидел на ступенях заколоченной лавки, — с испугу наложил в штаны.

Он успел перезарядить только один револьвер.

А потом он увидел Сильвию Питтстон. Она неслась на него, размахивая деревянными крестами. По распятию — в каждой руке.

— ДЬЯВОЛ! ДЬЯВОЛ! ДЬЯВОЛ! ДЕТОУБИЙЦА!
ЧУДОВИЩЕ! УНИЧТОЖЬТЕ ЕГО, БРАТЬЯ И СЕ-
СТРЫ! УБЕЙТЕ НЕЧИСТОГО! ДЕТОУБИЙЦУ!

Шесть раз он спустил курок. По одному выстrelу — в каждый крест. Дерево разлетелось в щепки. Еще четыре — ей в голову. Она вся как-то сжалась и задрожала, как марево жара.

На мгновение все уставились на нее, замерев, словно актеры в живых картинах, пока пальцы стрелка исполняли привычный трюк перезарядки. Опаленные кончики пальцев горели. На каждом из них проступили ровные кружочки ожогов.

Теперь их стало меньше. Он прошелся по рядам, точно лезвие сенокосилки. И был уверен, что после гибели этой женщины они должны дрогнуть, но тут кто-то бросил нож. Рукоятка ударила прямо по лбу, промеж глаз. Стрелок упал. Толпа надвинулась на него злобным сгустком. Он расстрелял очередную порцию патронов, лежа среди пустых гильз. Голова разболелась, перед глазами поплыли темные круги. Он уложил одиннадцать человек. Один раз промахнулся.

Они все же набросились на него — те, кто остался. Он расстрелял четыре патрона, все, что успел зарядить, а потом они навалились — кололи, били. Он отшвырнул двоих, вцепившихся ему в левую руку, и откатился в сторону. Пальцы делали свое дело — точно и безотказно. Острый удар пришелся ему в плечо. Кто-то вонзил туда нож. Кто-то больно ударил в спину. Поребрам. Кто-то пырнул его в задницу вилкой. Какой-то мальчишка, совсем пацан, протиснулся сквозь толпу и резанул его по икре. Глубоко резанул, неслабо. Стрелок одним выстрелом снес ему голову.

Яростный натиск пошел на убыль. Стрелок продолжал палить. Те, кто еще уцелел, начали потихо-

нечку отступать к полинявшим, разъеденным ветром домам. Но руки стрелка продолжали делать свое дело, как две собаки, неуемные в своем желании услужить и готовые выделывать всякие трюки тебе на потеху не раз и не два, а всю ночь напролет. Руки сеяли смерть. Люди падали на бегу. Последний сумел забраться на ступеньки заднего крыльца цирюльни. Пуля стрелка угодила ему в затылок. Мужчина вскрикнул и повалился на землю.

— А-а! — Это было последнее слово Талла.

Тишина возвратилась, заполнив образовавшуюся *пустоту*.

Кровь сочилась из многочисленных ран стрелка. Их было, наверное, не меньше двадцати. Правда, все неглубокие, кроме пореза на икре. Он перевязал ногу, оторвав полосу от рубахи, потом встал в полный рост и оглядел результаты своих смертоносных трудов.

Они лежали извилистой, ломаной линией, что протянулась от задних дверей цирюльни до того самого места, где стоял он. Они застыли в самых разнообразных позах. Никто из них не походил на спящего.

Он пошел по этой линии смерти, считая трупы. В лавке какой-то мужчина лежал на полу, любовно скимая в руках надтреснутый кувшин с леденцами, который он, падая, утянул с прилавка.

Стрелок остановился в том самом месте, где все началось, — посреди пустынной главной улицы. Он застрелил тридцать девять мужчин, четырнадцать женщин и пятерых детей. Всех, кто был в Талле.

Первый сухой порыв ветра принес с собой тошнотворный сладковатый запах. Стрелок повернулся в ту сторону, поднял глаза и кивнул. На дощатой крыше пивнушки Шеба распласталось разлагающееся

тело Норта, распятое на деревянных кольях. Рот и глаза были открыты. На грязном лбу багровел отпечаток раздвоенного копыта.

Стрелок вышел из города. Его мул мирно пасся в зарослях травки в сорока ярдах от бывшей проезжей дороги. Стрелок отвел мула обратно в конюшню Кеннерли. Снаружи надрывался ветер. Устроив мула, стрелок вернулся к пивнушке. Отыскал лестницу в заднем чулане. Поднялся на крышу. Снял Норта. Тело было на удивление легким, легче вязанки хвороста. Стрелок стащил его вниз и положил вместе со всеми. С теми, кто умер всего один раз. Потом он вернулся в пивную, съел пару гамбургеров и выпил три кружки пива. Свет снаружи померк. В воздух взметнулся песок. Той ночью он спал в кровати, где они с Элли занимались любовью. Ему ничего не приснилось. К утру ветер стих. Сияло солнце, как всегда, яркое и равнодушное. Трупы отнесло ветром на юг — точно перекати-поле. Задолго до полудня, задержавшись только затем, чтобы перевязать свои раны, стрелок тоже отправился в путь.

XVIII

Ему показалось, что Браун уснул. Угли в очаге едва тлели, а ворон Золтан засунул голову под крыло.

Он уже собирался встать и постелить себе в уголке, как вдруг Браун сказал:

— Ну вот. Ты мне все рассказал. Теперь тебе легче?

Стрелок невольно вздрогнул.

— А с чего ты решил, что мне плохо?

— Ты — человек. Ты так сказал. Не демон. Или ты, может, солгал?

— Я не лгал. — В душе шевельнулось какое-то странное чувство. Ему нравился Браун. Действительно нравился. Он ни в чем не солгал ему. Ни в чем. — А кто ты, Браун? То есть на самом деле.

— Я — просто я, — спокойно ответил тот. — Почему ты всегда и во всем ищешь какой-то подвох?

Стрелок молча закурил.

— Сдается мне, ты уже совсем близко к этому своему человеку в черном, — продолжал Браун. — Он уже доведен до отчаяния?

— Я не знаю.

— А ты?

— Еще нет. — Стрелок взглянул на Брауна с едва уловимым вызовом. — Я иду, куда надо идти, и делаю то, что должен.

— Тогда все в порядке. — Браун перевернулся на другой бок и заснул.

XIX

Утром Браун накормил его и отправил в дорогу. При свете дня поселенец выглядел как-то чудно: со своей впалой грудью, опаленной солнцем, выпирающими клошицами и копнкой выющиеся красных волос. Ворон пристроился у него на плече.

— А мул? — спросил стрелок.

— Я его съем, — сказал Браун.

— О'кей.

Браун протянул руку, и стрелок пожал ее. *Поселенец кивнул в сторону юго-востока.*

— Ну что ж, в добрый путь. Долгих дней и приятных ночных.

— Тебе того же вдвойне.

Они кивнули друг другу, и человек, которого Элли звала Роландом, пошел прочь, со своими верными револьверами и бурдюками с водой. Он оглянулся всего лишь раз. Браун с остервенением копался на своей маленькой кукурузной делянке. Ворон сидел, как горгулья, на низенькой крыше землянки.

XX

Костер догорел. Звезды уже бледнели. Ветер так и не угомонился. У ветра тоже была своя история, которую он рассказывал в пустоту. Стрелок перевернулся во сне и снова затих. Ему снился сон — сон про жажду. В темноте было не видно гор. Ощущение вины притупилось. И сожаления — тоже. Пустыня их выжгла. Зато стрелок постоянно ловил себя на том, что он все чаще и чаще думает о Корте, который научил его стрелять. Корт умел отличить белое от черного.

Он снова зашевелился во сне и проснулся. Прищурился на погасший костер, чей узор наложился теперь на другой — более геометрически правильный. Он был романтиком. Он это знал. И ревниво оберегал это знание. Этот секрет он раскрыл очень немногим за долгие годы. И среди этих немногих была Сюзан, девушка из Меджиса.

Это, само собой, вновь навело его на мысли о Корте. Корт уже мертв. Они все мертвы. Он — последний. Мир изменился. Мир сдвинулся с места.

Стрелок закинул дорожный мешок за плечо и двинулся дальше.

Глава 2

Дорожная станция

|

Весь день у него в голове крутился один детский стишок — такая сводящая с ума напасть, когда какие-нибудь строчки привязываются к тебе и никак не желают отстать, маячат, насмехаясь, где-то на краешке сознания и корчат рожи твоему рациональному существу. Стишок звучал так:

Дождь в Испании идет,
Скоро все водой зальет,
Только ты ему позволь.
Радость есть, но есть и боль.
Ну а дождик знай идет —
Скоро все водой зальет.

Время — это полотно,
Ну а жизнь — на нем пятно.
Мир, дурашливыи и важный,
Все изменится однажды.

Мир прекрасный, мир постылый,
Все останется, как было.
Хоть ты умник, хоть балбес —
Дождь в Испаны льет с небес.

Жаждем мы любви полета —
А находим цепи гнета.
Самолет под дождь попал —
На Испанию упал.

Он не знал, что это такое — самолет, который упал на Испанию, но зато знал, почему у него в голове всплыл именно этот стишок. В последнее время ему часто снился один и тот же сон: его комната в замке и мать, которая пела ему эту песню, когда он, такой маленький и серьезный, лежал у себя в кроватке у окна с разноцветными стеклами. Она пела ему не на ночь, потому что все мальчики, рожденные для Высокого Слога, даже совсем-совсем маленькие, должны встречать темноту один на один. Она пела ему только во время дневного сна, и он до сих пор помнил тяжелый серый свет дождливого дня, дрожащий на цветных радужных стеклах. Он до сих пор явственно ощущал прохладу той детской и грунное тепло одеял, свою любовь к матери, ее алые губы, ее голос и незатейливую, привязчивую мелодию детской песенки.

И вот теперь эта песня вернулась и завертелась — назойливо, неотвязно — у него в голове, словно пес, что гоняется за своим хвостом. Вода у него давно кончилась, и он не строил иллюзий насчет своих шансов выжить. Он — почти труп. Он и не думал, что может дойти до такого. Он был подавлен. Начиная с полудня, он уже не смотрел вперед, а лишь уныло глядел себе под ноги. Под ногами была бес-трава, чахлая, желтая. Местами ровная сланцевая поверхность повыбетрилась, обернувшись россыпью камней. Горы не стали заметно ближе, хотя прошло уже целых шестнадцать дней с тех пор, как он покинул жилище последнего поселенца на краю пустыни, скромную

хижину совсем молодого еще человека, полоумного, но рассуждавшего вполне здраво. Кажется, у него был ворон, припомнил стрелок, но не смог вспомнить, как его звали.

Он тупо глядел на свои ноги, как они поднимаются и печатают шаги. Слушал рифмованную чепуху, звенящую у него в голове — сбивчиво, путано, — и все думал, когда же он упадет. В первый раз. Он не хотел падать, пусть даже здесь нет никого и никто не увидит его позора. Все дело в гордости. Каждый стрелок знает, что такое гордость — эта незримая кость, не дающая шею согнуться. То, что стрелок не узнал от отца, накрепко вбил в него Корт. В прямом смысле слова. Да, Корт. С его большим красным носом и лицом, изрезанным шрамами.

Внезапно он остановился и вскинул голову. В голове зашумело, и на мгновение стрелку показалось, что его тело куда-то плывет. Горы призрачно маячили на горизонте. Но там, впереди, было и что-то еще. Только гораздо ближе. Всего-то, может быть, милях в пяти. Он прищурился, но сияние солнца слепило глаза, воспаленные от песка и зноя. Он тряхнул головой и продолжил свой путь. Стишок по-прежнему гудел в голове, повторяясь опять и опять. Где-то через час он упал и ободрал себе руки. Стрелок смотрел на капельки крови, пропустившие на потрескавшейся коже, — смотрел и не верил своим глазам. Кровь не стала водянистой. Самая обыкновенная кровь, которая уже умирала на воздухе. Почти такая же самодовольная, как и эта пустыня. Стрелок с отвращением стряхнул алые капли. Самодовольная? А почему бы и нет? Кровь не томится жаждой. Крови служат исправно. Приносят ей жертву. Кровавую жертву. Все, что требуется от нее, — это течь... течь... и течь.

Он смотрел, как алые капли упали на твердый сланец, как земля поглотила их со сверхъестественной, жуткой скоростью. Как тебе это нравится, кровь? Как тебе это нравится?

Иисус милосердный, по-моему, я схожу с ума.

Он поднялся, прижимая руки к груди. Та штука, которую он видел раньше, вдалеке, была почти перед ним. Так близко... Стрелок испуганно вскрикнул — хриплый возглас, похожий на карканье ворона, заглушенное пылью. Здание. Нет — целых два здания, окруженных поваленной изгородью. Древесина казалась старой и хрупкой, едва ли не призрачной: дерево, обращающееся в песок. Одно из зданий когда-то служило конюшней и до сих пор еще сохранило ее очертания. Второе здание — жилой дом или, может быть, постоянный двор. Промежуточная станция для рейсовых экипажей. Ветхий песчаный домик (за долгие годы ветер покрыл древесину панцирем из песка, и теперь дом походил на замок, слепленный на морском берегу из сырого песка, высущенный и закаленный солнцем) отбрасывал тоненьку полоску тени. И кто-то сидел там, в тени, прислонившись к стене. Казалось, стена прогнулась под тяжестью его веса.

Стало быть, он. Наконец. Человек в черном.

Стрелок замер на месте, прижимая руки к груди. Он даже не осознавал пафосную театральность своей позы. Но вместо ожидаемого трепещущего возбуждения (или, может быть, страха, или благоговения) он почувствовал... он вообще ничего не почувствовал, кроме разве что смутного ощущения вины из-за внезапной, клокочущей ненависти к собственной крови и бесконечного звона той детской песенки:

...дождь в Испании идет...

Он двинулся вперед, вынимая на ходу револьвер.
...скоро все водой зальет.

Последнюю четверть мили он преодолел почти бегом, даже не пытаясь скрываться: здесь не за чем было укрыться. Негде спрятаться. Его короткая тень бежала с ним наперегонки. Он не знал, что его лицо давно обратилось в серую, мертвеннную маску истощения. Он забыл обо всем — кроме этой фигуры в тени. До самой последней минуты ему даже в голову не приходило, что человек в тени здания может быть мертв.

Он выбил ногой одну из досок покосившегося забора (она переломилась пополам чуть ли не виновато, не издав ни единого звука) и, вскинув револьвер, промчался по пустынному двору, залитому светом слеящего солнца.

— Ты у меня под прицелом! Руки вверх, шлюхин сын...

Фигура беспокойно зашевелилась и поднялась, выпрямившись в полный рост. Стрелок подумал: «Боже мой, от него же почти ничего не осталось... что с ним случилось?» — Потому что человек в черном стал ниже на добрых два фута, а его волосы побелели.

Стрелок остановился, пораженный, недоумевающий. Голова у него гудела. Сердце бешено колотилось в груди. «Я умираю, — подумал он, — сейчас я умру, прямо здесь...»

Он набрал в легкие раскаленного воздуха и уронил голову, а когда через мгновение поднял глаза, то увидел не человека в черном, а мальчишку со светлыми выгоревшими волосами, который смотрел на него как будто безо всякого интереса. Стрелок тупо уставился на парнишку и тряхнул головой, как бы отрицая реальность происходящего. Но реальность упорно со-

противлялась. Мальчик никуда не пропал. Если это было наваждение, то очень сильное наваждение. Мальчик в синих джинсах с заплаткой на колене и в простой коричневой рубашке из грубой ткани.

Стрелок снова тряхнул головой и двинулся в сторону конюшни, глядя себе под ноги и не выпуская из руки револьвер. Он все еще не собрался с мыслями. В голове все плыло. Там нарастила тупая, огромная боль.

В конюшне было темно, тихо и невыносимо жарко. Стрелок огляделся. Воспаленные глаза саднило, смотреть было больно. Он обернулся, покачнувшись как пьяный, и увидел мальчишку, который смотрел на него, стоя в дверях. Острый клинок боли пронзил его голову, от виска до виска. Разрезал мозг, как апельсин. Стрелок убрал револьвер в кобуру, пошатнулся, взмахнул руками, словно отгоняя призрачное наваждение, и упал лицом вниз.

II

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на спине, а под головой у него — охапка мягкого сена, совершенно без запаха. Мальчик не смог передвинуть стрелка, но постарался устроить его поудобнее. Было прохладно. Он оглядел себя и увидел, что его рубашка — темная и мокрая на груди. Облизав губы, стрелок почувствовал вкус воды. Язык как будто распух и уже не помещался во рту.

Мальчик сидел на корточках тут же, рядом. Когда он увидел, что стрелок приоткрыл глаза, он наклонился и протянул ему жестянную консервную банку с неровными зазубренными краями, наполненную во-

дой. Стрелок схватил ее трясущимися руками и позволил себе отпить. Чуть-чуть — самую малость. Когда вода улеглась у него в животе, он отпил еще немного. А то, что осталось, выплеснул себе в лицо, сдавленно отдуваясь. Красивые губы мальчишки изогнулись в серьезной, сдержанной улыбке.

— Поесть не хотите, сэр?

— Попозже, — сказал стрелок. Тошнотворная боль в голове — последствие солнечного удара — слегка поутихла, но еще не прошла до конца. Вода непреклонно хлюпала в желудке, как будто не зная, куда ей теперь податься. — Ты кто?

— Меня зовут Джон Чеймберз. Можете называть меня Джейк. Я дружу с одной тетенькой... ну не то чтобы дружу, она у нас работает... так вот, она иногда называет меня Бамой, но вы называйте меня Джейк.

Стрелок сел, и тошнотворная боль обернулась неудержимым позывом к рвоте. Он согнулся пополам, борясь со своим взбунтовавшимся желудком. Желудок все-таки победил.

— Там есть еще, — сказал Джейк и, забрав банку, направился в дальний конец конюшни. Остановился на полпути и, оглянувшись, неуверенно улыбнулся стрелку. Тот кивнул мальчику, потом опустил голову, подперев подбородок руками. Мальчик был симпатичный, хорошо сложенный, лет, наверное, десяти или одиннадцати. В общем, мальчик как мальчик, вот только лицо у него... как будто накрытое тенью страха. Но это было нормально. Даже хорошо. Не будь этой тени, стрелок бы поостерегся ему доверять.

Из сумрака в дальнем конце конюшни донесся какой-то глухой, непонятный шум. Стрелок встревоженно вскинул голову, руки сами потянулись к ре-

вольверам. Странный шум длился примерно секунд пятнадцать, потом затих. Мальчик вернулся с жестянкой — уже наполненной до краев.

Стрелок опять отпил совсем немного. На этот раз дело пошло лучше. Боль в голове начала проходить.

— Я не знал, что мне с вами делать, когда вы упали, — сказал Джейк. — Мне сперва показалось, что вы хотели меня застрелить.

— Может быть. Я принял тебя за другого.

— За священника?

Стрелок сразу насторожился.

Мальчик взглянул на него и нахмурился.

— Он останавливался во дворе. Я спрятался в доме. Или это амбар, я не знаю. Он мне не понравился, и я не стал выходить. Он пришел ночью, а на следующий день ушел. Я бы спрятался и от вас, но я спал, когда вы подошли. — Взгляд мальчишки, направленный куда-то поверх головы стрелка, вдруг сделался мрачным. — Я не люблю людей. Они мне все время все портят.

— А как он выглядел, этот священник?

Мальчик пожал плечами.

— Как и всякий священник. В такой черной штуке.

— Типа сутаны с капюшоном?

— Что такое сутана?

— Такой балахон. Типа платья.

Мальчик кивнул.

— В балахоне с капюшоном.

Стрелок резко подался вперед, и мальчик отшатнулся, увидев его лицо.

— Давно он тут проходил? Скажи мне, во имя отца.

— Я... я...

— Я тебе ничего не сделаю, — терпеливо сказал стрелок. — Ничего плохого.

— Я не знаю. Я не запоминаю время. Здесь все дни — одинаковые.

Только теперь стрелок задался вопросом, а как вообще этот мальчик сюда попал, как он очутился в этом заброшенном месте, окруженном на многие мили сухой пустыней, убивающей все живое. Впрочем, ему-то какое дело. Сейчас и без того хватает забот.

— Попробуем все-таки подсчитать. Очень давно?

— Нет. Не очень. Я сам здесь недавно.

Стрелок буквально почувствовал, как внутри снова вспыхнул огонь. Он схватил жестянку с водой и жадно отпил еще глоток. Его руки дрожали. Самую малость. В голове снова всплыли обрывки детской колыбельной, но на этот раз перед его мысленным взором предстало уже не лицо матери, а лицо Элис, со шрамом на лбу. Элис, которая была его женщиной в мертвом теперь городке под названием Талл.

— Сколько? Неделя? Две? Три?

Мальчик озадаченно посмотрел на него.

— Да.

— Что да?

— Неделю. Или две. — Он огляделся, слегка покраснев. — С тех пор я три раза ходил в туалет по большому. Я теперь так измеряю время. А по-другому — никак. Он даже не пил воды. Я подумал, что он, может быть, призрак священника. Как в том фильме, про Зорро. Только там был не призрак и не священник. А нехороший банкир, который хотел заполучить себе землю, потому что там было золото. Мы с миссис Шоу ходили в кино. На Таймс-сквер.

Стрелок не понял, о чем говорит мальчик, и поэтому промолчал.

— Я испугался, — добавил мальчик. — Я боялся почти все время. — Его лицо вдруг задрожало, словно хрусталь под напором предельно высокой, разрушительной ноты. — Он даже не стал разводить костер. Просто сидел. Я даже не знаю, спал он или нет.

Так близко! О боги! Так близко... Несмотря на невероятную обезвоженность организма, руки стрелка стали влажными, липкими.

— Тут есть немного сушеного мяса, — сказал ему мальчик.

— Хорошо, — кивнул стрелок. — Замечательно.

Мальчик поднялся, чтобы сходить за обещанным мясом. В коленках легонько хрустнуло. Держался он прямо. Ладная, стройная фигурка. Пустыня еще не успела его иссушить. Руки были чуть-чуть худоваты, но кожа, хотя и загорелая, еще не загрубела и не рас美好生活。 «Он полон соков, — подумал стрелок. — И наверное, песок набился ему в мозги. Совсем он тут одурел от жары. Иначе он бы забрал у меня револьвер и пристрелил бы на месте, пока я валялся без чувств».

Хотя, может быть, мальчик просто об этом не подумал.

Стрелок отпил еще воды. «С песком в мозгах или нет, но он — не отсюда».

Джейк вернулся с вяленым мясом, разрезанным на небольшие кусочки. Мясо было жестким, жилистым и щедро сдобренным солью — у стрелка защипало губы, сплошь в мелких трещинках и язвочках. Он ел и пил, пока не почувствовал, что в него уже не лезет. Мальчик едва притронулся к пище.

Стрелок внимательно изучал Джейка, а тот спокойно выдерживал его взгляд.

— Откуда ты, Джейк? — наконец спросил он.

— Я не знаю. — Мальчик нахмурился. — Не знаю. Я знал, когда только-только сюда попал, но теперь не могу вспомнить. Все расплывается, как плохой сон, когда ты уже проснулся. Мне часто снятся плохие сны. Миссис Шоу говорит, что это все потому, что я смотрю слишком много ужастиков по одиннадцатому каналу.

— Что такое канал? — У стрелка вдруг мелькнула совершенно безумная мысль. — Что-то вроде луча?

— Нет. Это по телику.

— Что такое телик?

— Ну... — Мальчик почесал лоб. — Такие картинки.

— Тебя кто-то привел сюда? Эта миссис Шоу?

— Нет, — сказал мальчик. — Я просто здесь очутился.

— А миссис Шоу, это кто?

— Я не знаю.

— А почему она называет тебя Бамой?

— Не помню.

— Какая-то ерунда получается, — буркнул стрелок.

Ему вдруг показалось, что мальчик сейчас заплачет.

— Я правда ничего не знаю. Я просто здесь оказался. Если бы вы спросили меня вчера, про каналы и телик, я бы вам все рассказал. А завтра я, может быть, даже не вспомню, что меня зовут Джейк. Разве что вы мне подскажете, только вы мне ничего не подскажете. Потому что завтра вас здесь не будет. Вы уйдете, и я умру с голоду, потому что вы съели почти всю мою еду. Я сюда не хотел. Я не просил, чтобы меня сюда перенесли. Мне здесь не нравится. Тут жутко и страшно.

— Не надо так сильно себя жалеть. Держи хвост пистолетом.

— Я сюда не хотел, — повторил мальчик с ребяческим вызовом в голосе.

Стрелок съел еще кусок мяса. Прежде чем проглотить, долго жевал, чтобы выдавить соль. Мальчик тоже стал частью единого целого, и стрелок был уверен, что он говорит ему правду: он оказался здесь не по собственной воле. Он не хотел, чтобы так было. Плохо. Очень плохо. Это он, стрелок... *он сам так хотел*. Но он никогда не хотел грязной игры. Он не хотел убивать никого в Талле. Не хотел убивать Элли, эту некогда красивую женщину, чье лицо было отмечено тайной, которая все же открылась ей в самом конце, — тайной, к которой она стремилась и до которой добралась, сказав это слово, это *девятнадцать*, как будто открыла замок ключом. Он не хотел, чтобы его ставили перед выбором: исполнить свой долг или превратиться в безжалостного убийцу. Это нечестно: вытихивать на сцену ни в чем не повинных людей — посторонних людей — и заставлять их участвовать в этом спектакле, который для них чужой и непонятный. «Элли, — подумал он, — Элли хотя бы жила в этом мире, пусть в своем, иллюзорном, но все-таки здесь. А этот *мальчик...* этот проклятый *мальчик...*»

— Расскажи все, что ты помнишь, — сказал он Джейку.

— Я мало что помню. А то, что помню, это и вправду какая-то ерунда. Полный бред.

— Все равно расскажи.

Мальчик задумался, с чего начать. И думал долго.

— Было одно место... до того, как я здесь оказался. Такой большой дом, где много комнат, а рядом — дворик, откуда видны высоченные здания и вода. А в воде стояла статуя.

— Статуя в воде?

— Да. Такая женщина, в короне и с факелом... и еще, кажется, с книгой.

— Ты что — выдумываешь на ходу?

— Может быть, — безнадежно ответил мальчик. — Там еще были такие штуки, чтобы ездить на них по улицам. Большие и маленькие. Большие — синие с белым. А маленькие — желтые. Желтых было много. Я шел в школу. Вдоль улиц тянулись такие зацементированные дорожки. А еще там были большие окна, чтобы в них смотреть, и статуи в одежде. Статуи продавали одежду. Я понимаю, что это звучит по-дурацки, но те статуи продавали одежду.

Стрелок покачал головой, пристально всматриваясь в лицо мальчика — пытаясь распознать ложь. Но мальчик, похоже, не лгал.

— Я шел в школу, — упрямо повторил мальчишка. — У меня была... — он прикрыл глаза и пошевелил губами, как будто нащупывая слова, — сумка для книг... такая коричневая. И еще — завтрак. И на мне был... — он снова запнулся, мучительно подбирая слово, — галстук.

— Что?

— Я не знаю. — Мальчик безотчетно положил руку на горло. Этот жест всегда ассоциировался у стрелка с повешением. — Не знаю. Все это исчезло. — Он отвел взгляд.

— Можно, я тебя усыплю? — спросил стрелок.

— Я не хочу спать.

— Я могу усыпить тебя, чтобы ты вспомнил. Во сне. Джейк с сомнением спросил:

— А как вы меня усыпите?

— А вот так.

Стрелок вынул из патронташа один патрон и начал вертеть его в пальцах. Его движения были проворны-

ми, плавными — как льющееся масло. Патрон как будто перетекал от большого пальца к указательному, от указательного — к среднему, от среднего — к безымянному, от безымянного — к мизинцу. На мгновение исчез из виду, потом появился опять. На долю секунды завис неподвижно и двинулся обратно, переливаясь между пальцами стрелка. Мальчик смотрел. Его недоверчивое выражение сменилось искренним восторгом, потом — восхищением, а потом его взгляд стал пустым. Он отключился. Глаза закрылись. Патрон плясал в пальцах стрелка. Взд-вперед. Глаза Джейка опять распахнулись; он еще с полминуты понаблюдал за плавной пляской патрона и снова закрыл глаза. Стрелок продолжал крутить патрон, но Джейк больше не открывал глаз. Его дыхание замедлилось, стало спокойным и ровным. Неужели так надо? Неужели так и должно было быть? Да. Во всем этом была даже некая красота, хрупкая и холодная, как кружевные узоры по краям голубых ледяных глыб. Ему опять показалось, что он слышит, как мама поет ему песню, но не ту глупую детскую песенку про Испанию и дождь, а другую, такую же глупую и такую же милую, что доносилась из дальнего далека, когда он уже засыпал, легонько покачиваясь на краешке сна: *Птичка овсянка, скорее лети, скорее лети и корзинку неси.*

Стрелок снова почувствовал, как его накрывает волна плотной душевой мутi. Патрон в его пальцах, с которым онправлялся с таким непостижимым изяществом, вдруг показался ему живым. Такое маленькоe сверкающее чудовище. Стрелок уронил патрон в ладонь и до боли сжал руку в кулак. Если бы патрон сейчас взорвался, стрелок был бы только рад. Рад избавиться от руки, чье единственное истинное мастерство — это убийство. Убийство было всегда,

так устроен мир. Но от этого было не легче. Да, на свете есть много плохого. Убийство, насилие и чудовищные деяния. И все это — во имя добра. Добра, обагренного кровью. Во имя кровавого мифа, во имя Грааля, во имя Башни. Да. Где-то она стоит, Башня (как говорят, посередине всего) — стоит, вспарывая небеса своей черной громадой, и в очищенных жаром пустыни ушах стрелка вновь зазвучит тихий и ласковый мамин голос: чик-чирик, не бойся кошеч, дам тебе я хлебных крошек.

Он отмахнулся от этой песенки, как от назойливой мухи, и спросил:

— Где ты?

III

Джейк Чеймберз — он же Бама — спускается по лестнице с портфелем в руках. В портфеле — учебники: природоведение, география, тетрадь, карандаши, завтрак, который мамина кухарка, миссис Гreta Шоу, подготовила для него в кухне, где все из хрома и пластика, где непрестанно гудит воздухоочиститель, поглощающий неприятные запахи. В пакете для завтрака — сандвич с арахисовым маслом и повидлом и еще один, с копченой колбасой, салатом и луком, и четыре кекса «Орео». Его родители не то чтобы его не любят, но, похоже, давно уже не замечают родного сына. Они давно от него отказались и препоручили заботам миссис Греты Шоу, многочисленных нянек и репетитора — летом и Школы Пайпера (которая Частная, очень Хорошая и, самое главное, Только Для Белых) — во все оставшееся время. Никто из этих людей даже и не претендует на то, чтобы быть кем-то еще, кроме того, кто они

есть: профессионалы, лучшие в своем деле. Никто ни разу не прижал его к теплой груди, как это всегда происходит в исторических любовных романах, которые читает его мама и которые Джейк перелистывает тайком, в поисках «всяких глупостей». Истерические романы, как их иногда называет папа. Или еще — «неглиже-срыватки». На что мама ему отвечает с презрением: «А ты только болтать и способен», — а Джейк это все слышит из-за закрытых дверей. Папа работает на телевидении, и Джейк, наверное, мог бы этим гордиться. Но ему все равно.

Джейк еще не знает, что ненавидит всех профессионалов, за исключением миссис Шоу. Люди всегда приводили его в замешательство. Какие-то все они странные. Его мама — которая очень худая, но секспально худая — часто спит со своими друзьями в одной постели. Ее друзья все больные на голову. Его отец иногда упоминает каких-то людей с телевидения, которые «перебарщивают с кока-колой». При этом он усмехается и быстро нюхает свой большой палец.

И вот он выходит из дома. Джейк Чеймберз выходит на улицу. Так говорят о демонстрантах: они вышли на улицу. Одет во все чистенько. Знает, как надо себя вести. Симпатичный послушный мальчик. Раз в неделю он ездит в «Мид-Таун Лайнс», в кегельбан. У него нет друзей — только знакомые. Он никогда не задумывался об этом, но это его задевает. Он еще не знает или не понимает, что, постоянно общаясь с профессионалами, он невольно перенял многие их черты и привычки. Миссис Гreta Шоу (да, она лучше всех остальных, но все равно это не утешает) делает в высшей степени профессиональные сандвичи. Она разрезает хлеб на четыре части и срезает корку, и когда Джейк ест свои бутерброды на переменке, выглядит все это так, будто он

где-нибудь на коктейле, а вместо книжки из школьной библиотеки — что-нибудь про спорт или Дикий Запад — держит в руке бокал крепкой выпивки. Его отец зашибает большие деньги, потому что он мастер «завести зрителя», то есть умеет выбрать и включить в программу «убийное» шоу, которое забивает «невзрачные передачи» на конкурирующем канале. Папа выкуривает четыре пачки в день. Он не кашляет, но у него тяжелая ухмылка, и иногда он позволяет себе хлопнуть парочку кока-колы по старой памяти.

Вдоль по улице. Мать дает ему денежку на такси, но, когда нет дождя, он всегда ходит пешком. Идет, размахивая портфелем (или сумкой, где у него все для боулинга, хотя, как правило, сумку он оставляет у себя в шкафчике в кегельбане). Маленький мальчик. Такой стопроцентный американец с голубыми глазами и белокурыми волосами. Девчонки уже начинают обращать на него внимание (с одобрения своих мамаш), и он уже не сторонится их, как маленький, с подчеркнутой детскими заносчивостью. Он общается с ними с таким неосознанным профессионализмом, чем весьма их смущает. Он увлекается географией, а после обеда ходит в кегельбан. Его папа владеет пакетом акций какой-то компании по производству автоматического оборудования для кегельбанов, но там, куда ходит Джейк, стоит оборудование другой марки. Ему кажется, будто он никогда не задумывался об этом. Но на самом деле — еще как задумывался.

Вдоль по улице. Мимо «Блуми», магазина готового платья, где в витринах стоят манекены, одетые в меховые пальто или в деловые костюмы на шести пуговицах, а некоторые — «без всего», совсем голые. Эти манекены — тоже безупречные профессионалы, а он ненавидит профессионализм во всех проявлениях. Он еще

слишком мал для того, чтобы уметь ненавидеть себя, но начало уже положено: надо лишь время, чтобы это горькое семя принесло горький плод.

Он доходит до угла и стоит на перекрестке с портфелем в руке. Машины с ревом несутся по улице — синие с белым автобусы, желтые такси, «фольксвагены», грузовики. Он всего лишь мальчишка, но выше средних способностей; и краешком глаза он успевает заметить человека, который его убивает. Человек одет во все черное, и Джейк не видит его лица, только развеивающийся балахон, и протянутые к нему руки, и жесткую улыбку профессионала. Он падает на проезжую часть, не выпуская из рук портфеля, в котором лежит его высокопрофессиональный завтрак, приготовленный миссис Гретой Шоу. Он еще успевает заметить водителя — испуганное лицо за затемненным ветровым стеклом. Бизнесмен в темно-синей шляпе со стильным пером за лентой. У кого-то в машине гремит рок-н-ролл. На тротуаре, на той стороне, кричит какая-то пожилая дама. У нее черная шляпка с сеточкой, в которой нет ничего стильного и изящного — эта сеточка больше похожа на траурную вуаль. Джейк не чувствует ничего, лишь удивление и привычное пагубное замешательство — неужели вот так все и кончается? И ему уже никогда не улучшить свои результаты в боулинге? Выходит, два-семьдесят — это предел? Он падает на проезжую часть и видит в двух дюймах от глаз свежезаделанную трещину на асфальте. Портфель вылетает из рук. Он как раз призадумался, сильно ли он ободрал коленки, когда на него наезжает машина того бизнесмена в синей шляпе со стильным пером. Огромный синий «кадиллак» 76-го года с шинами «Фаерстоун». Машина почти такого же цвета, как и шляпа водителя. Она ломает Джейку спину, расплющивает живот. У него

изо рта вырывается струя крови. Настоящий фонтан. Он поворачивает голову и видит зажженные задние фонари. «Кадиллак» тормозит, из-под колес валит дым. Машина проехала и по портфелю, оставив на нем черный широкий след. Джейк поворачивает голову в другую сторону и видит громадный серый «форд», который с визгом останавливается в каких-нибудь нескольких дюймах от его тела. Какой-то чернокожий парень, наверное, тот самый, который продает с тележки соленые крендельки и газировку, бежит к нему. Кровь у Джейка течет отовсюду: из носа, из глаз, из ушей, из прямой кишки. Его гениталии превратились в кашу. А он все думает раздраженно, сильно ли он ободрал коленки. Он боится, что опоздает в школу. Теперь и водитель «кадиллака» бежит к нему, причитая на ходу. Откуда-то доносится голос. Страшный, спокойный — голос неумолимой судьбы:

— Я священник. Дайте пройти. Последнее причастие...

Он видит черный балахон и обмирает от ужаса. Это он. Человек в черном. Собрав последние силы, Джейк отворачивается от него. Где-то играет радио, передают песню рок-группы «Кисс». Он видит, как его руки скребут по асфальту — белые, маленькие, аккуратные. Он никогда не грыз ногти.

Глядя на свои руки, Джейк умирает.

IV

Стрелок сидел, погруженный в тяжелые думы. Он устал, все его тело болело, и мысли рождались у него в голове с изматывающей медлительностью. Рядом с ним, зажав руки между колен, спал удивительный

мальчик. Он рассказал свою историю очень спокойно, хотя ближе к концу его голос дрожал — это когда он дошел до «священника» и до «последнего причастия». Разумеется, он ничего не рассказывал ни о своей семье, ни о своем ощущении странной, сбивающей с толку раздвоенности, но все равно кое-что просочилось в его рассказ — достаточно, чтобы понять. Такого города, который описывал мальчик, нет и не было никогда (разве что это был легендарный Лад) — но это было не самое странное. Хотя стрелок все равно не на шутку встревожился. Вообще весь рассказ был каким-то тревожным. Стрелок боялся даже задумываться о том, что все это может значить.

— Джейк?

— У-гу?

— Ты хочешь помнить об этом, когда проснешься?
Или хочешь забыть?

— Забыть, — быстро ответил мальчик. — Я был весь в крови. И когда кровь пошла у меня изо рта, у нее был такой вкус... я как будто говна наелся.

— Хорошо. Сейчас ты заснешь, понятно? И будешь спать. По-настоящему. Давай-ка ложись.

Джейк послушно лег. Такой маленький, тихий и безобидный — с виду. Однако стрелку почему-то не верилось в то, что мальчик действительно безобидный. Было в нем что-то странное, роковое, некий дух предопределенности. Как будто это была очередная ловушка. Стрелку не нравилось это гнетущее ощущение, но ему нравился мальчик. Ему очень нравился мальчик.

— Джейк?

— Тс-с. Я хочу спать. Я сплю.

— Да. А когда ты проснешься, ты все забудешь.
Все, что мне рассказал.

— О'кей. Хорошо.

Мальчик спал, а стрелок смотрел на него и вспоминал свое детство. Мысленно возвращаясь в прошлое, он обычно испытывал странное ощущение, будто все это происходило не с ним, а с кем-то другим — с человеком, который прошел сквозь легендарный кристалл, изменяющий время, прошел и стал совершенно другим. Не таким, каким был. Но теперь его детство вдруг подступило так близко. Мучительно близко. Здесь, в конюшне дорожной станции, было невыносимо жарко, и стрелок отпил еще воды. Совсем немного, буквально глоток. Потом он поднялся и прошел в глубь строения. Остановился, заглянул в одно из стойл. Там в углу лежала охапка белой соломы и аккуратно сложенная попона, но лошадьми не пахло. В конюшне не пахло вообще ничем. Солнце выжгло все запахи и не оставил ничего. Воздух был совершенно стерилен.

В задней части конюшни стрелок обнаружил крошечную темную комнатушку с какой-то машиной из нержавеющей стали, похожей на маслобойку. Ее не тронули ни ржавчина, ни порча. Слева торчала хромированная труба, а под ней было отверстие водостока. Стрелок уже видел такие насосы в других засушливых местах, но ни разу не видел такого большого. Он себе даже не представлял, как глубоко нужно было бурить этим людям (которых давно уже нет), чтобы добраться до грунтовых вод, затаившихся в вечной тьме под пустыней.

Почему они не забрали с собой насос, когда покидали станцию?

Наверное, из-за демонов.

Внезапно он вздрогнул. По спине пробежал холодок. Кожа покрылась мурашками, которые тут же исчезли. Он подошел к переключателю и нажал кноп-

ку «ВКЛ». Механизм загудел. А примерно через полминуты струя чистой, прохладной воды вырвалась из трубы и устремилась в водосток, в систему рециркуляции. Из трубы вылилось, наверное, галлона три, а потом насос со щелчком отключился. Да, зверь-машина, такая же чуждая этому месту и времени, как и истинная любовь, и такая же неотвратимая, как Суд Божий. Молчаливое напоминание о тех временах, когда мир еще не сдвинулся с места. Вероятно, машина работала на атомной энергии, поскольку на тысячи миль вокруг электричества не наблюдалось, а сухие батареи уже давно бы разрядились. Ее сделали на заводе компании под названием «Северный Центр позитроники». Стрелку это совсем не понравилось.

Он вернулся и сел рядом с мальчиком, который спал, подложив одну руку под щеку. Симпатичный такой мальчуган. Стрелок выпил еще воды и скрестил ноги на индейский манер. Мальчик, как и тот поселенец у самого края пустыни, у которого еще был ворон (Золтан, внезапно вспомнил стрелок, — ворона звали Золтан), тоже утратил всякое ощущение времени, но человек в черном, вне всяких сомнений, был уже близко. Уже не в первый раз стрелок призадумался: а не подстроил ли человек в черном очередную ловушку, позволив догнать себя. Вполне вероятно, что он, стрелок, играет теперь на руку своему врагу. Он попытался представить себе, как это будет, когда они все же сойдутся лицом к лицу, — и не смог.

Ему было жарко, ужасно жарко, но в остальном он себя чувствовал вполне сносно. В голове снова всплыл давешний детский стишок, но на этот раз он думал уже не о матери, а о Корте, о человеке с лицом, обезображенном шрамами от пуль, камней и всевозможных тупых предметов. Шрамы — отметины вой-

ны и военного ремесла. «Интересно, — вдруг подумал стрелок, — а была ли у Корта любовь. Большая, под стать этим шрамам. Нет. Вряд ли». Он подумал о Сюзан, о своей матери и о Мартене, об этом убогом волшебнике-недоучке.

Стрелок был не из тех людей, которые любят копаться в прошлом; если бы он был человеком менее эмоциональным и не умел смутно предвосхищать будущее, он был бы упретым и непробиваемым дубарем, лишенным всяческого воображения. Причем дубарем очень опасным. Вот почему он и сам удивился своим неожиданным мыслям. Каждое новое имя, всплывавшее в памяти, вызывало другое: Катберт, Алан, старый Джонас с его дрожащим голосом; и снова — Сюзан, прелестная девушка у окна. Все подобные размышления неизменно сводились к Сюзан, и к великой холмистой равнине, известной как Спуск, и к рыбакам, что забрасывали свои сети в заливах на краешке Чистого моря.

Талер из Талла (тоже мертвый, как и все остальные жители Талла, сраженные им, стрелком) тоже был там, в Меджисе. Щеб обожал старые песни, когда-то играл их в салуне под названием «Приют путников», и стрелок фальшиво замурлыкал себе под нос:

Любовь, любовь беспечная,
Смотри, что ты наделала.

Он рассмеялся, сам себе поражаясь. «Я последний из того мира зелени и теплых красок». Он тосковал по былому. Но не жалел себя, нет. Мир беспощадно сдвинулся с места, но его ноги еще не отказываются ходить, и человек в черном уже близко. Стрелок задремал.

V

Когда он проснулся, уже почти стемнело, а мальчик исчез.

Стрелок поднялся — в суставах явственно хрустнуло — и подошел к двери конюшни. В темноте, на крыльце постоянного двора мерцал огонек. Он направился прямо туда. Его тень, длинная, черная, растянулась в коричневато-желтом свете заходящего солнца.

Мальчик Джейк сидел возле зажженной керосиновой лампы.

— Там в лампе был керосин, — сказал он, — но я побоялся зажигать огонь в доме. Все такое сухое...

— Ты все правильно сделал. — Стрелок уселся, не обращая внимания на многолетнюю пыль, что взвилась у него из-под задницы. Вообще удивительно, как крыльце не обвалилось под их общим весом. Отсветы пламени из лампы окрасили лицо паренька в теплые полутона. Стрелок достал свой кисет и свернул папирюску.

— Нам надо потолковать, — сказал он.

Джейк кивнул и улыбнулся, его рассмешило слово «потолковать».

— Ты, наверное, уже догадался, что я гонюсь за тем человеком, которого ты здесь видел.

— Хотите его убить?

— Я не знаю. Мне нужно заставить его кое-что мне рассказать. И может быть, отвести меня кое-куда, в одно место.

— Куда?

— К Башне, — ответил стрелок. Он прикурил, поднеся папирюску к открытому краю лампы, и глубоко затянулся. Легкий ночной ветерок относил дым в

сторону. Джейк смотрел ему вслед. На лице мальчика не отражалось ни страха, ни любопытства, ни воодушевления.

— Стало быть, завтра я ухожу, — продолжал стрелок. — Тебе придется пойти со мной. Мясо еще осталось?

— Совсем чуть-чуть.

— А кукурузы?

— Побольше, но тоже не много.

Стрелок кивнул.

— Есть тут какой-нибудь погреб?

— Да. — Джейк поглядел на него. Его зрачки были такими большими, что казались невероятно хрупкими. — Он открыт, нужно лишь потянуть за кольцо в полу, но я не спускался вниз. Побоялся, что лестница может сломаться, и я не сумею оттуда выбраться. И там плохо пахнет. Это — единственное здесь место, откуда хоть как-то пахнет.

— Завтра мы встанем пораньше и посмотрим, не найдется ли там чего, что может нам пригодиться. Потом пойдем потихоньку.

— Хорошо. — Помолчав, мальчик добавил: — Хорошо, что я не убил вас, пока вы спали. Тут есть вилы, и у меня была мысль... Но я не стал этого делать, и теперь я уже не боюсь заснуть.

— А чего ты боялся?

Мальчик угрюмо взглянул на него.

— Привидений. И что он вернется.

— Человек в черном, — сказал стрелок, и это был не вопрос.

— Да. Он плохой?

— Это как посмотреть, — рассеянно отозвался стрелок. Он поднялся и бросил окурок на твердый сланец. — Ладно, я спать.

Мальчик застенчиво поднял глаза.

— А можно, я лягу с вами в конюшне?

— Конечно.

Стрелок стоял на ступеньках, глядя на небо. Мальчик подошел и встал рядом. Вон — Старая Звезда, а вон — Старая Матерь. Стрелку вдруг показалось, что стоит только закрыть глаза и он различит кваканье первых весенних древесных лягушек, запах зелени и почти летний запах только что подстриженного газона, услышит, быть может, ленивый перестук деревянных шаров, что доносится по вечерам из восточного крыла, когда сумерки перетекают во тьму и благородные дамы, одетые только в сорочки, выходят поиграть в шары. Он едва ли не воочию увидел Катберта и Джейми, как они выныривают из пролома в живой изгороди и зовут его покататься на лошадях...

Это совсем на него не похоже — так много думать о прошлом.

Он обернулся и поднял лампу.

— Пойдем спать, — сказал он.

И они вместе пошли в конюшню.

VI

Наутро он обследовал погреб.

Джейк был прав: пахло там отвратительно. Это был влажный болотный запах, и после стерильного, лишенного всякого запаха воздуха пустыни и конюшни стрелку стало нехорошо. Его подташнивало. Голова кружилась. В подвале воняло перегнившей капустой, репой и картошкой с длиннющими ростками. Однако лестница с виду казалась прочной. Стрелок спустился вниз.

Пол в погребе был земляной. А потолок — очень низкий, стрелок едва не задевал его головой. Здесь, внизу, все еще жили пауки — огромные пауки с серыми в крапинку телами. И почти все — мутанты. У одних были глазки на ножках, у других — по шестнадцать, не меньше, лап.

Стрелок огляделся, дожинаясь, пока глаза не привыкнут к темноте.

— С вами там все в порядке? — нервно окликнул его Джейк.

— Да. — Он сосредоточил внимание на дальнем углу. — Тут какие-то банки. Консервные. Подожди.

Пригнувшись, он осторожно двинулся в тот угол. Там стоял ветхий ящик с отодранной стенкой. Консервы, как выяснилось, были овощными — зеленая фасоль, бобы... и три банки тушенки.

Он сгреб их в охапку, сколько сумел унести, и вернулся обратно к лестнице. Поднявшись до середины, протянул банки Джейку, который встал на колени, чтобы было сподручнее их забрать. Стрелок отправился за остальными.

А когда он пошел в третий раз, он услышал какой-то стон. Откуда-то из стены.

Он обернулся, взгляделся во тьму и вдруг ощутил, как его окатило волной смутного ужаса. Он почувствовал слабость и пронзительное отвращение.

Своды подвала были сложены из больших блоков песчаника, которые, надо думать, лежали ровно, когда эту станцию только построили. Теперь эти блоки перекосились, вздыбились под разными углами. И поэтому стены казались исписанными иероглифами — странными и беспорядочно нагроможденными. И в одном месте, где соединялись два блока, из стены текла тонкая струйка песка, как будто что-то силилось про-

рваться с той стороны с надрывным, отчаянным упорством.

Снова раздался стон, теперь — громче. Стоны уже не прекращались. Пока весь подвал не наполнился звуком — живым воплощением немыслимой боли и чудовищного напряжения.

— *Поднимайтесь!* — закричал Джейк. — Боже мой, мистер, поднимайтесь скорее!

— Отойди от люка, — спокойно велел стрелок. — Выйди на улицу и считай. Если я не вернусь, когда ты досчитаешь до двух... нет, до трехсот, беги отсюда без оглядки.

— *Поднимайтесь!* — снова выкрикнул Джейк.

На этот раз стрелок не ответил. Правой рукой он расстегнул кобуру.

В стене уже образовалась дыра размером с монету. Сквозь завесу подступившего страха стрелок различил звук удаляющихся шагов Джейка. Потом струйка песка иссякла. Стоны вдруг прекратились, но зато послышалось сбивчивое, тяжелое дыхание.

— Кто ты? — спросил стрелок.

Нет ответа.

И Роланд повторил свой вопрос — на Высоком Слоге, и его голос, как встарь, был исполнен уверенной громовой властности:

— Кто ты, демон? Говори, если тебе есть что сказать. У меня мало времени, и еще меньше — терпения.

— Не торопись, — раздался протяжный и сдавленный голос. Голос из стены. Стрелок почувствовал, как сгущается этот кошмарный и мутный ужас, становясь таким плотным, почти осязаемым. Это был голос Элис, женщины, с которой он был в Талле. Но она умерла. Он сам убил ее. Он своими глазами видел, как она повалилась на землю с дыркой от пули точ-

нехонько промеж глаз. Он как будто погружался в бездонную пропасть. — Не торопись, стрелок, иначе рискуешь ты в спешке пройти мимо тех, кого надо извлечь. И остерегайся тахина. Пока с тобой идет мальчик, человек в черном держит душу твою у себя в руках.

— Что ты хочешь сказать? Объясни!

Но дыхание исчезло.

Он постоял еще пару секунд, не в силах сдвинуться с места, а потом один из этих кошмарных серых пауков упал ему на руку и быстро взобрался на плечо. Невольно вскрикнув, стрелок смахнул паука и заставил себя подойти к стене. Ему не хотелось этого делать, но обычай суров и непоколебим. Если мертвые что-то дают, то бери, как говорится в старой поговорке. Только мертвые изрекают истинные пророчества. Он подошел к дыре, образавшейся в стене, и ударил по ней кулаком. Песчаник по краям легко раскрошился, и, почти безо всякого напряжения, стрелок просунул руку в пролом.

И прикоснулся к чему-то твердому, в буграх и выступах. Он вытащил непонятный предмет наружу. Оказалось, что это кость. Челюстная кость, подгнившая в месте соединения верхней и нижней частей. Неровные зубы торчали в разные стороны.

— Ладно, — сказал он негромко, небрежно засунул челюсть в задний карман и вернулся обратно к лестнице, неуклюже прижимая к груди последние консервные банки. Люк он оставил открытым. Солнце проникнет туда и убьет пауков-мутантов.

Джейк дожидался его посреди двора, съежившись на потрескавшемся, раскрошенном сланце. Увидев стрелка, он вскрикнул, отступил на пару шагов, а потом бросился к нему со слезами на глазах.

— Я думал, оно вас поймало, что оно вас поймало, я думал...

— Нет, не поймало. — Стрелок крепко прижал к себе мальчика, ощущив у себя на груди жар от его пылающего лица и горячие сухие руки, крепко-крепко его обнимавшие. Уже потом, вспоминая об этом, он понял, что именно в это мгновение он полюбил мальчугана — разумеется, так и было задумано. Все это было подстроено человеком в черном. Ибо какая ловушка сравнится с капканом любви?

— Это был демон? — Голосок звучал глухо.

— Да. Говорящий демон. Нам больше не нужно туда возвращаться. Пойдем. Скорее.

Они вернулись в конюшню. Стрелок скатал из попоны, под которой спал ночью, подобие тюка. Она была жаркая и колючая, но другой просто не было. Потом он наполнил свои бурдюки из колонки с насосом.

— Один бурдюк понесешь ты, — сказал он Джейку. — На плечах — вот так. Видишь?

— Да. — Мальчик взглянул на стрелка с искренним благоговением, но тут же отвел глаза и взвалил на плечи бурдюк.

— Не тяжело?

— Нет. Нормально.

— Лучше скажи мне правду. Сейчас. Я не смогу нести и тебя тоже, если с тобой случится солнечный удар.

— Не случится. Все будет о'кей.

Стрелок кивнул.

— Мы пойдем к тем горам, да?

— Да.

Они отправились в путь под палящим солнцем. Джейк, чья голова едва доставала стрелку до локтя,

шел справа и чуть впереди. Завязанные сыромятными ремешками концы бурдюка у него на плечах свисали почти что до самых голеней. Стрелок нес еще два бурдюка, закинутых за плечи крест-накрест, и запасы провизии — под мышкой, прижимая тюк к телу левой рукой. В правой руке он держал дорожную сумку с патронами.

Они прошли через задние ворота станции и снова вышли на заброшенный тракт с исчезающими колеями. Они прошагали минут пятнадцать, потом Джейк обернулся и помахал рукой двум строениям, оставшимся позади. Они, казалось, жмутся поближе друг к другу в беспредельном пространстве пустыни.

— Прощайте! — выкрикнул Джейк. — Прощайте! — Потом повернулся к стрелку и сказал: — У меня странное чувство. Как будто за нами кто-то наблюдает.

— Может быть, — согласился стрелок.

— Там что, кто-то прячется? И он все время был там?

— Я не знаю. Нет, вряд ли.

— Может быть, стоит вернуться. Проверить...

— Нет. Раз ушли, значит, ушли.

— Хорошо, — быстро проговорил Джейк.

Они пошли дальше. Вдоль проезжего тракта громоздились гребни спрессованного песка. Когда стрелок оглянулся, станция уже скрылась из виду. И снова кругом была только пустыня. Одна лишь пустыня.

VII

Три дня миновало с тех пор, как они покинули станцию. Горы стали как будто ближе, но это было обманчивое впечатление. Хотя глаз уже различал, как

пустыня впереди поднимается к каменистым предгорьям. Первые голые склоны. Коренная порода, прорвавшаяся сквозь кожу земли в угрюом, разрушительном триумфе. Чуть повыше ландшафт снова выравнивался, и в первый раз за многие месяцы, если не годы, стрелок увидел зелень — настоящую живую зелень. Траву, карликовые ели, может быть, даже ивы. Их питали ручьи, текущие из ледников на вершинах. Дальше опять начинались голые скалы, вздымающиеся в исполнинском, хаотичном великолепии до ослепительных снежных шапок, сияющих белизной. Слева открывалось ущелье, рассекавшее горную твердь, оно вело к другому горному кряжу, поменьше, образованному выветренными утесами из песчаника, к высоким плато и крутым курганам. Над этой дальней грядой дрожала, мешая обзору, серая завеса дождя. Вечером, до того, как заснуть, Джейк еще пару минут посидел, завороженно глядя на всполохи далеких молний, белых и фиолетовых, таких пугающе ярких в прозрачном ночном воздухе.

Мальчик держался прекрасно. Он был вынослив, но самое главное — он умел бороться с усталостью посредством спокойной концентрации воли; эту его способность стрелок оценил по достоинству. Джейк говорил немного и не задавал никаких вопросов. Не спросил даже про челюсть, которую стрелок непрестанно вертел в руках во время вечернего перекура. У стрелка сложилось впечатление, что их дружба льстит мальчугану. Может быть, даже приводит мальца в восторг. И это его беспокоило. Мальчик не просто так появился у него на пути. Это было подстроено. Пока с тобой идет мальчик, человек в черном держит душу твою у себя в руках — и даже то, что Джейк выдерживает его темп и не замедляет его про-

движение, наводило на нехорошие мысли о перспективах зловещих и мрачных.

Они шли вперед и постоянно наталкивались на симметричные костища, оставленные человеком в черном через равные промежутки, и стрелку каждый раз казалось, что теперь эти костища свежее. А на третью ночь он увидел вдали слабое мерцание пламени — где-то у первых уступов предгорий. Он столько ждал этого мига, но никакой радости почему-то не было. Ему вдруг вспомнилось одно из присловий Корта: «Остерегайся того, кто прикидывается хромым».

На четвертый день, примерно в два часа пополудни, Джейк споткнулся и чуть не упал.

— Ну-ка давай-ка присядем, — сказал стрелок.

— Нет, со мной все в порядке.

— Садись, я сказал.

Мальчик послушно сел. Стрелок примостился на корточках рядом — так, чтобы его тень падала на парнишку.

— Пей.

— Я не хотел пить, пока...

— Пей.

Мальчик сделал три глотка. Стрелок смочил уголок попоны, которая теперь стала намного легче, и обтер влажной тканью запястья и лоб, горячие и сухие, как при очень высокой температуре.

— Теперь каждый день в это время мы будем делать привал. На пятнадцать минут. Хочешь вздремнуть?

— Нет.

Мальчик пристыженно посмотрел на стрелка. Тот ответил ему мягким, ласковым взглядом. Как бы невзначай стрелок вытащил из патронташа один патрон и начал вертеть его между пальцами. Мальчик смотрел на патрон, как зачарованный.

— Здорово, — сказал он.

Стрелок кивнул.

— А то. — Он помолчал. — Когда мне было столько же лет, как тебе, я жил в городе, окруженном стеной. Я тебе не рассказывал?

Мальчик сонно покачал головой.

— Ну так вот. Там был один человек. Очень плохой человек...

— Тот священник?

— Ну, если честно, мне иногда тоже так кажется, — отозвался стрелок. — Если бы их было двое, они могли бы быть братьями. Или вообще близнецами. Но я ни разу не видел их вместе. Ни разу. Так вот, этот плохой человек... этот Мартен... он был чародеем... как Мерлин. Там, откуда ты, знают про Мерлина?

— Мерлин, король Артур и рыцари Круглого стола, — сонно пробормотал Джейк.

Стрелок почувствовал, как по телу прошла неприятная дрожь.

— Да, — сказал он, — твоя правда, за правду — спасибо. Артур Эльд. Я был совсем маленьким...

Но мальчик уже уснул — сидя, аккуратно сложив руки на коленях.

— Джейк?

— Да!

Казалось бы, самое обыкновенное слово, но когда мальчик его произнес, стрелку вдруг стало страшно. Но он никак этого не показал.

— Когда я щелкну пальцами, ты проснешься. И будешь бодрым и отдохнувшим. Ты понял?

— Да.

— Тогда ложись.

Стрелок достал кисет и свернул себе папироску. Его не покидало гнетущее ощущение, что чего-то не

хватает. Он попытался понять, чего именно, и после усердных раздумий наконец сообразил: исчезли это сводящее с ума ощущение спешки и страх, что в любое мгновение он может сбиться со следа, что тот, кого он так долго преследовал, скроется навсегда, и останется только бледнеющий след, ведущий в никуда. Теперь это чувство пропало, и постепенно стрелок преисполнился непоколебимой уверенности, что человек в черном хочет, чтобы его догнали. Остерегайтесь того, кто прикидывается хромым.

И что будет дальше?

Вопрос был слишком расплывчатым для того, чтобы вызвать у стрелка интерес. Вот Катберта он бы точно заинтересовал, причем живо заинтересовал (и он бы наверняка выдал по этому поводу неплохую шутку), но Катберта больше нет, как нет и Рога Судьбы, и теперь стрелку только и остается, что идти вперед: А ничего другого он просто не знает.

Он курил, и смотрел на парнишку, и вспоминал Катберта, который всегда смеялся — так и умер, смеясь, — и Корта, который вообще никогда не смеялся, и Мартена, который изредка улыбался — тонкой и тихой улыбкой, излучавшей какой-то тревожный свет... точно глаз, открытый даже во сне, глаз, в котором плещется кровь. И еще он вспоминал про сокола. Сокола звали Давид, в честь того юноши с пращой из старинной легенды. Давид — и стрелок в этом ни капельки не сомневался — не знал ничего, кроме потребности убивать, рвать и терзать, и еще — наводить ужас. Как и сам стрелок. Давид был вовсе не дилетантом: он был в числе центровых, ведущих игроков.

Разве что в самом конце уже — нет.

Внутри все болезненно сжалось, отдаваясь пронзительной болью в сердце, но на лице у стрелка не

дрогнул ни единый мускул. И пока он смотрел, как дымок от его самокрутки растворяется в жарком воздухе пустыни, его мысли вернулись в прошлое.

VIII

Белое, безупречно белое небо, в воздухе — запах дождя. Сильный, сладостный аромат живой изгороди и распустившейся зелени. Конец весны. Время Новой Земли, как его еще называли.

Давид сидел на руке у Катберта — маленькое орудие уничтожения с яркими золотистыми глазами, устремленными в пустоту. Сыромятная привязь, прикрепленная к путам на ногах у сокола, обвивала небрежной петлей руку Берта.

Корт стоял в стороне от обоих мальчишек — молчаливая фигура в золотанных кожаных штанах и зеленой хлопчатобумажной рубахе, подпоясанной старым широким солдатским ремнем. Зеленое полотно рубахи сливалось по цвету с листвой живой изгороди и дерном зеленой площадки на заднем дворе, где дамы еще пока не приступили к своей игре.

— Приготовься, — шепнул Роланд Катберту.

— Мы готовы, — самоуверенно проговорил Катберт. — Да, Дэви?

Они говорили друг с другом на низком наречии — на языке, общем для судомоек и землевладельцев; день, когда им будет позволено изъясняться в присутствии посторонних на своем собственном языке, наступит еще не скоро.

— Подходящий сегодня денек для такого дела. Чуешь, пахнет дождем? Это...

Корт рывком поднял клетку, которую держал в руках. Боковая стенка открылась. Из клетки выпорхнул голубь и на быстрых трепещущих крыльях взвился ввысь, устремившись к небу. Катберт потянул привязь, но при этом немного замешкался: сокол уже снялся с места, и его взлет вышел слегка неуклюжим. Резкий взмах крыльями — и сокол выпрямился. Быстро, как пуля, рванулся он вверх, набирая высоту. И вот он уже выше голубя.

Корт небрежной походкой подошел к тому месту, где стояли ребята, и с размаху заехал Катберту в ухо своим громадным кулачищем. Мальчик упал без единого звука, хотя его губы болезненно скривились. Из уха медленно вытекла струйка крови и пролилась на сочную зелень травы.

— Ты зазевался, — пояснил Корт.

Катберт попытался подняться.

— Прошу прощения, Корт. Я просто...

Корт опять двинул его кулаком, и Катберт снова упал. На этот раз кровь потекла сильнее.

— Изъясняйся Высоким Слогом, — тихо проговорил Корт. Его голос был ровным, с легкой хрипотцой, характерной для старого выпивохи. — Если уж ты собираешься каяться и извиняться за свой проступок, кайся цивилизованно, на языке страны, за которую отдали жизни такие люди, с какими тебе никогда не сравниться, червяк.

Катберт снова поднялся. В глазах у него стояли слезы, но губы уже не дрожали — губы, сжатые в тонкую линию неизбывной ненависти.

— Я глубоко сожалею, — произнес Катберт, изо всех сил пытаясь сохранить самообладание. У него даже дыхание перехватило. — Я забыл лицо своего отца, чьи револьверы надеюсь когда-нибудь заслужить.

— Так-то лучше, салага, — заметил Корт. — Подумай о том, что ты сделал не так, и закрепи размышления посредством короткого голодания. Ужин и завтрак отменяются.

— Смотрите! — выкрикнул Роланд, указывая на верх.

Сокол, поднявшийся уже высоко над голубем, на мгновение завис в неподвижном прозрачном весеннем воздухе, распластав короткие сильные крылья. А потом сложил крылья и камнем упал вниз. Два тела слились, и на мгновение Роланду показалось, что он видит в воздухе кровь... но, наверное, действительно показалось. Сокол издал короткий победный клич. Голубь упал, трепыхаясь, на землю, и Роланд бросился к поверженной птице, позабыв и про Корта, и про Катберта.

Сокол спустился на землю рядом со своей жертвой и, довольный собой, начал рвать ее мягкую белую грудку. Несколько перышек взметнулись в воздух и медленно опустились в траву.

— Давид! — крикнул мальчик и бросил соколу кусочек крольчатины из охотничьей сумки. Сокол поймал его на лету. Проглотил, запрокинув голову. Роланд попытался приладить привязь к путам на ногах у птицы.

Сокол вывернулся, как бы даже рассеянно, и рассек руку Роланда, оставив глубокую рваную рану. И тут же вернулся к своей добыче.

Роланд лишь хмыкнул и снова завел петлю, на этот раз зажав острый клюв сокола кожаной рукавицей. Он дал Давиду еще кусок мяса, потом накрыл ему голову клобучком. Сокол послушно взобрался ему на руку.

Парнишка гордо расправил плечи.

— А это что у тебя? — Корт указал на кровоточащую рану на руке у Роланда. Мальчик уже подготовился принять удар и стиснул зубы, чтобы невольно не вскрикнуть. Однако Корт почему-то его не ударили.

— Он меня клюнул, — сказал Роланд.

— Так ты же его разозлил, — пробурчал Корт. — Сокол тебя не боится, парень. И бояться не будет. Сокол — он Божий стрелок.

Роланд молча смотрел на Корта. Он никогда не отличался богатым воображением, и если в этом заявлении Корта скрывалась некая мораль, Роланд ее не уловил. Он был вполне прагматичным ребенком и решил, что это просто очередное дурацкое изречение из тех, которые изредка выдавал Корт.

Катберт подошел к ним и показал Корту язык, пользуясь тем, что учитель стоял к нему спиной. Роланд не улыбнулся, но легонько кивнул приятелю.

— А теперь марш домой. — Корт забрал у Роланда сокола, потом обернулся к Катберту: — А ты, червяк, поразмысли как следует о своих ошибках. И пропост не забудь. Сегодня вечером и завтра утром.

— Да, — ответил Катберт. — Спасибо, наставник. Этот день был весьма для меня поучительным.

— Да уж, весьма поучительным, — подтвердил Корт. — Вот только язык у тебя имеет дурную привычку вываливаться изо рта, как только учитель повернется к тебе спиной. Но я все-таки не оставляю надежду, что когда-нибудь вы оба научитесь знать свое место.

Он размахнулся и снова ударил Катберта, на этот раз — между глаз. Так сильно, что Роланд услышал глухой звук, какой раздается, когда поваренок на кухне вбивает затычку в бочонок с пивом деревянным

молотком. Катберт навзничь упал на лужайку. Его глаза затуманились, но очень скоро прояснились и впились, полыхая злобой, в лицо наставника. Этот горящий взгляд был исполнен неприкрытой ненависти; зрачки превратились в два острых жала, ярких, как капельки голубиной крови. А потом Катберт кивнул. Его губы раскрылись в жестокой усмешке, которую Роланд ни разу не видел прежде.

— Что ж, ты еще небезнадежен, — проговорил Корт. — Когда решишь, что уже пора, тогда и придешь за мной, ты, червяк.

— Как вы узнали? — выдавил Катберт сквозь зубы.

Корт повернулся к Роланду так резко, что тот едва не отпрыгнул в испуге. И хорошо, что не отпрыгнул, а то лежать бы ему рядом с другом на сочной траве, орошая свежую зелень своей алоей кровью.

— Я увидел твоё отражение в глазах этого соглядака, — пояснил Корт. — Запомни, Катберт Оллгуд. Это последний урок на сегодня.

Катберт снова кивнул, все с той же пугающей усмешкой на губах.

— Я глубоко сожалею, — сказал он. — Я забыл лицо...

— Заткни фонтан, — оборвал его Корт, всем своим видом давая понять, как ему скучно. — Теперь идите. — Он повернулся к Роланду. — Вы оба. Если ваши тупые рожи еще хотя бы минуту будут маячить у меня перед глазами, меня, наверное, стошнит прямо здесь. А я хорошо пообедал.

— Пойдем, — сказал Роланд.

Катберт тряхнул головой, чтобы в ней прояснилось, и поднялся на ноги. Корт уже спускался по склону холма — ковыляя своей криволапой развалистой походочкой. От него так и веяло некоей перво-

бытной силой. Его гладко выбритая макушка поблескивала в ярком солнечном свете.

— Убью гада, — выдавил Катберт, по-прежнему усмехаясь. У него на лбу уже наливалась большая багровая шишка, размером с гусиное яйцо.

— Нет. Ты его не убьешь, и я тоже его не убью, — сказал Роланд, вдруг расплывшись в улыбке. — Хочешь поужинать вместе со мной? В западной кухне. Повар даст нам чего-нибудь пожевать.

— Он скажет Корту.

— Они с Кортом не слишком-то ладят. — Роланд пожал плечами. — А если и скажет, то что?

Катберт ухмыльнулся в ответ:

— А, ладно. Пойдем. Мне всегда, знаешь, было интересно, как выглядит мир, если тебе свернут шею и голова торчит задом наперед и затылком вниз.

Вместе они зашагали по зеленой лужайке, и их длинные тени протянулись в прозрачном свете погожего весеннего дня.

IX

Повара из западной кухни звали Хакс. Это был здоровенный мужик в белом заляпанном поварском наряде, с лицом черным, как нефть-сырец. Его предки были на четверть черными, на четверть — желтыми, на четверть — выходцами с Южных островов, ныне почти забытых на континенте (ибо мир сдвинулся с места), и на четверть — вообще бог знает каких кровей. Деловито и неторопливо, как трактор на первой передаче, он перемещался по всем трем помещениям западной кухни — где стоял дым и чад и потолки были высокими-превысокими, — шаркая

своими огромными шлепанцами, какие носили халифы из сказок. Хакс относился к той редкой породе взрослых, которые запросто могут общаться с детьми и которые любят всех детей без исключения не умильно и сахарно, а строго и даже как будто по-деловому, что иногда допускает и нежности типа крепких объятий, точно так же, как заключение какой-нибудь крупной сделки порой завершается рукопожатием. Он любил даже мальчишек, которые уже вступили на путь револьвера, хотя они и отличались от всех остальных ребят — сдержаные, где-то даже суровые и опасные, но не так, как это бывает у взрослых: это были обычные дети, разве что чуточку тронутые безумием, — и Катберт был далеко не первым из учеников Корта, кого Хакс подкармливал втихаря у себя на кухне. В данный момент он стоял перед своей огромной электроплитой. В замке были и другие электрические приборы — но работало только шесть. Кухня была царством Хакса, его безраздельной вотчиной, и он стоял у плиты, как полновластный хозяин, наблюдая, как двое ребят уплетают за обе щеки остатки мяса с подливкой. По всем трем помещениям кухни, сквозь клубы влажного пара, сновали кухарки, поварята и чернорабочие всех мастей: гремели кастрюлями, помешивали готовящееся жаркое, чистили-резали-шинковали картошку и овощи. В тусклую освещенную буфетной уборщица с одутловатым несчастным лицом и волосами, подвязанными какой-то ветхой тряпкой, возила по полу шваброй с мокрой тряпкой.

Один из ребят с судомойни подбежал к Хаксу, ведя за собою солдата дворцовой стражи.

— Вот он хотел с вами потолковать,

— Хорошо. — Хакс кивнул стражнику, и тот кивнул в ответ. — А вы, ребята, — он повернулся к Ро-

ланду и Катберту, — идите к Мэгги. Она даст вам пирога. А потом убирайтесь вон, чтобы у меня не было из-за вас неприятностей.

Уже потом они оба вспомнили эту последнюю фразу: чтобы у меня не было из-за вас неприятностей.

А тогда они лишь послушно кивнули и пошли к Мэгги. Она дала каждому по большому куску пирога на обеденных тарелках — но как-то с опаской, будто двум одичавшим псам, которые запросто могут ее укусить.

— Давай поедим на ступеньках, — предложил Катберт.

— Давай.

Они устроились с другой стороны запотевшей каменной колоннады, так чтобы их не было видно с кухни, и набросились на пирог. Они не сразу заметили чьи-то тени, упавшие на дальний изгиб стены, подступавшей к широкому лестничному пролету. Роланд схватил Катберта за руку.

— Пойдем отсюда. Кто-то идет.

Катберт поднял голову. На его испачканном ягодным соком лице отразилась растерянность.

Тени, однако, не двинулись дальше, хотя тех, кто отбрасывал эти тени, по-прежнему не было видно. Это были Хакс и солдат из дворцовой стражи. Ребята остались сидеть на месте. Если бы они сейчас зашевелились, их бы наверняка услышали.

— ...наш добрый друг, — закончил свою фразу стражник.

— Фарсон?

— Через две недели, — ответил стражник. — Может быть, через три. Придется тебе пойти с нами. Партия на грузовом складе... — Тут с кухни донесся какой-то особенно громкий грохот котелков и ка-

стрюль, а вслед за ним — проклятия, шквал которых обрушился на неуклюжего поваренка, рассыпавшего посуду. Шум поглотил слова стражника. Ребята услышали лишь окончание: — ...отравленное мясо.

— Рискованно.

— Не спрашивай, чем может тебе ус...лужить наш добрый друг... — начал стражник.

— ...спроси лучше, чем можешь ты ус...лужить ему, — вздохнул Хакс. — Да уж, солдат, не спрашивай.

— Ты знаешь, о чём я, — спокойно вымолвил стражник.

— Да. И я помню, чём я ему обязан. Не надо меня учить. Я точно так же, как ты, уважаю его и люблю. Я готов броситься в море, если он скажет, что так надо.

— Вот и славно. Мясо будет промаркировано как продукт краткосрочного хранения. И тебе надо будет поторопиться. Ты же сам понимаешь.

— Там, в Тонтоуне, есть дети? — спросил повар. На самом деле это был даже и не вопрос.

— Везде есть дети, — мягко ответил стражник. — Как раз о детях-то мы и печемся.

— Отравленное мясо. Странный способ позабочиться о детишках. — Хакс тяжело, со свистом, вздохнул. — Они что, будут корчиться, хвататься за животики и звать маму? Да, наверное, так и будет.

— Они просто уснут, — сказал стражник, но его голос звучал как-то уж слишком уверенно.

— Да, конечно. — Хакс коротко хохотнул.

— Ты сам это сказал: «Солдат, не спрашивай». Тебе же не нравится, что детьми управляют под дулом ружья, когда они могли бы начать строить новую жизнь, новый мир — под его руководством?

Хакс промолчал.

— Через двадцать минут мне пора заступать на пост. — Голос стражника вновь стал спокойным. — Выдай-ка мне покуда баранью лопатку. Пожалуй, схожу ушипну там кого-нибудь из твоих кухонных девок. Пусть себе похихикает. А когда я уйду...

— От моего барабашка у тебя колик в желудке не будет, Робсон.

— А ты не хочешь...

Но тут тени сдвинулись, и голоса затихли вдали.

«Я бы мог их убить, — подумал Роланд, обмирая от запоздалого страха. — Я бы мог их убить, их обоих. Своим ножом. Перерезать им глотки, как свиньям». Он поглядел на свои руки, испачканные мясной подливкой, ягодным соком и грязью после дневных занятий.

— Роланд.

Он поднял глаза на Катберта. Они уставились друг на друга в душистой полутьме, и Роланд вдруг почувствовал обжигающий привкус отчаяния. Как будто тошнота подкатила к горлу. Это чем-то напоминало смерть — такую же грубую и непреложную, как смерть того голубя в ясном небе над игровым полем. «Хакс? — думал он, совершенно сбитый с толку. — Хакс, который поставил припарку мне на ногу, ну, в тот раз? Хакс?» Его сознание замкнулось, отгородившись от тягостных мыслей.

Он смотрел прямо в лицо Катберту — и не видел там ничего. Вообще ничего. В потухших глазах Катберта отражалась погибель Хакса. В глазах Катберта все это уже случилось. Хакс их накормил. Они пошли на лестницу. Чтобы поесть. А потом Хакс отвел стражника по имени Робсон для предательского *têt-à-têt* не в тот угол кухни. Вот и все. Ка — это ка. Иногда оно

словно камень, сорвавшийся вниз с горы. Только и всего. И ничего больше.

Все это Роланд прочел в глазах Катберта.
В глазах стрелка.

X

Отец Роланда только что возвратился с нагорья и выглядел как-то совсем не к месту среди роскошных портьер и шифоновой претенциозности главной приемной залы, куда мальчику разрешили входить лишь недавно — в знак начала его обучения.

Отец был одет в черные джинсы и голубую рабочую рубаху. Свой дорожный плащ — пыльный и грязный, а в одном месте даже разодранный до подкладки — он небрежно перекинул через плечо, не заботясь о том, как подобный видок сочетается с элегантным убранством залы. Отец был ужасно худым, и, казалось, его густые усы, похожие на велосипедный руль, перевешивали его голову, когда он смотрел на сына с высоты своего немалого роста. Револьверы на ремнях, что опоясывали его бедра крест-накрест, висели под безупречным углом к рукам — чтобы их было удобно выхватывать из кобуры. Потертые рукоятки из сандаловой древесины казались унылыми и какими-то сонными в тусклом свете закрытого помещения.

— Главный повар, — тихо проговорил отец. — Подумать только! Взрыв на горной дороге у погрузочной станции. Мертвый скот в Хендриксоне. И может быть, даже... подумать только! В голове не укладывается!

Он умолк на мгновение и внимательно присмотрелся к сыну.

— Тебя это мучает, да? Терзает?

— Как сокол — добычу, — отозвался Роланд. — И тебя это тоже терзает.

Он рассмеялся. Не над ситуацией — ничего в ней веселого не было, — но над пугающей точностью образа.

Отец улыбнулся.

— Да, — сказал Роланд. — Наверное... это меня терзает.

— С тобой был Катберт, — продолжал отец. — Он, видимо, тоже уже рассказал все отцу.

— Да.

— Он ведь подкармливал вас, когда Корт...

— Да.

— И Катберт. Как ты думаешь, его это тоже терзает?

— Не знаю.

На самом деле Роланду было вообще все равно. Его никогда не заботило, совпадают ли его собственные чувства с чувствами кого-то другого.

— А тебя это терзает, потому что из-за тебя умрет человек?

Роланд невольно пожал плечами. Ему вдруг не понравилось, что отец так дотошно разбирает мотивы его поведения.

— И все-таки ты рассказал. Почему?

Глаза мальчугана широко распахнулись.

— А как же иначе?! Измена, это...

Отец резко взмахнул рукой.

— Если ты так поступил из-за дешевой идеи из школьных учебников, тогда не стоило и трудиться. Если так, то уж лучше пусть все там, в Тонтоуне, погибнут от массового отравления.

— Нет! — яростно выкрикнул Роланд. — Не поэтому. Мне хотелось убить его... их обоих! Лжецы! Гадюки! Они...

— Продолжай.

— Они задели меня, — закончил парнишка с вызовом. — И мне было больно. Что-то такое они со мной сделали. Из-за этого что-то во мне изменилось. И мне захотелось убить их за это.

Отец кивнул:

— Это другое дело. Пусть это жестоко, но оно того стоит. Пусть оно, скажем, не высоконравственно, но тебе и не нужно быть добродетельным. Это не для тебя. На самом деле... — он пристально поглядел на сына, — ты, вероятно, всегда будешь стоять вне каких-либо нравственных норм. Ты не настолько смышлен, как Катберт или сынишка Ванни. Но это даже и к лучшему. Так ты будешь непобедим.

Мальчик, до этого раздраженный, теперь почувствовал себя польщенным, но вместе с тем и немногого встревожился.

— Его...

— Повесят.

Мальчик кивнул:

— Я хочу посмотреть.

Старший Дискейн расхохотался, запрокинув голову:

— Не такой уж и непобедимый, как мне казалось... или, может быть, просто тупой.

Внезапно он замолчал. Рука метнулась, как вспышка молнии, и сжала предплечье Роланда — крепко, до боли. Мальчик поморщился, но не вздрогнул. Отец смотрел на него долго и пристально, но Роланд не отвел глаз, хотя это было гораздо труднее, чем, например, надеть клобучок на возбужденного сокола.

— Хорошо, можешь пойти посмотреть. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Отец?

— Что?

— Ты знаешь, о ком они говорили? Кто этот «наш добрый друг»?

Отец обернулся и задумчиво поглядел на сына.

— Да. Кажется, знаю.

— Если его схватить, — проговорил Роланд в своей медлительной, может быть, даже чуть тяжеловатой манере, — тогда больше уже никого не придется... ну, вздергивать. Как повара.

Отец усмехнулся:

— На какое-то время, наверное, да. Но в конечном итоге всегда кто-то найдется, кого нужно вздернуть, как ты очень изящно выразился. Люди не могут без этого. Даже если и нет никакого предателя, рано или поздно такой отыщется. Люди сами его найдут.

— Да. — Роланд мгновенно понял, о чем идет речь. И, раз уяснив сёбе это, запомнил уже на всю жизнь. — Но если вы его схватите, этого доброго друга...

— Нет, — решительно оборвал его отец.

— Почему нет?

На мгновение мальчику показалось, что отец сейчас скажет ему почему. Но отец промолчал.

— На сегодня, я думаю, мы уже поговорили достаточно. Оставь меня.

Роланду хотелось напомнить отцу, чтобы он не забыл о своем обещании, когда придет время казни, но он прикусил язык, почувствовав отцовское настроение. Он поднес ко лбу сжатый кулак, выставил одну ногу вперед и поклонился. Потом быстро вышел, плотно закрыв за собой дверь. Он уже понял, что отец хочет потрахаться. Мальчик не стал мысленно задерживаться на этом. Он знал, конечно, что его папа с мамой делают это... эту самую штуку... друг с другом, и был в курсе, как это все происходит. Но сцены,

возникавшие в воображении при мысли об этом самом, всегда сопровождались ощущением неловкости и какой-то непонятной вины. Уже потом, несколько лет спустя, Сюзан расскажет ему историю про Эдипа, а он будет слушать ее в молчаливой задумчивости, размышляя о причудливом и кровавом любовном треугольнике: отец, мать и Мартен — которого в определенных кругах прозвывали — наш добрый друг Фарсон. Или, возможно, если добавить его самого, это был уже даже и не треугольник, а четырехугольник.

XI

Холм Висельников располагался как раз у дороги на Тонтоун. В этом была некая поэтичность, которую смог бы, наверное, оценить Катберт, но уж никак не Роланд. Зато виселица произвела на Роланда неизгладимое впечатление: исполненная зловещего величия, она черным углом прочертilla ясное голубое небо — темный, изломанный силуэт, нависающий над столбовой дорогой.

В тот день обоих ребят освободили от утренних занятий. Корт с немалыми усилиями прочел записки от их отцов, шевеля губами и время от времени кивая головой. Закончив это трудоемкое дело, он аккуратно сложил бумажки и убрал их в карман. Даже здесь, в Гилеаде, бумага была на вес золота. Потом Корт поднял глаза к светло-лиловому рассветному небу и снова кивнул.

— Подождите, — сказал он и направился к покосившейся каменной хижине, своему жилищу. Он быстро вернулся с ломтем грубого пресного хлеба, разломил его надвое и дал каждому по половинке. — Ко-

гда все закончится, вы оба положите это ему под ноги. И смотрите: сделайте, как я сказал, иначе я вам устрою на этой неделе веселую жизнь. Спушу шкуру с обоих.

Ребята не поняли ничего, пока не прибыли на место — верхом, вдвоем на мериине Катберта. Они приехали самыми первыми, часа за два до того, как остальные только еще начали собираться, и за четыре часа до казни. Так что на холме Висельников было пустынно, если не считать воронов да грачей. Птицы были повсюду. Они громоздились на тяжелой попечной балке — этакой станине смерти. Сидели рядом по краю помоста. Дрались за места на ступеньках.

— Их оставляют, — прошептал Катберт. — Мертвых. Для птиц.

— Давай поднимемся, — предложил Роланд.

Катберт взглянул на него чуть ли не с ужасом.

— Вот туда? А если...

Роланд взмахнул рукой, оборвав его на полуслове:

— Да мы с тобой заявились на сто лет раньше других. Нас никто не увидит.

— Ну ладно.

Ребята медленно подошли к виселице. Птицы, негодующе хлопая крыльями, снялись с насиженных мест, каркая и кружа — ни дать ни взять толпа возмущенных крестьян, которых лишили земли. На чистом утреннем небе Внутреннего мира их тела вырисовывались черными плоскими силуэтами.

Только теперь Роланд почувствовал свою причастность к тому, что должно было произойти. В этом деревянном сооружении не было благородства. Оно никак не вписывалось в безупречно отлаженный механизм цивилизации, всегда внушавший Роланду благоговейный страх. Обычная покоробленная сосна из Лесного феода, покрытая белыми кляксами птичьего

помета. Они были повсюду: на ступеньках, на ограждении, на помосте. И от них жутко воняло.

Роланд повернулся к Катберту, напуганный и потрясенный, и увидел на лице друга то же самое выражение.

— Я не смогу, Ро, — прошептал Катберт. — Не смогу я на это смотреть.

Роланд медленно покачал головой. Это будет для них уроком, вдруг понял он, но не ярким и радостным, а, наоборот, чем-то древним, уродливым, изъеденным ржой... Вот почему их отцы разрешили им прийти на казнь. И с обычным своим упрямством и молчаливой решимостью Роланд взял себя в руки, готовясь встретить это ужасное «что-то», чем бы оно ни обернулось.

— Сможешь, Берт.

— Я ночью потом не засну.

— Значит, не будешь спать. — Роланд так и не понял, при чем здесь сон.

Катберт схватил Роланда за руку и посмотрел на него с такой пронзительной болью во взгляде, что Роланд снова засомневался и отчаянно пожалел о том, что в тот вечер они вообще сунулись в западную кухню. Отец был прав. Лучше бы все жители Тонтоуна — мужчины, женщины, дети — умерли. Лучше уж так, чем вот это.

И все же. И все же. Это был для него урок — страшное «что-то», острое, зазубренное, проржавелое, — и Роланд не мог его пропустить.

— Давай лучше не будем туда подниматься, — сказал Катберт. — Мы и так уже все увидели.

И Роланд нехотя кивнул, чувствуя, как это ужасное и непонятное «что-то» потихоньку его отпускает. Корт, будь он здесь, влепил бы им обоим по хорошей

затрещине и заставил бы взобраться на помост, шаг за шагом... шмыгая по дороге разбитыми в кровь носами и глотая соленые сопли. Может быть, Корт даже забросил бы на перекладину новенькую пеньковую веревку с петлей на конце, заставил бы их по очереди просунуть голову в петлю и постоять на дверце люка, чтобы прочувствовать все в полной мере. Корт непременно бы врезал им еще раз, если бы кто-то из них вдруг захныкал или с испугу напрудил в штаны. И Корт, разумеется, был бы прав. В первый раз в жизни Роланду захотелось скорее стать взрослым.

Нарочито медленно он отломил щепку от деревянного ограждения, положил ее в нагрудный карман и только тогда отвернулся.

— Ты это зачем? — спросил Катберт.

Роланду очень хотелось сказать в ответ что-нибудь бравое, типа: *Да так, на счастье...* — но он лишь поглядел на Катберта и тряхнул головой.

— Просто чтобы было, — сказал он чуть погодя. — Всегда.

Они отошли подальше от виселицы и, усевшись на землю, стали ждать. Где-то через час начали собираться первые зрители, большинство — целыми семьями. Они съезжались на разваливающихся повозках и везли с собой еду: корзины с холодными блинами, начиненными джемом из диких ягод. В животе у Роланда заурчало от голода, и он снова спросил себя: где тут достоинство, где благородство? Он даже подумал, что, может, достоинство и благородство — это очередная ложь, выдуманная взрослыми. Или это такие сокровища, до которых так просто не доберешься? Ему казалось, что даже в том, как Хакс бродил по чадящей кухне в своем перепачканном белом костюме и орал на поварят, и то было больше достоинства.

Роланд сжал в кулаке щепку, которую отломил от ограждения на помосте. Рядом с ним на траве лежал Катберт с деланно безразличным лицом.

XII

В конце концов все оказалось не так уж и страшно, и Роланд был этому рад. Хакса привезли на открытой повозке, но узнать его можно было лишь по неохватному туловищу: ему завязали глаза черной широкой тряпкой, которая закрывала почти все лицо. Кое-кто начал швыряться в него камнями, но большинство зрителей даже не оторвались от своих завтраков.

Какой-то стрелок, которого мальчик не знал (он еще порадовался про себя, что не отец вытащил черный камень), помог толстому повару подняться на эшафот, осторожно ведя его под руку. Двое стражников из Дозора заранее прошли вперед и встали по обеим сторонам от люка. Хакс и стрелок взбрались на помост, стрелок перекинул веревку с петлей через перекладину, надел петлю Хаксу на шею и затянул ее так, чтобы узел оказался точно под левым ухом. Птицы улетели, но Роланд знал, что они выжидают и скоро вернутся.

— Не желаешь покаяться? — спросил стрелок.

— Мне не в чем каяться. — Слова Хакса прозвучали на удивление отчетливо, а в его голосе явственно слышалось какое-то странное достоинство, несмотря на то что его заглушала та черная тряпка, закрывавшая рот. Ткань легонько колыхалась под тихим ветерком, который только что поднялся. — Я не забыл лица своего отца, оно всегда было со мной.

Роланд внимательно приглядился к толпе, и то, что он там увидел, его встревожило. Что это — сострадание? Может быть, восхищение? Надо будет спросить у отца. Если предателей называют героями («Или героев — предателями», — мрачно подумал Роланд), значит, пришли темные времена. Воистину, темные времена. Жаль, что ему не хватает пока разумения разобраться во всем как следует. Он подумал про Корта и про хлеб, который он дал им с Катбертом. Теперь мальчик испытывал к своему наставнику искреннее презрение. Близок день, когда Корт будет служить ему. Может быть, только ему, а Катберту — нет. Может быть, Катберт согнется под непрерывным градом нападок Корта и останется конюхом или пажом (или еще того хуже — станет надушенным и напомаженным дипломатом, который слоняется по приемным и вместе с впавшими в маразм престарелыми королями и принцами тупо плялится в псевдомагические хрустальные шары). Катберт — да, может быть. Но он, Роланд, — нет. Он это знал. Он создан для безбрежных просторов и дальних странствий. Уже потом, вспоминая об этом в своем одиночестве, Роланд сам диву давался, что такая судьба когда-то казалась ему заманчивой.

— Роланд?

— Да тут я, тут. — Он взял Катбера за руку, и их пальцы сцепились намертво.

— Виновный в злоумышлениях на убийство и в подстрекательстве к мятежу, — громко проговорил стрелок на эшафоте, — ты отвернулся от света, и я, Чарльз, сын Чарльза, отправляю тебя во тьму, на веки вечные.

Ропот прошел по толпе, кое-где даже послышались возмущенные крики.

— Я никогда...

— Свои басни будешь рассказывать там, гнусный червь. В мире загробном, — сказал Чарльз, сын Чарльза, и нажал на рычаг.

Крышка люка упала. Хакс ухнул вниз. Он все еще пытался что-то сказать. Роланд это запомнил. На всю жизнь. Повар умер, все еще пытаясь что-то сказать. Напоследок. Где, интересно, закончит он фразу, начатую на земле? Его слова заглушил явственный хруст — такой звук издает сухое полено в очаге зимней холодной ночью.

Но все было не так уж и страшно. Ноги повара дернулись и разошлись буквой V. Толпа испустила удовлетворенный вздох. Стражники из Дозора, что все время казни стояли по стойке «смирно», теперь расслабились и с равнодушным видом принялись наводить порядок. Стрелок медленно спустился с помоста, вскочил в седло и поскакал прочь, бесцеремонно прокладывая себе путь прямо сквозь толпу жующих свои блины зевак. Некоторым особо медлительным даже досталось кнутом. Остальные в панике разбежались, освобождая дорогу.

Когда все закончилось, люди тут же принялись расходиться. Толпа рассосалась быстро, и где-то минут через сорок ребята остались одни на невысоком пригорке, который они избрали своим наблюдательным пунктом. Птицы уже возвращались, чтобы рассмотреть новое подношение. Одна по-приятельски уселась на плече Хакса и принялась теребить клювом блестящее колечко, которое повар всегда носил в правом ухе.

— Он совсем на себя не похож, совсем, — сказал Катберт.

— Да нет, похож, — уверенно отозвался Роланд, когда они вместе подошли к виселице, сжимая в руках

куски хлеба. Катберт выглядел как-то растерянно и смущенно.

Они остановились под самой перекладиной, глядя на покачивающееся тело. Катберт чуть ли не с вызовом протянул руку и коснулся одной волосатой лодыжки. Тело закачалось сильнее и повернулось вокруг своей оси.

Потом они быстренько раскрошили хлеб и рассыпали крошки под болтающимися ногами. По дороге обратно Роланд оглянулся. Всего один раз. Теперь их было там несколько тысяч — птиц. Стало быть, хлеб — он понял это, но как-то смутно — был только символом.

— А знаешь, это было неплохо, — сказал вдруг Катберт. — Я... мне понравилось. Правда, понравилось.

Слова друга не потрясли Роланда, хотя на него самого эта казнь не произвела особенного впечатления. Он только подумал, что вполне понимает Катберта. Так что, может быть, он еще не безнадежен, Катберт. Может быть, он и не станет придурочным дипломатом.

— Я не знаю, — ответил он. — Но это действительно было что-то.

А через пять лет страна все же досталась «доброму другу», но к тому времени Роланд уже был стрелком, его отец умер, сам он сделался убийцей — убийцей собственной матери, — а мир сдвинулся с места.

И начались долгие годы далеких странствий.

XIII

— Смотрите. — Джейк указал наверх.

Стрелок запрокинул голову и вдруг почувствовал резкую боль в правом бедре. Он невольно поморщил-

ся. Уже два дня они шли по предгорьям. Хотя воды в бурдюках осталось всего ничего, теперь это уже не имело значения. Скоро воды будет много. Пей — не хочу.

Он проследил взглядом за пальцем Джейка: вверх, мимо зеленой равнины на плоскогорье — к обнаженным сверкающим утесам и узким ущельям... и еще выше, к самым снежным вершинам.

В смутивной, далекой крошечной черной точке (это могла быть одна из тех крапинок, которые постоянно плясали перед глазами стрелка — только она не плясала и не дрожала, а оставалась всегда неизменной) стрелок распознал человека в черном. Тот карабкался вверх по крутым склону с убийственной быстрой — малюсенькая мушка на громадной гранитной стене.

— Это он? — спросил Джейк.

Стрелок смотрел на безликовое пятнышко, что выделявало акробатические номера на отрогах горного хребта, и не чувствовал ничего, кроме какой-то тревожной печали.

— Это он, Джейк.

— Как вы думаете, мы его догоним?

— Теперь только на той стороне. И то, если не будем стоять, тратить время на разговоры.

— Они такие высокие, горы, — сказал Джейк. — А что на той стороне?

— Я не знаю, — ответил стрелок. — И, наверное, никто не знает. Раньше, может быть, знали. Пойдем, малыш.

Они снова пошли вверх по склону. Мелкие камешки летели у них из-под ног, и струйки песка скатывались вниз, к пустыне, что распростерлась у них за спиной плоским прокаленным противнем, которому,

казалось, нет конца. Наверху, высоко-высоко над ними, человек в черном продолжал свой упорный подъем к вершине. Отсюда нельзя было определить, оглядывался он на них или нет. Казалось, он легко перепрыгивает через бездонные пропасти, без труда взбирается по отвесным склонам. Пару раз он исчезал из виду, но всегда появлялся снова, пока фиолетовая пелена сумерек не скрыла его окончательно. Они разбили лагерь и устроились на ночлег. Почти все это время мальчик молчал, и стрелок даже подумал, уж не знает ли парень о том, что сам он давно уже интуитивно почувствовал. Почему-то он вспомнил лицо Катберта, разгоряченное, испуганное, возбужденное. Вспомнил хлебные крошки. И птиц. «Так вот все и кончается, — думал он. — Всякий раз все кончается именно так. Все начинается с поисков и дорог, что уводят вперед, но все дороги ведут в одно место — туда, где свершается смертная казнь. Человекоубийство».

Кроме, быть может, дороги к Башне. Где ка покажет свое истинное лицо.

Мальчик — его жертва, обреченная на заклание, — с таким невинным и совсем еще детским лицом в свете крошечного костерка, заснул прямо над плошкой с бобами. Стрелок укрыл его попоной и тоже улегся спать.

Глава 3

Оракул и горы

1

Мальчик нашел прорицательницу, и та едва его не уничтожила.

Какое-то глубинное инстинктивное чувство пробудило стрелка ото сна посреди бархатной тьмы, что пришла вслед за лиловыми сумерками. Это случилось, когда они с Джейком добрались до участка почти ровной, поросшей травой земли на первом уступе предгорий. Даже на самых трудных подъемах, когда им приходилось карабкаться вверх, выбиваясь из сил и борясь буквально за каждый фут под нещадно палящим солнцем, они слышали стрекот сверчков, соблазнительно потирающих лапками посреди вечной зелени ивовых рощ, распространявшихся выше по склону. Стрелок оставался спокойным, мальчик тоже вроде бы сохранял спокойствие — внешне по крайней мере, — так что стрелок даже им гордился. Но Джейк не сумел скрыть этого дикого выражения глаз, которые стали бесцветными и застывшими, как у лошади, что почуяла воду и не понесла только благодаря воле

всадника, — как у лошади, которая дошла до того состояния, когда удержать ее может только глубинное взаимопонимание, а никак не шпоры. Стрелок хорошо понимал, что творится с Джейком, хотя бы уже по тому, как неистово и безумно его собственное тело отзывалось на дразнящий стрекот сверчков. Его руки, казалось, сами ищут острые выступы в камне, чтобы окорябаться в кровь, а колени так и стремятся к тому, чтобы их исполосовали глубокими саднящими порезами.

Всю дорогу солнце палило нещадно; даже на закате, когда оно разбухало и багровело, как в лихорадке, оно до последнего жарко светило сквозь расщелины между скалами по левую руку, слепило глаза, обращало каждую капельку пота в сверкающую призму боли.

А потом появилась трава: поначалу — лишь чахлая желтая поросль, но поразительно жизнеспособная. Она с завидным упорством цеплялась за худосочную размытую почву. Дальше, чуть выше по склону, показались редкие пучки ведьминой травы, которые очень быстро сменились густой, буйной зеленью. А потом в воздухе разлилось первое благоухание уже настоящей травы, что росла вперемешку с тимофеевкой под сенью первых карликовых елей. Там, в тени, стрелок заметил коричневый промельк. Он выхватил револьвер, выстрелил раз и подбил кролика прежде, чем Джейк успел вскрикнуть от изумления. А уже через секунду стрелок убрал револьвер в кобуру.

— Здесь мы и остановимся, — сказал он.

Еще выше по склону были деревья: зеленые ивы. Зрешище — поразительное после выжженной стерильной пустыни, бесконечного голого сланца. Где-то в глубине этой рощи обязательно есть родник, может

быть, даже и не один, и там наверняка попрохладнее, но все же лучше остаться здесь, на открытом месте. Силы парнишки, похоже, уже на исходе, а ведь вовсе не исключено, что в сумраке роши гнездятся летучие мыши-вампиры. Их крики могли разбудить мальца, как бы он крепко ни спал, а если это и вправду вампиры, то вполне могло так получиться, что они оба уже не проснутся... во всяком случае, в этом мире.

— Пойду дров наберу, — сказал мальчик.

Стрелок улыбнулся:

— Нет, не надо тебе никуда ходить. Лучше сядь, Джейк. Посиди.

Чья это фраза? Какой-то женщины. Сюзан? Стрелок не помнил. Время ворует память, как любил говорить Ванни. Вот про Ванни он помнил.

Мальчик послушно сел. Когда стрелок вернулся, Джейк уже спал в траве. Большой богомол совершил свое вечернее омовение прямо на упругой челке парнишки. Стрелок рассмеялся — в первый раз за бог знает сколько времени, — разжег костер и отправился за водой.

Заросли ив оказались гуще, чем показалось ему поначалу, и в блекнувшем свете заходящего солнца там было довольно-таки неуютно. Но он набрел на ручей, будильно охраняемый квакшами и лягушками. Стрелок наполнил водой один бурдюк... и вдруг замер. Звуки ночи всколыхнули в нем какое-то тревожное сладострастие — чувственность, которую не смогла разбудить даже Элли, та женщина, с которой он был в Талле. Но от Элли ему было нужно другое: чтобы она рассказала ему все, что ему надо было знать. Стрелок отнес это странное ощущение на счет резкой, ошеломляющей смены обстановки после пустыни. После всех этих бесчисленных миль голого слан-

ца мягкость вечернего сумрака казалась почти не-
пристойной.

Он вернулся к костру и, пока закипала вода в котелке, освежевал кролика. Вместе с последней банкой консервированных овощей из кролика вышло отличное рагу. Стрелок разбудил Джейка, а потом долго смотрел, как парнишка ест: отрешенно и сонно, но жадно.

— Завтра мы никуда не пойдем. Побудем здесь, —
сказал стрелок.

— Но человек, за которым вы гонитесь... этот свя-
щенник...

— Он не священник. И не волнуйся. Никуда он
от нас не денется.

— Откуда вы знаете?

Стрелок лишь покачал головой. Просто он знал, что так будет... и ничего в этом знании хорошего не было.

После ужина он ополоснул жестяные банки, из которых они ели (опять поражаясь тому, как он небрежно расходует воду), а когда обернулся, Джейк уже спал. Стрелок вновь ощущил знакомые толчки в груди, будто что-то внутри то вздыхается, то опадает — это странное чувство, которое он безотчетно связывал с Катбертом. Они были ровесниками, но Катберт казался намного моложе.

Его папироса упала в траву, и он носком сапога подтолкнул ее в костер. Потом он еще долго смотрел на огонь, на чистое желтое пламя, совсем не похожее на пламя от горящей бес-травы. В воздухе разлилась изумительная прохлада. Стрелок лег на землю, спиной к костру.

Откуда-то издалека, из ущелья, теряющегося в горах, доносились глухие раскаты грома. Он уснул. И увидел сон.

II

Сюзан Дельгадо, его любимая, умирала у него на глазах.

А он смотрел. Его руки держали — по два дюжих крестьянина с каждой стороны, — шею его стиснул тяжелый и ржавый железный ошейник. На самом деле все было не так — его даже не было там, на площади, но сон — это сон, у него своя логика и свои законы.

Он смотрел, как она умирает. Даже сквозь гарь и дым он различал запах ее горящих волос, слышал крики толпы: «Гори огнем!»... и видел цвет своего собственного безумия. Сюзан, прелестная девушка у окна, дочь табунщика. Как она мчалась по Спуску, и их тени — лошади и всадницы — сливались в единую тень. Она была словно сказочное существо из легенды, необузданная, и свободная. Как они с ней бежали, держась за руки, по кукурузному полю. А теперь люди, собравшиеся у помоста, кидали в нее кукурузными листьями, и листья загорались прямо на лету, еще прежде, чем падали в пламя. «Приходи, жертва», — кричали они, заклятые враги света и любви, а где-то гаденько хихикала ведьма. Риа, так ее звали, старую каргу. А Сюзан чернела, обугливаясь в огне, ее кожа трескалась, и...

Она что-то пыталась ему прокричать?

— Мальчик, — кричала она. — Роланд, мальчик!

Он рванулся, увлекая за собой своих стражей. Железный ошейник врезался в шею, и Роланд услышал, как из его горла рвется скрежещущий, сдавленный хрюп. В воздухе стоял тошнотворный сладковатый запах поджаренного мяса.

Мальчик смотрел на него из окна высоко над костром, из того же окна, где когда-то сидела Сюзан — та, которая научила его быть мужчиной, — сидела и напевала старинные песни: «Эй, Джуд», «Вольную волю большой

дороги» и «Беспечную любовь». Мальчик стоял у окна, как гипсовая статуя святого в соборе. Его глаза были словно из мрамора. Лоб Джейка пронзал острый шип.

Стрелок ощущал, как из самых глубин нутра рвется сдавленный, режущий горло вопль, означающий начало безумия.

— *Н-н-н-н-н-н-н...*

III

Роланд вскрикнул и проснулся от того, что его обожгло пламя костра. Он сел рывком, все еще ощущая присутствие страшного сна про Меджис где-то рядом. Сон душил его, как железный ошейник, который сжимал его шею во сне. Когда он рванулся к Сюзан, здесь, наяву, он нечаянно попал рукой в гаснущие угли костра. Он поднес руку к лицу, буквально физически ощущая, как сон улетает прочь, оставляя только застывший образ мальчика, Джейка, белого как мел. Святого для демонов.

— *Н-н-н-н-н-н...*

Он вглядился в таинственный сумрак ивовой рощи, держа револьверы наготове. В последних отблесках костра его глаза были похожи на две алые амбразуры.

— *Н-н-н-н-н-н...*

Джейк.

Стрелок вскочил на ноги и побежал. Луна уже поднялась в ночном небе горьким блеклым диском, и след Джейка был явственно виден в росе. Стрелок нырнул под первые ивы, перебрался через ручей, подняв брызги, и вскарабкался на другой берег, скользя по мокрой траве (даже сейчас его тело наслаждалось этим ощущением). Ветви ив, точно розги, хлестали

его по лицу. Деревья здесь росли гуще и не пропускали лунного света. Стволы поднимались кренившимися тенями. Трава, теперь высотой до колен, била стрелка по ногам. Трава ласкала его, как бы приглашая прилечь, отдохнуть, насладиться прохладой. Насладиться жизнью. Полусгнившие мертвые ветви тянулись к нему, пытаясь схватить за голени, за соjones*. Стрелок на мгновение замер, вскинул голову и принююхался. Ему помогло дуновение ветерка. Мальчик, конечно же, не благоухал. Как, впрочем, и сам стрелок. Ноздри стрелка расширились, как у обезьяны. Он различил слабый терпкий запах — безошибочный запах пота. Он рванулся вперед, сквозь бурелом, ежевику и завалы упавших веток — бегом по тоннелю из нависающих ветвей ив и сумаха. Вперед. Задевая плечами древесный мох, цеплявшийся за одежду понурыми, мертвенно серыми щупальцами.

Он продрался сквозь последнюю баррикаду из сплетенных ивовых ветвей и выбрался на поляну, открытую звездам. Самый высокий пик горной гряды белел, точно череп, на неимоверной высоте.

На поляне был круг из черных стоячих камней. В лунном свете он походил на какую-то причудливую, фантастическую ловушку для диких зверей. В центре круга располагался каменный алтарь... жертвенник — очень старый, поднимающийся из земли на могучем плече базальта.

Мальчик стоял перед черным алтарем, дрожа и раскачиваясь взад-вперед. Его руки дергались, словно через них пропустили электрический ток. Стрелок резко выкрикнул его имя, и Джейк ответил ему неразборчивым возгласом отрицания. Лицо мальчика, похожее на бледное смазанное пятно и почти полно-

* Cojones — яйца, мошонка (исп.). — Примеч. пер.

стью загороженное его левым плечом, выражало одновременно и страх, и восторг. И было в нем что-то еще.

Стрелок вступил в круг камней, и Джейк закричал, отшатнувшись и вскинув руки. Теперь стрелку было видно его лицо, и он разглядел на нем ужас, и страх, и мучительное наслаждение.

Стрелок ощущал, как к нему прикоснулся дух — дух оракула. Суккуб. Его чресла наполнились жаром — нежным и мягким, и все-таки тягостным. Голова у него закружилась, язык как будто распух во рту и стал болезненно чувствительным даже к слюне.

Стрелок не знал, что его подтолкнуло, но, повинувшись порыву, он быстро вытащил из кармана полуслгнвшую челюсть, которую носил с собой с того дня, как нашел ее в логове Говорящего Демона на дорожной станции. Он не понимал, что делает, но это его не пугало — он привык повиноваться своим инстинктам. И они никогда его не подводили. Стрелок выставил челюсть перед собой, эту истлевшую кость, застывшую в доисторическом оскале. Указательный палец и мизинец свободной руки сами сложились рожками в древнем знаке оберега от дурного глаза.

Волна чувственности отхлынула, словно кто-то резко сорвал тяжелый полог.

Джейк снова вскрикнул.

Стрелок подошел к нему, выставив челюсть перед невидящими глазами мальчишки.

— Смотри сюда, Джейк... смотри.

Влажный всхлип боли. Джейк попытался отвести взгляд и не смог. На мгновение стрелку показалось, что парнишку сейчас разорвет на части — но не телом, а разумом. Его глаза закатились, остались видны лишь

белки. А потом Джейк упал. Его обмякшее тело плавно осело на землю, одна рука почти коснулась каменного алтаря. Стрелок опустился на одно колено и взял Джейка на руки. Мальчик был на удивление легким; за время их долгого пути по пустыне он высох, как лист в ноябре.

Роланд буквально физически ощутил, как дух, обитающий в каменном круге, заметался в ревнивом гневе — у него отобрали добычу. Как только стрелок вышел из круга, это буйство бесплодной ревности разом исчезло. Он отнес Джейка обратно в лагерь. К тому времени судорожное беспамятство мальчика сменилось крепким сном.

Стрелок на мгновение замер над серыми останками выгоревшего костра. Лунный свет, омывающий лицо Джейка, снова напомнил ему о святом из церкви, о неведомой гипсовой чистоте. Он обнял парнишку покрепче и неловко чмокнул его в щеку, вдруг осознав, что любит его. Хотя, может быть, даже не так. Может быть, он полюбил этого мальчика с первого взгляда (как и Сюзан Дельгадо) и только теперь разрешил себе в этом признаться.

И тут ему показалось, что он почти явственно слышит смех человека в черном. Откуда-то сверху, издалека.

IV

Джейк звал его. От этого стрелок и проснулся. Вчера ночью он крепко-накрепко привязал парнишку к одному из ближайших кустов, и мальчик, наверное, испугался. И к тому же наверняка хотел есть. Судя по солнцу, было уже почти девять тридцать.

— Зачем вы меня привязали? — спросил Джейк с обидой, когда стрелок развязал тугой узел на попоне. — Я же не собирался от вас убегать!

— Не собирался, а все-таки убежал. — Стрелок улыбнулся, когда у парнишки вытянулось лицо. — Пришлось вставать и бежать за тобой. Ты ходил во сне.

— Правда? — недоверчиво переспросил Джейк. — Никогда раньше такого не де...

Стрелок кивнул, вытащил из кармана челюсть и поднес ее к лицу Джейка. Тот отпрянул, закрывшись руками.

— Вот видишь?

Мальчик, смущившись, кивнул.

— А что случилось?

— Сейчас у нас нет времени на разговоры. Мне нужно будет уйти. Может быть, на весь день. Так что слушай меня, малыш. Это важно. Если я не вернусь до заката...

На лице Джейка промелькнул страх.

— Вы меня бросаете!

Стрелок только пристально посмотрел на него.

— Нет, — сказал Джейк. — Кажется, нет. Если бы вы хотели меня бросить, вы бы давно меня бросили.

— Ну вот, видишь. Ты и сам все понимаешь. А теперь слушай, и слушай внимательно. Сейчас я уйду, а ты останешься здесь. И никуда отсюда не уходи. Что бы ни случилось, не уходи с этой поляны. А если вдруг ты почувствуешь что-то странное... что-нибудь подозрительное... просто возьми эту кость и не выпускай из рук.

Ненависть и отвращение на лице Джейка смешались с каким-то непонятным смущением.

— Нет, я не смогу... не смогу.

— Сможешь. Придется смочь. И особенно после полудня. Это очень важно. Если придется взять кость, у тебя могут возникнуть всякие неприятные ощущения. Например, голова заболит или будет тошнить. Но это быстро пройдет. Ты понял?

— Да.

— И ты сделаешь, как я сказал?

— Да, но зачем вам куда-то идти? — всхлипнул Джейк.

— Просто так нужно.

Стрелок вновь уловил в глазах Джейка словно бы отблеск стали — завораживающий и загадочный, как рассказ мальчика про неведомый город, где дома так высоки, что их верхушки в прямом смысле слова скребут по небу. Мальчик напоминал ему даже не Катберта, а Алана, еще одного его близкого друга. В отличие от шутника и задиры Катберта Алан был тихим и скромным. И на него всегда можно было положиться. И он ничего не боялся.

— Хорошо, — сказал Джейк.

Стрелок осторожно положил челюсть на землю рядом с остывшим костищем. Она ухмылялась в высокой траве, точно какое-нибудь истлевшее иско-паемое, которое снова увидело дневной свет после долгой и беспросветной ночи длиной в пять тысяч лет. Джейк старался на нее не смотреть. Лицо мальчика было бледным и несчастным. Стрелок даже подумал, может быть, усыпить паренька и расспросить его обо всем, что случилось с ним в круге камней, но потом рассудил, что он немного этим добьется. Он и так уже знал, что дух из круга камней, вне всяких сомнений, демон и, вполне вероятно, оракул. Демон, лишенный формы и тела, бесплотная сексуальная аура, наделенная даром ясновидения. Ему вдруг по-

думалось не без язвинки, уж не душа ли это Сильвии Питтстон, той необъятной толстухи, чье мелочное торгащество религиозными откровениями и привело к столь трагичной развязке в Талле... но нет. Это не Сильвия. Камни круга дышали древностью — они ограждали обиталище демона, обозначенное задолго до начала истории этого мира. Существо в круге — древнее... и коварное. Но стрелок знал, как говорить с оракулом, и был уверен, что мальчику не придется воспользоваться костяным мояо, оберегом. Голос и разум пророчицы будут заняты им, стрелком. Более чем. А ему нужно выведать кое-что, несмотря на весь риск... а риск был, и немалый. И все-таки ради Джейка, ради себя самого ему нужно было добыть эти сведения. Во что бы то ни стало.

Стрелок открыл свой кисет и, порывшись в табаке, достал крошечный предмет, завернутый в обрывок белой бумаги. Он покатал его в пальцах, которых уже очень скоро не будет, и рассеянно взглянул на небо. Потом развернул бумажку и извлек содержимое — маленькую белую таблетку с пообтершившимися за годы странствий краями.

Джейк с любопытством взглянул на нее.

— Это что?

Стрелок издал короткий смешок.

— Корт часто рассказывал нам легенду о том, как древние боги решили поссать над пустыней — и так получился мескалин.

Джейк озадаченно нахмурился.

— Это такое снадобье, — пояснил стрелок. — Но не из тех, которые усыпляют. А такое, которое, наоборот, взбадривает. Ненадолго.

— Как ЛСД, — сказал мальчик, и его взгляд снова стал озадаченным.

— А что это? — спросил стрелок.

— Я не знаю, — ответил Джейк. — Просто слово всплыло. Это, наверное, оттуда... ну, вы понимаете. Оттуда, что было раньше.

Стрелок кивнул, но все-таки он сомневался. Он никогда не слыхал, чтобы мескалин называли ЛСД. Этого не было даже в древних книгах Мартена.

— А это вам не повредит? — спросил Джейк.

— До сих пор не вредило, — уклончиво отозвался стрелок и понял сам, что его ответ прозвучал не особенно убедительно.

— Мне это не нравится.

— Не бери в голову.

Стрелок опустился на корточки, отхлебнул воды из бурдюка и проглотил таблетку. Как всегда, реакция наступила мгновенно: рот, казалось, переполнился слюной. Стрелок уселся перед потухшим костром.

— А когда эта таблетка подействует? — спросил Джейк.

— Не сразу. Помолчи пока, ладно?

И Джейк замолчал. Он сидел тихо, и только в его напряженном взгляде читалось неприкрытое подозрение, пока он наблюдал, как стрелок совершает свой неспешный ритуал: чистит револьверы.

Стрелок убрал револьверы в кобуры.

— Сними рубашку, Джейк, и дай ее мне.

Джейк с явной неохотой — может быть, он стеснялся своих выпирающих ребер — стянул через голову вылинявшую рубашку и протянул ее Роланду.

Стрелок достал иголку, которую всегда носил при себе в боковом шве джинсов, потом нитки — из пустой ячейки в патронташе — и принялся зашивать длинную прореху на рукаве рубашки. Потом он вернулся к рубашке Джейку и тут же почувствовал, что мескалин

начинает действовать: желудок стянуло, а все тело как будто свело судорогой.

— Мне пора, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Мальчик тоже приподнялся; по его лицу прошла тень беспокойства, а потом он сел обратно.

— Вы там поосторожнее, — сказал он. — Пожалуйста.

— Не забывай про челюсть.

Проходя мимо, стрелок положил руку на голову Джейку и потрепал его по светлым, цвета созревающей кукурузы волосам. Испугавшись собственного порыва, стрелок коротко хохотнул. Джейк смотрел ему вслед с тревожной улыбкой — смотрел, пока стрелок не скрылся из виду в сплетении ив.

V

Стрелок направился к кругу камней, остановившись всего лишь раз, чтобы напиться прохладной воды из ручья. Склонившись к воде, он увидел свое отражение в крошечной заводи, обрамленной мхом и плавучими листами кувшинок; на миг стрелок замер, зачарованно глядя на себя, как Нарцисс. Его сознание уже начало перестраиваться, течение мыслей замедлилось, преодолевая, казалось, возросшую многозначность каждого понятия, каждого импульса восприятия. Вещи вдруг обрели глубину и весомость, прежде скрытые. Стрелок помедлил еще мгновение, потом поднялся и взгляделся в сплетение ив. Сквозь ветви струился свет солнца — золотистый и будто сотканный из пылинок. Стрелок постоял пару секунд, наблюдая за пляской пылинок и крошечных мошек, а потом пошел дальше.

Прежде это снадобье частенько его раздражало: его «эго», слишком сильное (а может, еще и слишком примитивное), не получало удовольствия от того, что его затеняли, отодвигали на задний план, делая мишенью для более чутких, более проникновенных эмоций — они щекотали его, как кошачьи усы, и его это бесило. Но на этот раз ему было спокойно. И это было хорошо.

Он вышел на поляну, вступил в круг и встал там, позволив своим мыслям течь свободно. Да, теперь оно надвигалось быстрее, настойчивее и жестче. Трава резала глаз своей зеленью; казалось, стоит только коснуться ее рукой, и рука тоже окрасится в зеленый. Он еле сдержал шаловливое искушение — попробовать.

Но прорицательница молчала. Не было иексуального возбуждения.

Он подошел к алтарю и застыл на мгновение перед плоским камнем. Мысли путались. Зубы во рту ощущались как что-то лишнее, чужеродное — словно крошечные могильные камни в розовой влажной земле. Мир наполнился светом, слишком резким и ярким. Стрелок взобрался на алтарь и лег на спину. Его сознание превратилось в дремучие дебри, мысли — в причудливые растения, которых он в жизни не видел и даже не подозревал, что такие бывают: густое сплетение ив на берегах мескалинового ручья. Небо стало водой, и он воспарил над ней. От одной этой мысли голова у него закружилась, но его это уже не тревожило.

Ему вдруг вспомнились строчки из одного старинного стихотворения, на этот раз — не детские стишки, нет. Его мама боялась всех зелий и неизбежной потребности в них (как боялась она и Корта, и его обязанности бить мальчишек). Эти стихи дошли до них

из одного из Убежищ мэнни к северу от пустыни, где люди все еще живут в окружении механизмов, которые в основном не работают... а те, что работают, иногда пожирают людей. Строки кружились в сознании, напоминая ему — безо всякой связи, как это всегда и бывает при мескалиновом наплыве — о снежинках внутри стеклянного шара, который был у него в детстве, такой таинственный, полусказочный шар:

Туда заказан людям вход.
Там, за пределом черных вод, —
Глубины ада...

В деревьях, нависающих над алтарем, пропадали лица. Как зачарованный, он отрешенно смотрел на них: вот дракон, извивающийся и зеленый, вот дре-весная нимфа с манящими руками-ветвями. Вот живой череп, расплывающийся в ухмылке. Лица. Лица.

Внезапно трава на поляне затрепетала, склонилась.

Я иду.

Я иду.

Смутное волнение в глубинах его плоти. «Не слишком ли далеко яшел?» — успел еще подумать стрелок. От душистой травы на Спуске, где они лежали со Сюзан, — вот до такого.

Она прижалась к нему: тело, сотканное из ветра, грудь — из сплетения ароматов жасмина, жимолости и роз.

— Пророчествуй, — сказал он. Во рту появился противный металлический привкус. — Скажи все, что мне надо знать.

Вздох. Тихий всхлип. Плоть стрелка напряглась, затвердела. Лица склонялись к нему из листвы, а за ними виднелись горы — суровые и безжалостные, с оскаленными зубами вершин.

Тело, прильнувшее к нему, вдруг заерзalo, пытаясь его побороть. Он почувствовал, как его руки сами сжимаются в кулаки. Она наслала ему видение. Пришла к нему в облике Сюзан. Это Сюзан Дельгадо лежала сейчас на нем. Сюзан, прелестная девушка у окна, которая ждала его в заброшенной хижине гуртовщика на Спуске — ждала, распустив волосы по спине и плечам. Он отвернулся. Но ее лицо вновь оказалось у него перед глазами.

Розы, жимолость и жасмин, прошлогоднее сено... запах любви.

Люби меня.

— Предсказывай, — сказал он. — И говори правду.

— *Пожалуйста*, — плакала пророчица. — *Почему ты такой холодный? Здесь всегда так холодно...*

Руки скользили по телу стрелка, дразнили его, разжигали огонь. Тянули. Подталкивали. Увлекали. Ароматная черная щель. Влажная, теплая...

Нет. Сухая. Холодная. Мертвая и бесплодная.

— *Сжалься, стрелок. О пожалуйста. Прошу тебя. Умоляю о милости! Сжалься!*

— А ты бы скжалилась над мальчиком?

— *Какой еще мальчик?! Не знаю я никакого мальчика. Мальчики мне не нужны. Пожалуйста. Я прошу.*

Жасмин, розы, жимолость. Прошлогоднее сено, где еще теплится дух летнего клевера. Масло, пролитое из древних урн. Бунт плоти.

— Потом, — сказал он. — Если то, что ты скажешь, как-то мне пригодится.

— *Сейчас. Пожалуйста. Сейчас.*

Он позволил своему сознанию раскрыться перед ней, но только — сознанию, разуму, который есть полная противоположность чувствам. Тело, нависающее над ним, внезапно застыло и словно бы закрича-

ло. Его мозг превратился в канат, серый и волокнистый — и каждый как будто тянул этот канат на себя. На несколько долгих мгновений исчезли все звуки, кроме тихого дыхания стрелка и легкого дуновения ветра, от которого лица в листве дрожали, строили рожи, подмигивали ему. Даже птицы умолкли.

Ее хватка ослабла. Снова раздались рыдания и вздохи. Нужно действовать быстро, иначе она уйдет, ибо остаться теперь означает для нее ослабнуть, опять раствориться в бесплотности. По-своему, может быть, умереть. Он уже чувствовал, как она отступает, ускользает из круга камней. Ветер выводил на траве трепещущие, перекошенные узоры.

— Пророчествуй, — сказал он и сурово добавил: — И говори правду.

Тяжелый, усталый вздох. Он бы уже сейчас сжался над ней и выполнил ее просьбу — если бы не Джейк. Если бы вчера ночью стрелок опоздал, Джейк был бы мертв. Или сошел бы с ума.

— Тогда спи.

— Нет.

— Тогда пребывай в полусне.

То, о чем она просила, — это было опасно. Но, наверное, необходимо. Стрелок поднял глаза к лицам в листве. Там шло представление: целое действие ему на забаву. Мирры возникали и рушились у него на глазах. На слепящем песке вырастали империи — там, где вечные механизмы усердно трудились в припадке неистового электронного сумасшествия. Империи приходили в упадок и погибали. Вращение колес, что трудились бесшумно и бесперебойно, потихоньку замедлялось. Колеса уже начинали скрипеть и визжать, а потом останавливались навсегда. Сточные канавы концентрических улиц, обшитых листами нержавею-

щей стали, заносило песком под темнеющими небесами, полными звезд, что сверкали, как россыпи холодных камней-самоцветов. И сквозь все это несся ветер — умирающий ветер перемен, пропитанный запахом корицы, запахом позднего октября. Стрелок наблюдал, как меняется мир, как мир сдвигается с места.

В полусне.

— Три. Вот число твоей судьбы.

— Три?

— Да. Три — мистическое число. Трое стоят в сердоточии твоего поиска. Другое число будет позже. А сейчас их трое.

— Кто эти трое?

— «Мы провидим лишь малые части, и тем туманится зеркало предсказаний».

— Говори все, что видишь.

— Первый молод, темноволос. Сейчас стоит он на грани грабежа и убийства. Демон его осаждает. Имя демону — ГЕРОИН.

— Что за демон? Я такого не знаю.

— «Мы провидим лишь малые части, и тем туманится зеркало предсказаний». Есть иные миры, стрелок, и иные демоны. Воды сии глубоки. Смотри внимательно. Не пропусти двери. Ищи розы и ненайденные двери.

— Кто второй?

— Вторая. Она передвигается на колесах. Больше я ничего не вижу.

— А третий?

— Смерть... но не твоя.

— Человек в черном? Где он?

— Он рядом. Уже скоро ты будешь с ним говорить.

— О чем будем мы говорить?

— *О Башне.*

— Мальчик? Джейк?

— ...

— Расскажи мне про мальчика!

— *Мальчик — твои врата к человеку в черном. Человек в черном — твои врата к тем троим. Трое — твой путь к Темной Башне.*

— Как? Как это будет? И почему именно так?

— «*Мы провидим лишь малые части, и тем туманится зеркало...*»

— Тварь, проклятая Богом.

— *Нет бога, который способен меня проклясть.*

— Оставь этот свой снисходительный тон. Ты, тварь.

— ...

— Как мне тебя называть? Звездная Шлюха? Потаскуха Ветров?

— *Кто-то живет любовью, что исходит из древних мест... даже теперь, в эти мрачные, злобные времена. А кто-то, стрелок, живет кровью. И даже, как я понимаю, кровью маленьких мальчиков.*

— Его можно спасти?

— Да.

— Как?

— *Отступись, стрелок. Сворачивай свой лагерь и уходи обратно на северо-запад. Там, на северо-западе, еще нужны люди, искусные в стрельбе.*

— Я поклялся. Поклялся отцовскими револьверами и предательством Мартена.

— *Мартена больше нет. Человек в черном пожрал его душу. И ты это знаешь.*

— Я поклялся.

— Значит, ты проклят.

— Теперь делай со мной что хочешь. Ты, сука.

VI

Пылкое нетерпение.

Тень накрыла его, поглотила. Внезапный экстаз, уничтоженный только наплывом галактики боли, такой же яркой и обессиленной, как древние звезды, багровеющие в коллапсе. На самом пике созития его обступили лица — непрошеные, незваные. Сильвия Питтстон. Элис, женщина из Талла. Сюзан. И еще около дюжины других.

И наконец, спустя целую вечность, он оттолкнул ее, вновь обретя ясность сознания. Опустошенный и преисполненный отвращения.

— *Нет! Этого мало! Это...*

— Отвяжись от меня.

Стрелок резко рванулся, чтобы сесть, и едва не упал с алтаря. Осторожно встал на ноги. Она робко прикоснулась к нему (*жасмин, жимолость, сладость розового масла*), но он грубо ее оттолкнул, упав на колени.

Потом он поднялся и, шатаясь как пьяный, направился к внешней границе круга. Переступил невидимую черту и буквально физически ощутил, как тяжкий груз разом свалился с плеч. Стрелок содрогнулся и с шумом, похожим на всхлип, втянул в себя воздух. У него было чувство, как будто его осквернили, — интересно, оно того стоило? Он не знал. Но уже очень скоро узнает. Он ушел, не оглядываясь, но он чувствовал на себе ее пристальный взгляд. Она стояла перед каменной решеткой своей темницы и смотрела, как он уходит. И сколько теперь ей ждать, пока еще кто-нибудь не преодолеет пустыню и не найдет ее, изголодавшуюся и одинокую. Стрелок вдруг почувствовал себя ничтожным карликом — перед громадой времени, полного неисчислимых возможностей.

VII

— Вы что, заболели?

Джейк поспешил вскочил, когда стрелок, еле волоча ноги, продрался сквозь последние заросли и вышел к лагерю. Все это время Джейк просидел, сгорбившись, перед потухшим костром, держа на коленях истлевшую челюсть, и с несчастным видом обгладывал косточки кролика. Теперь, увидев стрелка, он бросился ему навстречу с таким страдальческим выражением лица, что стрелок сразу же и в полной мере ощутил тяжкое, мерзкое бремя предательства, которое ему предстояло совершить.

— Нет. Не заболел. Просто устал. Весь вымотался. — Стрелок указал на челюсть в руках у Джейка. — А ее уже можно выкинуть.

Джейк тут же отшвырнул кость и вытер руки о рубашку. Его верхняя губа безотчетно приподнялась в жутковатом оскале, но сам он этого не заметил.

Стрелок сел — вернее, чуть ли не рухнул — на землю. Суставы ломило от боли. Мозги как будто распухли. Мерзопакостное ощущение — мескалиновый «отходняк». Между ног угнездилась тупая, пульсирующая боль. Он свернулся самокрутку — тщательно, неторопливо, бездумно. Джейк наблюдал за ним. Стрелок чуть было не поддался искушению рассказать пареньку обо всем, что узнал от оракула, а потом поговорить с ним дан-дин. Но быстро опомнился и с ужасом отказался от этой мысли. Он даже задался вопросом, а не утратил ли он сегодня какую-то часть себя — часть сознания или души. Открыть Джейку свой разум и сердце и поступить по решению ребенка? Какая безумная мысль.

— Переноочуем здесь, — сказал он чуть погодя. — А завтра пойдем. Я попозже схожу, попробую что-нибудь подстрелить нам на ужин. Нам надо набраться сил. А сейчас я немного посплю. Хорошо?

— Ну конечно. Вы вырубайтесь, я тут посторожу.

— Я не понял, что ты сказал.

— Спите, если хотите.

— Ага. — Стрелок кивнул и улегся на траву. Вы вырубайтесь, повторил он про себя. Вырубайтесь — это как умирайте.

Когда он проснулся, тени на поляне стали заметно длиннее.

— Ты давай разожги костер. — Стрелок протянул Джейку кремень и кресало. — Знаешь, как пользоваться?

— Да. По-моему, знаю.

Стрелок отправился к ивовой роще, но замер на полпути, услышав, что говорит мальчик. Застыл, как громом пораженный.

— Искра, искра в темноте, где мой сир, подскажешь мне? — бормотал мальчик, ударяя кремнем о кресало. Чик-чик-чик — словно чириканье заводной механической птицы. — Устою я? Пропаду я? Пусть костер горит во мгле.

Наверное, от меня услышал, подумал стрелок и вовсе не удивился тому, что его руки покрылись гусиной кожей. Казалось, еще немного — и он задрожит, как промокший пес. Ну да, от меня. Наверное, я, когда разжигал костер, проговорил это вслух, и сам даже не помню. И мне придется его предать?! Предать этого доброго человечка, в этом недобром мире? И есть ли что-то, что оправдает такое предательство?

Это просто слова.

Да, но хорошие. Древние. Добрые.

— Роланд? — окликнул его мальчик. — У вас все в порядке?

— Да, — сказал он, может быть, как-то уж слишком резко. До него уже долетал запах дыма. — Ты давай разводи костер.

— Ага, — просто ответил мальчик, и Роланд понял, даже не оглядываясь на парнишку, что тот улыбался.

Стрелок не стал углубляться в заросли, а повернулся налево, огибая ивовую рощу по краю. Добрившись до открытого места — небольшого пригорка, густо заросшего травой, — он отступил в тень деревьев и замер. Издалека явственно доносилось потрескивание костра. Стрелок улыбнулся.

Он стоял неподвижно десять минут. Пятнадцать. Двадцать. На пригорок выскочили три кролика. Стрелок достал револьвер, подстрелил их и тут же на месте освежевал и выпотрошил. В лагерь он вернулся с готовыми тушками. Джейк уже кипятил воду в котелке над костром.

Стрелок кивнул мальчику.

— Ты, смотрю, потрудился на славу.

Джейк зарделся от гордости и молча вернулся стрелку огниво.

Пока мясо тушилось, стрелок вернулся в ивовую рощу — гаснущий свет заходящего солнца еще не померк окончательно. Остановившись у первой же заводи, он нарубил лозы, нависающей над зацветшей, покрытой ряской кромкой воды. Позднее, когда от костра останутся лишь тлеющие угольки и Джейк уснет, он сплетет из нее веревки, которые могут потом пригодиться. Он, впрочем, не думал, что предстоящий подъем будет таким уж трудным. Он чувствовал, как его направляет ка, и это уже не казалось странным.

Когда он возвращался в лагерь, где ждал его Джейк, срезанная лоза у него в руках истекала, как кровью, зеленым соком.

Они поднялись вместе с солнцем и собирались за полчаса. Стрелок надеялся подстрелить еще одного кролика на лугу, но времени было мало, а кролики что-то не торопились показываться. Узел с оставшейся у них провизией стал теперь таким легким и маленьким, что даже Джейк мог нести его без труда. Он закалился и окреп, этот мальчик; заметно окреп.

Стрелок нес бурдюки с водой — свежей водой, набранной из ручья в роще. Три веревки, сплетенные из лозы, он обвязал вокруг пояса. Им пришлось дать хороший крюк, чтобы обойти круг камней стороной (стрелок опасался, что паренька снова охватит страх, но когда они проходили над обиталищем оракула по каменистому склону, Джейк лишь мимоходом взглянул вниз и тут же принял рассматривать птицу, парящую в вышине). Вскоре деревья начали потихоньку редеть и мельчать. Искривленные стволы пригибались к земле, а корни, казалось, насмерть боролись с почвой в мучительных поисках влаги.

— Здесь все такое старое, — хмуро сказал Джейк, когда они остановились передохнуть. — Неужели здесь, в этом мире, нет ничего молодого?

Стрелок улыбнулся и подтолкнул Джейка локтем.

— Ты, например.

Джейк улыбнулся, но как-то бледно.

— Трудный будет подъем?

Стрелок поглядел на него с любопытством.

— Это высокие горы. Как ты думаешь, трудный будет подъем?

Джейк озадаченно поглядел на стрелка.

— Нет.

Они двинулись дальше.

VIII

Солнце поднялось до высшей точки, на секунду зависло в небе и, не задержавшись ни на единый миг, как это было в пустыне, перевалило через зенит, возвращая путешественникам их тени. Каменистые выступы скал торчали из уходящей вверх тверди, как подлокотники врытых в землю гигантских кресел. Трава опять пожелтела и пожухла. В конце концов они оказались перед глубокой расщелиной с отвесными склонами, преграждавшей дорогу. Им пришлось обходить ее поверху, по короткому лысому кряжу. Древний гранит был изрезан морщинистыми складками, похожими на ступени лестницы. Как они оба предчувствовали, подъем обещал быть нетрудным. По крайней мере на первом этапе. Они взобрались на вершину скалы, постояли немного на крутом откосе шириной фута четыре, глядя вниз, на пустыню, что подступала к горам, обнимая их, точно громадная желтая лапа. Дальше она уходила за горизонт ослепительным белым щитом, исчезая в туманных волнах поднимавшегося к небу жара. Стрелка вдруг поразила мысль, что эта пустыня едва его не убила. Однако отсюда, с вершины скалы, где было прохладно, пустыня казалась хотя и величественной, но вовсе не страшной — не смертоносной.

Немного передохнув, они продолжили восхождение, пробираясь через каменистые завалы, карабкаясь по наклонным плоскостям, усеянным сверкающими

вкраплениями слюды и кварца. Камни были приятно теплыми на ощупь, но воздух сделался заметно прохладнее. Ближе к вечеру стрелок рассыпал, как где-то вдали, по ту сторону гор, гремит гром, но за вздывающейся громадой скал не было видно дождя.

Когда тени стали окрашиваться в пурпурные тона, они с Джейком разбили лагерь под нависающим каменным выступом. Стрелок закрепил попону сверху и снизу, соорудив нечто вроде навеса. Они уселись у входа в эту импровизированную палатку, наблюдая, как с неба на землю опускается полог ночи. Джейк свесил ноги над обрывом. Стрелок свернулся в вечернюю самокрутку и, хитровато прищурившись, поглядел на Джейка.

— Во сне не вертись, — сказал он, — иначе рискуешь проснуться в аду.

— Не буду, — без тени улыбки ответил Джейк. — Мама говорит... — Он запнулся.

— И что говорит твоя мама?

— Что я сплю как убитый, — закончил Джейк.

Он поглядел на стрелка, и тот заметил, что у мальчика дрожат губы, и он изо всех сил пытается сдержать слезы. *Всего лишь мальчишка*, подумал стрелок, и боль пронзила его, будто нож для колки льда. Так, случается, ломит лоб, когда глотнешь студеной воды. *Всего лишь мальчишка. Почему?* Глупый вопрос. Когда какой-нибудь мальчик, уязвленный физически или душевно, задавал тот же самый вопрос Корту, эта древняя, изрытая шрамами боевая машина, чьей работой было учить сыновей стрелков основам того, что им нужно знать в жизни, отвечал так: «*Почему* — это корявое слово, и его уже не распрямить... так что никогда не спрашивай *почему*, а просто вставай, недумок! Вставай! Впереди еще целый день!»

— Почему я здесь? — спросил Джейк. — Почему я забыл все, что было до этого?

— Потому что сюда тебя перетащил человек в черном, — сказал стрелок. — И еще из-за Башни. Башня стоит... на чем-то вроде... энергетического узла. Только во времени.

— Я не понимаю.

— Я тоже, — признался стрелок. — Но что-то такое произошло. И продолжается до сих пор. Прямо сейчас. «Мир сдвинулся с места»... как мы теперь говорим и всегда говорили. «Мир сдвинулся»... Только теперь он сдвигается быстрее. Что-то случилось со временем. Оно размягчается.

Потом они долго сидели молча. Ветерок — слабенький, но студеный — вертелся у них под ногами, глухо выл где-то в горной расщелине, внизу: у-у-у-у.

— А вы сами откуда? — спросил Джейк.

— Из места, которого больше нет. Ты знаешь Библию?

— Иисус и Моисей. А как же!

Стрелок улыбнулся:

— Точно. Моя земля носила библейское имя — Новый Ханаан. Так она называлась. Земля молока и меда. В том библейском Ханаане виноградные гроздья были такими большими, что их приходилось возить на тележках. У нас таких, правда, не вырастало, но все равно это была замечательная земля.

— Я еще знаю про Одиссея, — неуверенно вымолвил Джейк. — Он тоже из Библии?

— Может быть, — отозвался стрелок. — Я не особенно хорошо знаю Библию.

— А другие... ваши друзья...

— Других нет. Я — последний.

В небе уже поднимался тоненький серп убывающей луны. Луна как будто глядела, прищурившись, вниз на скалы, где сидели стрелок и мальчик.

— Там было красиво... в вашей стране?

— Очень красиво, — рассеянно отозвался стрелок. — Поля, леса, реки, утренний туман. Но матушка, помню, всегда говорила, что это только красиво, но все-таки не прекрасно... что только три вещи на свете прекрасны по-настоящему: порядок, любовь и свет.

Джейк издал какой-то неопределенный звук.

Стрелок молча курил, вспоминая о том, как все это было: ночи в громадном Большом Зале, сотни богато одетых фигур, кружавшихся в медленном, степенном вальсе или в быстрой, легкой, переливчатой польке. Эйлин Риттер берет его под руку. Эту девушку, как он подозревал, выбрали для него родители. Ее глаза — ярче самых дорогих самоцветов. Сияние, льющееся из хрустальных плафонов электрических люстр, высвечивает замысловатые прически придворных и их циничные любовные интрижки. Зал был огромен: безбрежный остров света, древний, как и сама Центральная крепость, образованная еще в незапамятные времена и состоящая чуть ли не из полной сотни каменных замков. Роланд уже перестал считать, сколько лет минуло с тех пор, как он в последний раз видел Центральную крепость, и, покидая родные места, с болью оторвал взгляд от ее каменных замков и ушел, не оглядываясь, в погоню за человеком в черном. Уже тогда многие стены обрушились, дворы заросли сорняками, под потолком в главном зале угнездились летучие мыши, а по галереям носилось эхо от шелеста крыльев ласточек. Поля, где Корт обучал их стрельбе из лука и револьверов, соколиной

охоте и прочим премудростям, заросли тимофеевкой и диким плющом. В громадной и гулкой кухне, где когда-то хоронил Хакс, поселилась колония недоумков-мутантов. Они пялились на него из милосердного сумрака кладовых или скрывались в тени колонн. Теплый пар, пропитанный пряными ароматами жарящейся говядины и свинины, сменился липкой сыростью мха, а в самых темных углах, куда не решались соваться даже недоумки-мутанты, выросли громадные бледные поганки. Массивная дубовая дверь в подвал стояла открытая нараспашку, и снизу сочилась невыносимая вонь. Запах был словно символ — конечный и непреложный — всеобщего разложения и разрухи: едкий запах вина, превратившегося в уксус. Так что стрелку ничего не стоило отвернуться и уйти прочь, на юг. Он ушел без сожалений — но сердце все-таки дрогнуло.

— А что, была война? — спросил Джейк.

— Еще похлеще. — Стрелок отшвырнул окурок. — Была революция. Мы выиграли все сражения, но проиграли войну. Никто не выиграл в той войне, разве что только стервятники. Им, наверное, осталась пожива на многие годы вперед.

— Я бы хотел там жить, — мечтательно протянул Джейк.

— Правда?

— Ага.

— Ладно, Джейк, пора спать.

Мальчик — теперь только смутная тень во мраке — лег на бок и свернулся калачиком под пологом из попоны. Но сам стрелок лег не сразу. Он сидел еще около часа, погруженный в свои долгие, тяжкие думы. Эта внутренняя сосредоточенность, углубленность в собственные мысли была для него чем-то новым, еще

не изведанным и даже приятным в своей тихой грусти, но все-таки не имела никакого практического значения: проблему Джейка все равно нельзя разрешить иначе, чем предсказал оракул, а отказаться от поиска и повернуть назад — это попросту невозможно. Положение было трагическое, но стрелок этого не разглядел; он видел только предопределение, которое было всегда. Он думал, думал и думал... но, в конце концов, его подлинное естество все-таки возобладало, и он уснул. Крепко, без сновидений.

IX

На следующий день, когда они продолжили свой путь в обход, под углом к узкому клину ущелья, подъем стал круче. Стрелок не спешил: пока еще не было необходимости торопиться. Мертвые камни у них под ногами не хранили следов человека в черном, но стрелок твердо знал, что он прошел той же дорогой. И даже не потому, что они с Джейком видели снизу, как он поднимался — крошечный, похожий на таком расстоянии на букашку. Его запах отпечатался в каждом дуновении холодного воздуха, что струился с гор, — маслянистый, пропитанный злобой запах, такой же горький и едкий, как бес-трава.

Волосы у Джейка отросли и вились теперь на затылке, почти закрывая дочерна загорелую шею. Он поднимался упорно, ступая твердо и уверенно, и не выказывал никаких явных признаков боязни высоты, когда они проходили над пропастями или карабкались вверх по отвесным скалам. Дважды ему удавалось взобраться в таких местах, какие стрелку было бы не одолеть в одиночку. Джейк закреплял на камнях ве-

ревку, и стрелок поднимался по ней, подтягиваясь на руках.

На следующее утро они поднялись еще выше, сквозь холодные и сырье рваные облака, что закрывали оставшиеся внизу склоны. В самых глубоких впадинах между камнями уже начали попадаться белые бляхи затвердевшего, зернистого снега. Он сверкал, точно кварц, и был сухим, как песок. В тот день, ближе к вечеру, они набрали на единственный след — отпечаток ноги на одном из этих пятен снега. Потрясенный, Джейк застыл на мгновение, завороженно глядя на четкий след, потом вдруг испуганно поднял глаза, словно опасаясь, что человек в черном может материализоваться из своего одинокого следа. Стрелок потрепал мальчика по плечу и указал вперед:

— Пойдем. День уже на исходе.

В последних лучах заходящего солнца они разбили лагерь на широком плоском каменном выступе к северо-востоку от разлома, уходящего в самое сердце гор. Заметно похолодало. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара, и в пурпурных отблесках гаснувшего дня мокрый кашель грома казался каким-то нездешним и даже безумным.

Стрелок ждал, что мальчик начнет задавать вопросы, но тот ничего не спросил. Джейк почти сразу уснул. Стрелок последовал его примеру. Ему снова приснился Джейк — в образе гипсового святого, со лбом, пронзенным гвоздем. Он проснулся, судорожно хватая ртом разреженный горный воздух. Джейк спал рядом с ним, но спал беспокойно: он ворочался и бормотал неразборчивые слова, отгоняя, наверное, своих собственных призраков. Исполненный тревожных предчувствий, стрелок перевернулся на другой бок и снова уснул.

Х

Ровно через неделю после того, как Джейк увидел след на снегу, они на мгновение столкнулись лицом к лицу с человеком в черном. В это мгновение стрелку показалось, что сейчас он поймет сокровенный смысл самой Башни — потому, что это мгновение растянулось на целую вечность.

Они продолжали держаться юго-восточного направления: прошли, наверное, уже полпути по исполинскому горному хребту, и вот когда в первый раз за все время их перехода подъем грозил сделаться по-настоящему трудным (прямо над ними нависли обледенелые выступы скал, изрезанные гулкими трещинами; при одном только взгляде на это у стрелка начиналось неприятное головокружение), они набрели на удобный спуск вдоль стенки узкого ущелья. Извивающаяся тропинка спустилась на дно каньона, где в своей первозданной, неукротимой мощи бурлил горный поток, стекающий с необозримых вершин.

В этот день, ближе к вечеру, мальчик вдруг остановился и посмотрел на стрелка, который задержался, чтобы ополоснуть лицо студеной водой.

— Я чувствую, он где-то рядом, — сказал Джейк.

— Я тоже, — отозвался стрелок.

Как раз перед ними высилось непреодолимое с виду нагромождение гранитных глыб, уходящее в заоблачную бесконечность. Стрелок опасался, что в любую минуту очередной поворот горной речки выведет их к водопаду или к отвесной гладкой стене гранита — в тупик. Но здешний воздух обладал странным увеличительным свойством, присущим любому высокогорью, и прошел еще день, прежде чем они с

мальчиком добрались до гигантской гранитной преграды.

И стрелка вновь охватило знакомое ощущение, что все то, к чему он так долго стремился, наконец у него в руках. Он еле сдержал себя, чтобы не пуститься бегом.

— Погодите! — Мальчик внезапно остановился. Они замерли у крутого изгиба речки. Поток пенился и клокотал, обтекая размытый выступ громадной глыбы песчаника. Каньон постепенно сужался. Все утро они со стрелком шли в тени гор.

Джейк весь дрожал. А лицо у него было белым как мел.

— В чем дело?

— Пойдемте обратно, — прошептал Джейк. — Пойдемте обратно. Быстрее.

Лицо стрелка словно окаменело.

— Пожалуйста! — Лицо у парнишки осунулось. Он с такой силой стиснул зубы, подавляя крик боли, что его нижняя челюсть дергалась от напряжения. Сквозь плотный занавес гор до них по-прежнему доносились раскаты грома, размеренные и монотонные, точно гул механизмов, скрытых глубоко под землей. Со дна сузившегося ущелья им открывалась тоненькая полоска неба, тоже вобравшего в себя этот серый готический сумрак, зыбкий, бурлящий в противоборстве холодных и теплых воздушных потоков.

— Пожалуйста, пожалуйста!

Мальчик поднял кулак, как будто хотел ударить стрелка.

— Нет.

Мальчик удивленно взглянул на него.

— Вы убьете меня! Он убил меня в первый раз, а теперь вы убьете. И мне кажется, вы это знаете.

Стрелок почувствовал у себя на губах горький вкус лжи и все-таки произнес ее:

— Все с тобой будет в порядке.

И еще большую ложь:

— Я же буду тебя защищать.

Лицо у Джейка вдруг стало серым, и больше он ничего не сказал. Нехотя он протянул стрелку руку. Вот так, держась за руки, они обогнули изгиб горной речки и вышли к последней отвесной стене гранита и столкнулись лицом к лицу с человеком в черном.

Он стоял не более чем в двадцати футах над ними, справа от водопада, который с грохотом низвергался из громадной, с зазубренными краями дыры в скале. Невидимый ветер трепал полы его черного балахона. В одной руке он держал посох, вторую поднял в шутливом приветственном жесте. Застывший на каменном выступе под этим колышущимся хмурым небом, он был похож на пророка — пророка погибели, а его голос звучал, словно глас Иеремии:

— Стрелок! Ты, я смотрю, в точности исполняешь древние предсказания! День добрый, день добрый, день добрый! — Он рассмеялся и поклонился со смехом, и смех прокатился по скалам гремящим эхом, перекрыв даже рев водопада.

Не раздумывая, стрелок вытащил револьверы. У него за спиной, чуть справа, съежился мальчик — испуганной маленькой тенью.

Только после третьего выстрела Роланду удалось овладеть своими предательскими руками. Эхо выстрелов отскочило бронзовым рикошетом от скал, что громоздились вокруг, заглушив свист ветра и рев воды.

Осколки гранита брызнули над головой человека в черном; вторая пуля ударила слева от его черного

капюшона, третья — справа. Стрелок промахнулся трижды.

Человек в черном рассмеялся. Громким искренним смехом, который как будто бросал дерзкий вызов замирающим отзывкам выстрелов.

— Ты ищешь ответы, стрелок? Думаешь, их найти так же просто, как выпустить пулю?

— Спускайся, — сказал стрелок. — Сделай, как я говорю, и ответы будут.

И снова смех — глумливый, раскатистый.

— Я боюсь не твоих пуль, Роланд. Меня пугает твоя одержимость найти ответы.

— Спускайся.

— На той стороне, стрелок. На той стороне мы с тобой поговорим. Долго поговорим, обстоятельно.

Взглянув на Джейка, человек в черном добавил:

— Только мы. Вдвоем.

Джейк отшатнулся, издав короткий жалобный вскрик. Человек в черном резко отвернулся — его плащ взметнулся в сером свете, точно крылья летучей мыши, — и скрылся в расщелине в скале, откуда могучей струей низвергалась вода. Стрелок проявил непреклонную волю и не стал стрелять ему вслед. *Ты ищешь ответы, стрелок? Думаешь, их найти так же просто, как выпустить пулю?*

Слышались только свист ветра и рев воды — звуки, которые разносились по этим скорбным и одиноким скалам уже тысячу лет. И все-таки человек в черном был рядом. Прошло целых двенадцать лет, и Роланд наконец снова увидел его вблизи. И они даже поговорили. И человек в черном над ним посмеялся.

На той стороне мы с тобой поговорим. Долго поговорим, обстоятельно.

Мальчик смотрел на него, мальчика била дрожь. На мгновение стрелку привиделось, что на месте лица парнишки вдруг проступило лицо Элли, той женщины из Талла со шрамом на лбу, и шрам был словно безмолвное обвинение. Его вдруг охватила дикая ненависть к ним обоим (и только потом, много позже, его осенило, что шрам у Элли на лбу располагался точно в том месте, где и гвоздь, пронзивший лоб Джейка в его кошмарах). Джейк как будто прочел его мысли или, может быть, уловил только общее настроение стрелка, и с его губ сорвался тяжелый стон. Сорвался и тут же замер. Мальчуган закусил губу. У него было все для того, чтобы стать настоящим мужчиной, может быть, даже стрелком — по праву. Если бы только ему дали вырасти.

Только мы. Вдвоем.

Стрелок вдруг почувствовал жгучую тоску, великую и нечестивую жажду, угнездившуюся в неизведанных безднах тела, жажду, которую не утолишь никакой водой, никаким вином. Миры содрогались чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, и стрелок пытался бороться с этой внутренней порчей, понимая холодным умом, что все эти попытки — напрасны, и всегда будут напрасны. В конце всегда остается одно лишь ка.

Был полдень. Стрелок запрокинул голову, чтобы хмурый неверный свет дня упал ему на лицо, в последний раз озаряя своим сиянием уязвимое солнце его добродетели. «Серебром за предательство не расплатиться, — подумал он. — Цена любого предательства — это всегда чья-то жизнь».

— Можешь пойти со мной или остаться, — сказал стрелок.

Мальчик ответил невеселой и жесткой усмешкой — точно такой же, как у его отца, хотя сам он об этом не знал.

— А если я здесь останусь, один, в горах, — сказал он, — со мной все будет в порядке. Меня обязательно кто-то спасет. Принесет пирожки и сандвичи. И еще кофе в термосе. Да?

— Можешь пойти со мной или остаться, — повторил стрелок, и что-то сдвинулось у него в голове. Это был миг разрыва. В этот миг маленький человечек, стоявший сейчас перед ним, перестал быть Джейком и стал просто мальчиком — безликой пешкой, которую можно передвигать и использовать.

В обдуваемом ветром безмолвии раздался чей-то пронзительный крик. Они оба слышали это, стрелок и мальчик.

Стрелок первым пошел вперед. Через секунду Джейк двинулся следом. Они вместе поднялись на обвалившуюся скалу рядом с холодной бездушной струей водопада, постояли на каменном выступе, где стоял человек в черном, и вместе вошли в пролом, где он скрылся. Их поглотила тьма.

Глава 4

Недоумки-мутанты

|

Стрелок рассказывал медленно, в сбивчивом и неровном ритме, как это бывает, когда человек разговаривает во сне:

— Нас было трое: Катберт, Алан и я. Вообще-то нам не полагалось там находиться, в ту ночь. Ведь мы еще, как говорится, не вышли из детского возраста. Если бы нас там поймали, Корт выпорол бы нас от души. Но нас не поймали. Я так думаю, что и до нас никто не попадался. Ну, как иной раз мальчишки тайком примеряют отцовские штаны: повернутся в них перед зеркалом и повесят обратно в шкаф. Вот так же и здесь. Отец делает вид, будто не замечает, что его штаны висят не на том месте, а под носом у сына — следы от усов, намалеванных ваксой. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Мальчик молчал. Он не промолвил ни слова с тех пор, как они углубились в расщелину, оставив солнечный свет снаружи. Стрелок же, наоборот, говорил не умолкая — горячо, возбужденно, — чтобы запол-

нить безмолвную пустоту. Войдя в темные недра гор, он ни разу не оглянулся на свет. А вот мальчик оглядывался постоянно. Стрелок видел, как угасает день — видел его отражение на щеках у парнишки, как в мягком зеркале: вот свет нежно-розовый, вот — молочно-матовый, вот — как бледное серебро, вот — как последние отблески вечерних сумерек, а вот — его больше нет. Стрелок зажег факел, и они двинулись дальше.

Наконец они остановились. Разбили лагерь в глухой тишине, где не было слышно даже эха шагов человека в черном. Может, он тоже остановился передохнуть. Или, может быть, так и несся вперед — без огня — по чертогам, залитым вечной ночью.

— Это происходило один раз в году, на Первый Сев, — продолжал стрелок. — Котильон на Ночь Первого Сева — или Каммала, как называли его старики, от слова, которое означает «рис». Большой бал в Большом Зале. Его правильное название — Зал Предков. Но для нас это был просто Большой Зал.

До них доносился звук капающей воды.

— Придворный ритуал, как и любой из весенних балов. — Стрелок неодобрительно хохотнул, и бездушные камни отзывались гулким эхом, превращая звук смеха в безумный гогот. — В стародавние времена, как написано в книгах, так праздновали приход весны. Его еще иногда называли Новой Землей, или Свежей Каммалой. Но, знаешь ли, цивилизация...

Он умолк, не зная, как описать суть изменений, стоявших за этим бездушным и мертвым словом: гибель романтики и ее выхолощенное плотское подобие, мир, существующий только на искусственном дыхании блеска и церемониала; геометрически выверенные па придворных, выступающих в танце на балу на

Ночь Первого Сева — в степенном танце, заменившем собой безумную пляску любви, дух которой теперь только смутно угадывался в этих чопорных фигурах. Пустое великолепие вместо безыскусной и буйной, всепоглощающей страсти, что потрясала когда-то людские души. Ему самому довелось испытать это сладостное потрясение. С Сюзан Дельгадо, в Меджисе. Он обрел свою истинную любовь — и тут же ее потерял. Давным-давно, в незапамятные времена, жил на свете великий король, вот что он мог бы сказать мальчику. Великий Эльд, чья кровь — пусть и порядком разжиженная — течет в моих жилах. Но королей давно нет, малыш. Во всяком случае, в мире света.

— Они сотворили из этого что-то упадочное, не здоровое, — продолжал стрелок. — Представление. Игру. — В его голосе явственно прозвучало безотчетное отвращение затворника и аскета. И если бы у них было больше света, было бы видно, как он изменился в лице. Его лицо сделалось горестным и суровым, хотя основа его естества не ослабла с годами. Хронический недостаток воображения, который по-прежнему выдавало это лицо, по своей исключительности не смог бы сравниться ни с чем.

— Но этот бал, — выдохнул он. — Этот бал...

Мальчик молчал.

— Там были люстры. Из прозрачного хрусталя. Масса стекла, пронизанного искровым светом. Казалось, весь зал состоит из света. Он был точно остров света.

Мы прокрались на один из старых балконов. Из тех, которые считались небезопасными и куда запрещалось ходить. Но мы были еще мальчишками. А мальчишки — это всегда мальчишки. Для нас все таило в себе опасность, ну так и что с того?! Ведь мы будем

жить вечно. В этом мы не сомневались — даже когда говорили о том, что мы все умрем как герои. Потому что иначе — никак.

Мы взобрались на самый верх, откуда нам было все видно. Я даже не помню, чтобы кто-то из нас произнес хоть слово. Мы просто смотрели — часами.

Там стоял большой каменный стол, за которым сидели стрелки со своими женщинами, наблюдая за танцами. Кое-кто из стрелков танцевал, но таких было немного — и только самые молодые. Помню, среди танцоров был и тот молодой стрелок, который казнил Хакса. А старшие просто сидели, и мне казалось, что среди всего этого яркого света, среди этого цивилизованного света, они себя чувствуют неуютно. Их глубоко уважали, их даже боялись. Они были стражами и хранителями. Но в этой толпе вельмож и их утонченных дам они выглядели точно конюхи...

Там было еще четыре круглых стола, уставленных яствами. Столы беспрерывно вращались. Поварята сновали туда-сюда, с семи вечера до трех ночи. Столы вращались, как стрелки часов, и даже до нас доходили запахи: жареной свинины, говядины и омаров, цыплят и печеных яблок. Там были мороженое и конфеты. И громадные, пышущие жаром вертела с мясом.

Мартен сидел рядом с моими родителями. Я их узнал даже с такой высоты. Один раз они танцевали. Мама с Мартеном. Медленно так кружились. И все расступились, чтобы освободить им место, а когда танец закончился, им рукоплескали. Стрелки, правда, не хлопали, но отец неторопливо поднялся из-за стола и протянул маме руку. А она подошла к нему, улыбаясь, и взяла за руку.

Да, это было торжественное мгновение. Даже мы, наверху, это почувствовали. К тому времени мой отец

уже собрал свой ка-тет — Тет Револьвера — и его должны были вскорости объявить Дином — Старшим Гилеада, если не всех внутренних феодов. И все это знали. И Мартен знал лучше всех... кроме, может быть, Габриэль Веррисс.

Мальчик спросил, причем было видно, что ему вообще не хотелось ничего спрашивать:

— Это кто? Ваша мама?

— Да. Габриэль-из-Великих-Вод, дочь Алана, жена Стивена, мать Роланда. — Стрелок усмехнулся, развел руками, как бы говоря: «Вот он я, ну и что с того?» — и вновь уронил их на колени.

— Мой отец был последним из правителей света.

Стрелок опустил глаза и уставился на свои руки. Мальчик молчал.

— Я помню, как они танцевали, — тихо проговорил стрелок. — Моя мать и Мартен, советник стрелков. Я помню, как они танцевали — то подступая близко-близко друг к другу, то расходясь в старинном придворном танце.

Он поглядел на мальчика и улыбнулся.

— Но это еще ничего не значило, понимаешь? Потому что власть переменилась, и как она переменилась, никто не понял, но все это почувствовали. И мать моя принадлежала всецело тому, кто обладал этой властью и мог ею распоряжаться. Разве нет? Ведь она подошла к нему, когда танец закончился, правильно? И взяла его за руку. И все им аплодировали: весь этот зал, все эти женоподобные мальчики и их нежные дамы... ведь они ему рукоплескали? И восхваляли его? Разве не так?

Где-то там, в темноте, капли воды стучали о камень. Мальчик молчал.

— Я помню, как они танцевали, — тихо повторил стрелок. — Я помню...

Он поднял глаза к неразличимому во тьме каменному своду. Казалось, он готов закричать, разразиться проклятиями, бросить слепой и отчаянный вызов этой тупой и бесчувственной массе гранита, который упрятал их хрупкие жизни в свою каменную утробу.

— В чьей руке был нож, оборвавший жизнь моего отца?

— Я устал, — тоскливо проговорил мальчик.

Стрелок замолчал, и мальчик улегся на каменный пол, подложив ладошку между щекой и голым камнем. Пламя факела сделалось тусклым. Стрелок свернулся, как папироску. В зале его воспаленной памяти все еще сиял тот хрустальный свет, еще гремели ободряющие возгласы во время обряда посвящения, бессмысленного в оскудевшей стране, уже тогда безнадежно противостоящей серому океану времени. Воспоминания об острове света терзали его и теперь — горько, безжалостно. Стрелок отдал бы многое, чтобы повернуть время вспять и никогда не увидеть ни этого света, ни того, как отцу наставляют рога.

Он выпустил дым изо рта и ноздрей и подумал, глядя на мальчика: «Сколько нам еще кружить под землей? Вот мы кружимся, кружимся, и неизменно приходим в исходную точку, и надо опять начинать все сначала. Вечное возобновление — вот проклятие света.

Когда мы снова увидим свет солнца?»

Он уснул.

Когда его дыхание стало глубоким и ровным, мальчик открыл глаза и поглядел на стрелка с выражением, очень похожим на любовь. Но на больную любовь. Последний отблеск догоревшего факела отразился в его зрачке и утонул там, в черноте. Мальчик тоже уснул.

II

В неизменной, лишенной примет пустыне стрелок почти что утратил всякое ощущение времени, а здесь, в этих каменных залах под горным массивом, где царила кромешная тьма, он утратил его окончательно. Ни у стрелка, ни у парнишки не было никаких приборов, измеряющих время, и само понятие о часах и минутах давно стало для них бессмысленным. Можно сказать, они пребывали теперь вне времени. День мог оказаться неделей, а неделя — одним днем. Они шли, они спали, они что-то ели, но никогда — досыта. Их единственным спутником был непрестанный грохот воды, пробивающей себе дорогу сквозь камень. Они двигались вдоль неглубокой речки, пили воду, насыщенную минеральными солями, очень надеясь, что они не отравятся и не умрут. Временами стрелку представлялось, что на дне потока он видит блуждающие огоньки, но он каждый раз убеждал себя, что это всего лишь образы, спроектированные вовне его мозгом, который еще не забыл, что такое свет. Но он все-таки предупредил мальчугана, чтобы тот не заходил в воду.

Внутренний дальномер у него в голове уверенно вел их вперед.

Тропинка вдоль речки (а это действительно была тропинка: гладкая, слегка вогнутая) неуклонно вела наверх — к истокам реки. Через равные промежутки на ней возвышались круглые каменные колонны с железными кольцами у оснований. Должно быть, когда-то к ним привязывали волов или рабочих лошадей. На каждом столбе сверху крепилось что-то вроде стального патрона-держателя для электрических факелов, но в них давно уже не было жизни и света.

Во время третьей остановки для «отдыха перед сном» мальчик решился немного пройтись вперед. Стрелок различал, как в глухой тишине шуршат мелкие камушки — под его неуверенными шагами.

— Ты там осторожнее, — сказал он. — Ни черта же не видно.

— Я потихоньку. Здесь... ничего себе!

— Что там?

Стрелок привстал, положив руку на рукоять револьвера.

Повисла короткая пауза. Стрелок тщетно напрягал глаза, пытаясь взглянуться в кромешную тьму.

— По-моему, это железная дорога, — с сомнением протянул мальчик.

Стрелок поднялся и осторожно двинулся на голос Джейка, ощупывая ногой землю перед собой, прежде чем сделать шаг.

— Я здесь.

Рука, невидимая в темноте, прикоснулась к лицу стрелка. Мальчик хорошо ориентировался в темноте, даже лучше, чем сам стрелок. Его зрачки расширились так, что от радужной оболочки почти совсем ничего не осталось; стрелок это увидел, когда зажег худосочный факел, вернее, жалкое его подобие. В этой каменной угробе не было ничего, что могло бы гореть, а те запасы, которые были у них с собой, быстро таяли. А временами желание зажечь огонь становилось просто неодолимым. Так стрелок и узнал, что голод бывает не только к еде, но и к свету.

Мальчик стоял у изогнутой каменной стены, по которой тянулись, теряясь во тьме, параллельные металлические полоски; на них держались какие-то черные провода, по которым когда-то текло электри-

чество. А по земле, поднимаясь на несколько дюймов над каменным полом, шла металлическая колея. Что ходило по ней в стародавние времена? Стрелку представлялись только зловещие электрические снаряды, что летели сквозь эту вечную ночь, пронзенную устрашающими, рыщущими глазами прожекторов. Он ни о чем таком в жизни не слышал. Но в мире еще существуют обломки прошлого, как существуют и демоны тоже. Когда-то он знал одного отшельника, возымевшего едва ли не религиозную власть над жалкой кучкой скотоводов лишь потому, что безраздельно владел дровней бензоколонкой. Отшельник садился на землю, хозяйствским жестом приобнимал колонку одной рукой и выкрикивал свои дикие, грязные и зловещие проповеди. Время от времени он просовывал все еще блестящий стальной наконечник, прикрепленный к прогнившему резиновому шлангу, себе между ног. На колонке — вполне отчетливо, пусть даже и тронутыми ржавчиной буквами — было написано что-то совсем уже непонятное: АМОКО. Без свинца. Амоко превратился в их тотем, в символ бога Грома, и они поклонялись ему и приносили ему в жертву овец и рев моторов: *Ppppppppp! Ppppp! Ppppppppp!*

«Как обломки погибших кораблей, — подумал стрелок. — Всего лишь бессмысленные обломки в песке, который когда-то был морем».

В том числе и эта железная дорога.

— По ней и пойдем, — сказал он.

Мальчик опять промолчал.

Стрелок загасил факел, и они легли спать.

Когда Роланд проснулся, оказалось, что мальчик уже не спит. Он сидел на железном рельсе и смотрел

на стрелка, пусть даже ему было совсем ничего не видно — в кромешной тьме.

Они зашагали вдоль рельсов, точно пара слепых: стрелок — впереди, мальчик — следом. Они шли, пробираясь на ощупь, стараясь, в точности как слепые, все время касаться рельса одной ногой. И вновь их единственным спутником был рев бегущей по правую руку реки. Они шли молча, и так продолжалось три периода бодрствования подряд. Стрелку не хотелось даже связно мыслить, не говоря уж о том, чтобы обдумывать планы дальнейших действий. И спал он без сновидений.

А во время четвертого периода они в прямом смысле слова наткнулись на брошенную дрезину.

Стрелок ударился об нее грудью, мальчик — он шел по другой стороне — прямо лбом. Он упал, тихо вскрикнув.

Стрелок немедленно зажег факел.

— Ты как там, нормально?

Слова прозвучали резко, едва ли не раздраженно. Даже сам он невольно поморщился.

— Да.

Мальчик осторожно потрогал голову, потом тряхнул ею, как будто затем, чтобы самому убедиться, что с ним действительно все в порядке. Они обернулись, чтобы посмотреть, во что они врезались.

Оказалось, что это какая-то плоская металлическая платформа, безмолвно стоявшая на рельсах. В центре из пола платформы торчал рычаг. Стрелок не знал, что это за штуковина, но мальчик узнал ее сразу:

— Это дрезина.

— Что?

— Дрезина, — нетерпеливо повторил мальчик. — Как в старых мультишках. Смотрите.

Парнишка взобрался на платформу и подошел к рычагу. Ему удалось опустить рычаг вниз, но для этого ему пришлось навалиться на него всем своим весом. Дрезина продвинулась чуть вперед по рельсам — бесшумно, точно фантом вне времени.

— Хорошо, — сказал тусклый механический голос. Оба, стрелок и мальчик, даже подпрыгнули от неожиданности. — Хорошо, давай еще раз... — Механический голос умер.

— Работает, только тяжеловато идет, — сказал парнишка, словно извиняясь.

Стрелок тоже взобрался на платформу и нажал на рычаг. Дрезина послушно двинулась вперед, немного проехала и остановилась.

— Хорошо, давай еще раз, — проговорил механический голос.

Стрелок почувствовал, как у него под ногами прорвился ведущий вал. Ему понравилось действие этого устройства. И понравился механический голос (хотя стрелок уже постановил про себя, что будет слушать его не дольше, чем это необходимо). Это был первый попавшийся ему за многие годы древний механизм, не считая того насоса на дорожной станции, который работал исправно. Ему это понравилось, но и встревожило тоже. Дрезина гораздо быстрее доставит их по назначению. И стрелок даже не сомневался, что человек в черном подстроил и это тоже: чтобы они нашли эту машину.

— Правда, здорово? — Голос парнишки был преисполнен искреннего отвращения. А потом была только непробиваемая тишина. Стрелок слышал только биение своего сердца и гулкие отзвуки капель — и все.

— Вы стойте на той стороне, я — на этой, — сказал Джейк. — Вам придется толкать ее одному, пока она как следует не разгонится. А потом я вам помогу. Вы надавите, я надавлю. Так и поедем. Понятно?

— Понятно.

Стрелок сжал кулаки в беспомощном жесте отчаяния.

— Но сперва вам придется толкать ее одному, пока она не разгонится, — повторил мальчик, глядя прямо на стрелка.

А перед мысленным взором стрелка неожиданно встала живая картина: Большой Зал через год после весеннего бала. Теперь Зал Предков лежал в руинах, разоренный восстанием, гражданской войной и вторжением. Следом нахлынули воспоминания об Элли, той, со шрамом, из Талла — как она упала, сраженная пулями из его револьверов. Он убил ее безо всякой причины... если рефлексы нельзя считать за причину. Потом ему вспомнился Катберт Оллгуд. Как он смеялся, сбегая с холма — навстречу собственной смерти, так и трубя в этот проклятый рог... Роланд как будто воочию увидел его лицо — и лицо Сюзан, исаженное плачем. Все мои старые друзья, подумал стрелок и улыбнулся зловещей и страшной улыбкой.

— Значит, буду толкать, — сказал он.

И взялся за дело. И когда механический голос включился снова («Хорошо, давай еще раз! Хорошо, давай еще раз!»), Роланд принялся шарить рукой по железному столбику, на котором крепился рычаг. Наконец он нашел, что искал. Там была кнопка, на которую он и нажал.

— Пока, дружище! До скорой встречи! — бодро проговорил механический голос, после чего наступила благословенная тишина.

III

Они катились сквозь непроглядную тьму, теперь гораздо быстрее, поскольку им больше не надо было вслепую нащупывать путь. Механический голос включался еще два раза: в первый раз, чтобы предложить им чипсов «Crisp-A-La», и еще раз — чтобы сообщить, что после напряженного трудового дня нет ничего лучше, чем пачка печенья «Larchies». Выдав этот бесценный совет, голос умолк насовсем.

Постепенно дрезина — неповоротливая поначалу, после стольких лет вынужденного бездействия — раскочегарилась и пошла гладко. Мальчик честно пытался помочь, и стрелок иной раз уступал, но большей частью трудился один, размашистыми движениями качая рычаг вверх-вниз. Подземная река оставалась их верным попутчиком, то подступая совсем-совсем близко, то уходя дальше вправо. Однажды она оглушила их мощным и гулким грохотом, словно вдруг пронеслась по нартексу доисторического собора. А в другой раз шума воды стало почти не слышно.

Казалось, скорость и ветер, бьющий в лицо от движения дрезины, заменили собой зрение и вернули им ощущение пространства и времени. Стрелок прикинул, что они делают от десяти до пятнадцати миль в час. Дорога шла вверх, поднимаясь пологим, обманчиво незаметным уклоном, который, однако, изрядно его утомил. Едва они остановились на отдых, стрелок сразу уснул как убитый. Провизии осталось всего ничего, но ни стрелка, ни парнишку это уже не волновало.

Стрелок еще не улавливал напряжения приближающейся кульминации, но для него оно было таким же реальным (и нарастающим), как и усталость

от управления дрезиной. Они уже приближались к концу первой фазы... во всяком случае, он приближался. Он себя чувствовал как актер, стоящий посередине громадной сцены за минуту до поднятия занавеса: актер, который уже принял необходимую позу и готовится произнести первую реплику, которая уже вертится в голове; ему слышно, как невидимые пока зрители шуршат программками и рассаживаются по местам. Теперь он уже постоянно ощущал где-то внутри, в животе, тугой комок нехорошего предвкушения и был даже рад, что физическое утомление помогает ему заснуть. А когда он засыпал, то спал как убитый.

Мальчик уже почти не разговаривал. Но однажды во время привала, незадолго до того, как на них напали недоумки-мутанты, он спросил у стрелка, почти робко, о том, как он стал взрослым.

— Мне надо знать, — сказал он.

Стрелок сидел, привалившись спиной к рычагу и держа во рту папироску. (Кстати, запас табака тоже уже подходил к концу.) Он уже засыпал, когда мальчик вдруг задал свой вопрос.

— А зачем тебе? — удивился стрелок.

— Просто мне интересно. — Голос мальчишки был на удивление упрямым, как будто он хотел скрыть смущение. Помолчав, он добавил: — Мне всегда было интересно, как люди становятся взрослыми. А спросишь у взрослых, так они обязательно соврут.

— Кое-что ты уже знаешь, — сказал стрелок. — Но что я рассказывал... это все-таки не о том, как я стал взрослым. Наверное, я начал взрослеть уже после того... ну, о чем я тебе говорил...

— Расскажите о том, как вы вызвали на поединок учителя, — попросил Джейк.

Роланд кивнул. Да, все правильно. Любому мальчишке было бы интересно послушать такую историю.

— Но по-настоящему я повзрослел, когда папа отправил меня в путешествие. И этапы этого путешествия стали этапами моего взросления. — Он помедлил. — Однажды я видел, как вешали человека, которого не было.

— Человека, которого не было? Это как?

— Его можно было потрогать, но нельзя было увидеть.

Джейк кивнул с пониманием.

— Это был человек-невидимка.

Роланд удивленно приподнял бровь. Он раньше не слышал, чтобы их так называли, этих людей, которых нет.

— Правда?

— Ага.

— Ну ладно, как скажешь. Но как бы там ни было, там были люди, которые не хотели, чтобы я это делал, — они говорили, что они будут прокляты, если я это сделаю, но этот парень... человек-невидимка... он насиловал женщин. Знаешь, что это такое?

— Да, — сказал Джейк. — И у него это, наверное, легко получалось, раз он невидимка. И трудно было его поймать?

— Об этом я расскажу в другой раз. — Роланд знал, что другого раза уже не будет. Они оба об этом знали. — А еще через два года я бросил девушку. В одном местечке, называлось оно Королевский Поселок. Бросил, хотя не хотел бросать...

— Нет, вы хотели, — вдруг сказал мальчик. Он сказал это тихо и даже мягко, но с явным презрением в голосе. — Потому что вам надо было дойти до Баш-

ни. Вам надо было идти, несмотря ни на что... как этим ковбоям, на отцовском канале.

Роланд почувствовал, как кровь жаркой волной прилила к лицу, но, когда он заговорил, его голос оставался спокойным и ровным:

— Наверное, это и был мой последний этап взросления. Вот так я и взрослел — от случая к случаю. Но когда что-то такое происходило, я понимал это не сразу, истинный смысл происшедшего открывался мне позже.

До стрелка вдруг дошло, что он пытается уйти от ответа на конкретный вопрос, заданный мальчиком, и он почувствовал себя неловко.

— Наверное, обряд совершеннолетия тоже был очередным этапом, — нехотя выдавил он. — Такой официальный, почти стилизованный: что-то вроде придворного бального танца. — Стрелок издал неприятный смешок.

Мальчик молчал.

— Нужно было доказать, что ты стал мужчиной. Доказать в боевом поединке, — начал стрелок.

IV

Лето и зной.

Полная Земля набросилась на истомленный край, точно любовник-вампир, убивая почву своим иступленным жаром, а вместе с ней — и посевы фермеров. Поля вокруг города-крепости Гилеада превратились в стерильную белую пустошь. А в нескольких милях к западу, у самых границ, где кончался цивилизованный мир, уже началась война. Новости, что приходили оттуда, были неутешительными. Но

даже они меркли перед безжалостным зноем, царившим здесь — в самом центре. Скотина в загонах на скотных дворах стояла, тараща пустые глаза, не в силах даже пошевелиться. Свиньи вяло похрюкивали, забыв не только о ножах, уже наточенных в преддверии осени, но даже о том, чтобы плодиться и размножаться. Люди, как всегда, жаловались на жизнь и проклинали налоги вместе с военным призывом, но за всей этой политической игрой — апатичной, при всем показном энтузиазме — скрывалась одна пустота. Центр обветшал, как протершийся старый ковер, который сотню раз мыли, потом снова топтали ногами, выбивали и вывешивали посушиться на солнышко. Нити, что удерживали последние самоцветы на истощенной груди мира, уже распускались. Все распадалось. Земля затаила дыхание — в то лето близящегося упадка.

Мальчик бесцельно бродил по верхнему коридору того каменного пространства, которое было его домом, — он чувствовал, что готовится что-то плохое, хотя и не понимал, что происходит. Он тоже был пуст и опасен и ждал того, что наполнит эту внутреннюю пустоту.

С тех пор как повесили повара — того самого Хакса, у которого всегда находилось что-нибудь вкусненькое для голодных мальчишек, — минуло уже три года. За это время мальчик поправился и возмужал. И вот теперь, одетый только в повылинявшие штаны из хлопчатобумажной ткани, четырнадцати лет от роду, широкогрудый и длинноногий, он выказывал все признаки, что из него выйдет храбрый и сильный мужчина. Он был еще девственником, но две бойкие дочурки одного купца из Западного Города уже вовсю строили ему глазки. Он тоже испытывал к ним вле-

чение, и теперь оно проявлялось еще острее. Даже здесь, в этом прохладном каменном коридоре, все его тело покрылось испариной.

Дальше по коридору располагались покой матери, но он сейчас не собирался туда заходить. Он собирался подняться на крышу, где его ждали легкий ветерок и все удовольствия, которые молоденькие мальчишки доставляют себе рукой.

Он уже прошел мимо двери, как вдруг кто-то окликнул его:

— Эй, мальчик!

Это был Мартен, советник, одетый с подозрительной, настораживающей небрежностью: черные облегающие штаны, почти как трико, и белая рубаха, расстегнутая на безволосой груди. Его волосы были взъерошены.

Мальчик молча смотрел на него.

— Входи, входи! Не стой в коридоре. Твоя мама хочет с тобой поговорить. — Он улыбался, но только одними губами. Его глаза были насмешливыми и язвительными. А за этой насмешкой был только холод.

Но мама, похоже, совсем не горела желанием его видеть. Она сидела в кресле у большого окна в центральной гостиной — того самого, что выходило на раскаленную каменную мостовую внутреннего двора. На ней было простое домашнее платье, и оно постоянно сползало с одного плеча, и она только раз поглядела на сына — быстрый промельк печальной улыбки, как отражение осеннего солнца в текучей воде. Потом она опустила глаза и все время, пока они говорили, пристально изучала свои руки.

Теперь они виделись редко, и призраки колыбельных песен

(чик-чирик, не бойся кошеч)

уже почти стерлись у него из памяти. Она сделалась для него чужой, но осталась любимой. Он испытывал смутный страх, и в душе у него поселилась неистребимая ненависть к Мартену, который был правой рукой отца.

— Ты как, Ро, нормально? — тихо спросила она, изучая свои руки. Мартен встал рядом с ней. Его рука тяжело опустилась на мамино оголившееся плечо — в том месте, где оно соединялось с ее белой шеей. И еще он улыбался. Им обоим. Когда Мартен улыбался, его карие глаза темнели и становились почти что черными.

— Нормально, — ответил мальчик.

— А учишься как, хорошо? Ванни тобой доволен? А Корт? — Когда мать назвала имя Корта, она невольно скривилась, как будто съела что-то горькое.

— Я стараюсь.

Они оба знали, что он не такой умный, как Катберт, и не такой смышленый, как Джейми. Он был тугодумом, но зато упорным трудягой. Хотя даже Алан учился лучше.

— А как Давид? — Она знала, как сын привязан к соколу.

Мальчик взглянул на Мартена. Тот по-прежнему покровительственно улыбался.

— Уже миновал свою лучшую пору.

Мать как будто поморщилась; на мгновение лицо Мартена потемнело, и он еще крепче сжал ее плечо. А потом мать повернула голову, поглядела на раскаленную белизну знойного дня за окном, и все опять стало как прежде.

«Это такая шарада, — подумал мальчик. — Игра. Но кто с кем играет?»

— У тебя на лбу ссадина, — сказал Мартен, продолжая улыбаться. Он небрежно ткнул пальцем в отметину от последней

(спасибо тебе за науку, учитель)

Кортовой воспитательной взбучки.

— Ты что, будешь таким же бойцом, как и твой отец, или ты просто нерасторопный?

На этот раз мать и вправду поморщилась.

— И то и другое, — ответил мальчик, потом поглядел прямо в глаза Мартену и изобразил натужную улыбку. Даже здесь, в помещении, было слишком жарко.

Мартен вдруг перестал улыбаться.

— Теперь можешь пойти на крышу, малыш. Кажется, у тебя там дела.

— Моя мать еще не отпустила меня, вассал!

Мартен поморщился, словно его хлестнули плетью. Мальчик услышал, как мать вздохнула, горестно и тяжело. Она называла его по имени.

Но эта натянутая, болезненная улыбка так и застыла на лице мальчика. Он шагнул вперед.

— Как я понимаю, ты должен мне поклониться, в знак верности. Во имя отца моего, которому ты, вассал, служишь и подчиняешься.

Мартен уставился на него, не веря своим ушам.

— Ступай, — произнес он мягко. — Ступай и зами свою руку делом.

Мальчик ушел, улыбаясь.

Когда он закрыл за собой дверь, он услышал, как мать закричала. Это был вопль баньши, предвещающей смерть. А потом — нет, так не бывает, не может быть — звук пощечины. Отцовский слуга ударил его мать и сказал ей, чтобы она заткнулась.

Чтобы она заткнулась!

А потом он услышал смех Мартина.
Мальчик продолжал улыбаться. Так, улыбаясь, он и пошел на испытание.

V

Джейми как раз возвратился из города, где наслушался всякого от горластых торговок, и, как только увидел Роланда, проходившего по тренировочной площадке, сразу же подбежал к нему, чтобы пересказать все последние слухи о резне и мятежах на западе. Но, увидев лицо Роланда, он даже не стал его окликать. Они с Роландом знали друг друга с младенчества: подстрекали друг друга на всякие шалости, тузили друг друга, вместе исследовали потайные уголки крепости, в стенах которой они оба родились.

Роланд прошел мимо друга, глядя прямо перед собой, ничего вокруг не замечая — и улыбаясь все той же страшной улыбкой. Он шел к дому Корта, где все окна были задернуты плотными шторами — чтобы отгородиться от нещадно палящего солнца. Корт прилег вздремнуть после обеда, чтобы вечером сполна насладиться походом по бордельям нижнего города.

Джейми сразу же понял, что сейчас будет. Ему стало страшно и очень волнительно. И он никак не мог сообразить, что ему делать: сразу последовать за Роландом или сначала позвать остальных.

Но потом первое оцепенение прошло, и он со всех ног бросился к главному зданию, выкрикивая на ходу:

— Катберт! Ален! Томас!

В зноном воздухе его крики звучали тонко и слабенько. Они давно это знали. Благодаря этому внутреннему, непостижимому чутью, которым наделены

все мальчишки на свете, они знали, что Роланд будет первым, кто выйдет к черте. Но чтобы вот так... не рановато ли?

Никакие слухи о бунтах, войнах и черной магии не могли бы зажечь Джейми так, как эта пугающая улыбка на лице Роланда. Это было реальнее и серьезнее, чем досужие сплетни, пересказанные какой-нибудь беззубой бабой-зеленщицей над засиженными мухами кочанами салата.

Роланд подошел к дому учителя и пнул дверь ногой. Дверь распахнулась, хлопнула по грубо оштукатуренной стене и отскочила обратно.

Он вошел в этот дом в первый раз. Дверь с улицы вела прямо в спартанскую кухню, сумрачную и прохладную. Стол. Два жестких стула. Два кухонных шкафа. На полу — выцветший линолеум с черными дорожками, протянувшимися от крышки погреба до разделочного стола, над которым висели ножи, а оттуда — к обеденному столу.

Вот он: дом человека, чья жизнь проходит на людях, но который живет один. Поблекшая берлога неумного полуночного бражника и кутилы, который пусть грубо, по-своему, но все же любил ребятишек — вот уже трех поколений — и кое-кого из них сделал стрелками.

— Корт!

Он пнул ногой стол, так что тот проскользил через всю кухню и ударился в стойку с ножами. Ножи попадали на пол.

В соседней комнате что-то зашевелилось, раздался полусонный приглушенный кашель, как это бывает, когда человек прочищает горло. Но мальчик туда не пошел, зная, что это уловка, что Корт проснулся, как только он вошел в кухню, и теперь ждет за дверью,

сверкая своим единственным глазом, готовый свернуть шею незваному гостю, ворвавшемуся к нему в дом.

— Корт, выходи! Я пришел за тобой, смерд!

Он обратился к учителю на Высоком Слоге, и Корт рывком распахнул дверь. Он был почти голым, в одних трусах. Коренастый и плотный, с кривыми ногами, весь в шрамах и буграх мышц, с выпирающим круглым животиком. Но мальчик по опыту знал, что этот обманчиво дряблый животик был твердым как сталь. Единственный зрячий глаз Корта угрюмо уставился на Роланда.

Как положено, мальчик отдал учителю честь.

— Ты больше не будешь учить меня, смерд. Сегодня я буду учить тебя.

— Ты пришел раньше срока, сопляк, — небрежно проговорил Корт, но тоже на Высоком Слоге. — Года на два как минимум, с моей точки зрения. Я спрошу только раз: может, отступишься, пока не поздно?

Мальчик лишь улыбнулся своей новой страшной улыбкой. Для Корта, который видел такие улыбки на кровавых полях сражений чести и бесчестья, под небом, окрасившимся в алый цвет, это само по себе было ответом. Возможно, единственным ответом, которому он бы поверил.

— Да, невесело, — отрешенно проговорил учитель. — Ты был моим самым многообещающим учеником. Лучшим, я бы сказал, за последние два десятка лет. Мне будет жаль, когда ты сломаешься и пойдешь по слепому пути. Но мир сдвинулся с места. Грядут скверные времена.

Мальчик молчал (он бы вряд ли сумел дать какое-то связное объяснение, если бы его попросили о том напрямую), но впервые за все это время его пугающая улыбка слегка смягчилась.

— И все-таки есть право крови, — продолжал Корт. — Невзирая на бунты и черное колдовство на западе. Кровь сильнее. Я твой вассал, мальчик. Я признаю твоё право всем сердцем и готов подчиниться твоим приказам, даже если то будет в последний раз.

И Корт, который был его и пинал, сек до крови, ругал на чем свет стоит, насмехался над ним, как только не обзвывал, даже прыщом-сифилитиком, встал перед ним на одно колено и склонил голову.

Мальчик протянул руку и с изумлением прикоснулся к загрубевшей, натянутой плоти на шее наставника.

— Встань, вассал, и примиримся в любви и прощении.

Корт медленно поднялся, и мальчику вдруг показалось, что за застывшей, натянутой маской, в которую теперь превратилось лицо учителя, скрывается неподдельная боль.

— Только это напрасная трата. Мне будет жалко тебя потерять. Отступись, глупый мальчишка. Я нарушу свою же клятву. Отступись и обожди!

Мальчик молчал.

— Хорошо. Как ты сказал, так и будет. — Теперь голос Корта стал сухим, деловитым. — Даю тебе ровно час. Выбор оружия за тобой.

— А ты придешь со своей палкой?

— Как всегда.

— А сколько палок у тебя уже отобрали, Корт? — Это было равносильно тому, чтобы спросить: «Сколько мальчиков-учеников из тех, что вошли во двор на задах Большого Зала, вышли оттуда стрелками?»

— Сегодня ее у меня не отнимут, — медленно проговорил Корт. — И мне правда жаль. Такой шанс дается лишь раз, малыш. Только раз. И наказание за

излишнее рвение такое же, как и за полную несостоятельность. Разве нельзя обождать?

Мальчик вспомнил Мартина: как он стоял, возвышаясь над ним. Его улыбку. И звук пощечины из-за закрытой двери.

— Нет, нельзя.

— Хорошо. Какое оружие ты избираешь?

Мальчик молчал.

Корт растянул губы в улыбке, обнажив кривые зубы.

— Для начала вполне даже мудро. Стало быть, через час. Ты хоть понимаешь, что скорее всего ты уже никогда не увишишь своего отца, свою мать, своих братьев по ка?

— Я знаю, что значит изгнание, — тихо ответил мальчик.

— Тогда иди. И подумай, и вспомни лицо своего отца. Хотя тебе это уже не поможет.

Мальчик ушел не оглядываясь.

VI

В погребе под амбаром было обманчиво прохладно. Сыро. Пахло влажной землей и паутиной. Лучи вездесущего солнца проникали даже сюда, сквозь узкие пыльные окна, но тут хотя бы не чувствовалось изнуряющей дневной жары. Мальчик держал здесь сокола, и птицу, похоже, это вполне устраивало.

Теперь Давид состарился и больше уже не охотился в небе. Его перья поутратили былой блеск — а еще года три назад они так и сияли, — но взгляд оставался пронзительным и неподвижным, как прежде. Говорят, нельзя подружиться с соколом, если только ты

сам наполовину не сокол, одинокий и временный обитатель земли, без друзей и без надобности в друзьях. Сокол не знает, что такое мораль и любовь.

Теперь Давид стал старым соколом. И мальчик очень надеялся, что он сам — тоже сокол, но молодой.

— Привет. — Он протянул руку к жердочке, на которой сидел Давид. Тот перебрался на руку мальчика и снова застыл неподвижно, как был — без клобучка на голове. Свободной рукой мальчик залез в карман и вытащил кусочек вяленого мяса. Сокол проворно выхватил угощение из пальцев парнишки и проглотил.

Мальчик осторожно погладил Давида. Корт бы, наверное, глазам своим не поверил, если бы это увидел, но ведь он не поверил и в то, что время Роланда уже наступило.

— Скорее всего ты сегодня умрешь, — сказал он, продолжая гладить сокола. — Мне, похоже, придется тобой пожертвовать, как теми мелкими птишками, на которых тебя обучали. Помнишь? Нет? Ладно, не важно. Завтра соколом стану я, и каждый год в этот день я буду стрелять в небо — в память о тебе.

Давид сидел у него на руке, молча и не мигая, безразличный к своей жизни и смерти.

— Ты уже старый, — задумчиво продолжал мальчик. — И может быть, ты мне не друг. Еще год назад ты предпочел бы мой глаз этому куску мяса, верно? Вот бы Корт посмеялся. Но если мы подберемся к нему... если мы подберемся к нему поближе... и если он ничего не заподозрит... что ты выберешь, Давид? Спокойную старость — или все-таки дружбу?

Давид не ответил.

Мальчик надел на сокола клобучок и подобрал привязь. Они поднялись из подвала и вышли на свет.

VII

Двор на задах Большого Зала — это на самом деле не двор, а узкий зеленый коридор между двумя рядами разросшейся живой изгороди. Ритуал посвящения мальчиков в мужчины проходил здесь с незапамятных времен, задолго до Корта и даже его предшественника, Марка, который скончался именно здесь — от колотой раны, нанесенной слишком усердной и рьяной рукой. Многие мальчики вышли из этого коридора через восточный вход. Вход, предназначенный для учителя. Вышли мужчинами. Восточный конец коридора вел к Большому Залу, к цивилизации и интригам просвещенного мира. Но еще больше ребят, окровавленных и избитых, вышли отсюда через западный вход, предназначенный для мальчишек, — и остались мальчишками навсегда. Этот конец коридора выходил к горам и к хижинам поселенцев, за которыми простирались дебри дремучих лесов; за лесами был Гарлан, а еще дальше — пустыня Мохане. Те мальчишки, которые становились мужчинами, переходили от тьмы и невежества к свету и ответственности за других. А тем, которые не выдержали испытания, оставалось одно: изгнание. Навсегда. Коридор был зеленым и ровным, как площадка для игр. Длиной ровно пятьдесят ярдов. Точно посередине располагался узкий участок голой земли. Это была черта, разделявшая мальчиков и мужчин.

Обычно у каждого входа толпились возбужденные зрители и взволнованные родные, поскольку, как правило, день испытания объявлялся заранее. Восемнадцать — это был самый обычный возраст для испытуемых (те же, кто не решался пройти испытание до двадцати пяти, становились свободными землевла-

дельцами, и очень скоро про них забывали: про тех, кто не нашел в себе сил встретить лицом к лицу этот жестокий выбор «все или ничего»). Но в тот день не было никого. Только Джейми ДеКарри, Катберт Оллгуд, Ален Джонс и Томас Уитмен. Они столпились у западного входа для мальчишек и ждали там, затаив дыхание и не скрывая страха.

— Оружие, кретин! — прошипел Катберт, и в его голосе явственно слышалась боль. — Ты забыл оружие!

— Не забыл, — сказал Роланд. «Интересно, — подумал он, — а в главном здании уже знают? Знает ли мать... и Мартен?» Отец сейчас на охоте и вернется еще не скоро. Не раньше, чем через несколько дней. И Роланду было немного стыдно, что он не дождался его возвращения, потому что он чувствовал, что отец даже если бы и не одобрил его решение, то уж понял бы наверняка.

— Корт пришел?

— Корт уже здесь, — донесся голос с противоположного конца коридора, и Корт вышел вперед. Он был в короткой бойцовской фуфайке и с кожаной лентой на лбу, чтобы пот не заливал глаза. В руке он держал боевой посох из какого-то твердого дерева, заостренный с одного конца и напоминающий лопасть весла — с другого. Не тратя времени даром, он затянул литанию, которую все они, невольные избранныки по крови, еще со времен Эльда, знали с самого раннего детства: учили ее к тому дню, когда они, быть может, станут мужчинами.

— Ты знаешь, зачем ты пришел, мальчишка?

— Я знаю, зачем я пришел.

— Ты пришел как изгнаник из дома отца своего?

— Я пришел как изгнаник.

И он будет изгнаником до тех пор, пока не одолеет Корт. Если же Корт одолеет его, он останется изгнаником уже навсегда.

— Ты выбрал оружие?

— Я выбрал оружие.

— И каково же твое оружие?

Это было исконное право учителя, его шанс подготовиться к бою в зависимости от того, какое оружие выбрал ученик: пращу, копье, сеть или лук.

— Мое оружие — Давид.

Корт запнулся, всего лишь на долю секунды. Но он все равно удивился. Потому что не ожидал ничего подобного. И это было хорошо.

Может быть, хорошо.

— Ты готов выйти против меня, мальчишка?

— Я готов.

— Во имя кого?

— Во имя моего отца.

— Назови его имя.

— Стивен Дискейн из рода Эльда.

— А теперь к бою.

И Корт пошел на него по коридору, перекидывая свою палку из руки в руку. Мальчики встрепенулись, как стайка испуганных птиц, когда их товарищ — теперь уже старший товарищ, дан-дин — шагнул ему навстречу.

Мое оружие — Давид, учитель.

Понял ли Корт? Если да, то, возможно, уже все потеряно. Теперь все зависело от того, как сработает эффект неожиданности... и еще от того, как поведет себя сокол. А вдруг Давид будет равнодушно сидеть у него на руке, пока Корт вышибает ему мозги своей

тяжелой палкой, а то и вовсе бросит его и взлетит высоко в жаркое небо?

Они сходились, каждый — пока на своей стороне от черты. Мальчик недрогнувшей рукой снял с сокола клобучок. Клобучок упал в зеленую траву. И Корт сбился с шага. Мальчик увидел, как Корт быстро взглянул на птицу, и его единственный глаз широко распахнулся от удивления и запоздалого понимания. Да, теперь он все понял.

— Ну ты и придурок, — едва ли не простонал Корт, и Роланд вдруг разозлился, что его так обозвали.

— Возьми его! — крикнул он и вскинул руку.

И Давид сорвался с руки, и взлетел, как безмолвный живой снаряд; короткие крылья взмахнули один раз, другой, третий, и вот уже когти и клюв впились Корту в лицо. Брызнула кровь.

— Давай! Роланд! — в исступлении выкрикнул Катберт. — Первая кровь! Первая кровь у меня на груди! — Он ударил себя кулаком в грудь с такой силой, что синяк сошел только через неделю.

Корт отшатнулся и, потеряв равновесие, упал. Тяжелый посох взметнулся, но тщетно: ударил он только по воздуху. Сокол превратился в трепещущий, смазанный комок перьев.

Мальчик рванулся к поверженному учителю, выставив руку перед собой твердым клином, локтем вперед. Это был его шанс. Быть может, единственный шанс.

Корт чуть было не увернулся. Сокол закрывал ему почти весь обзор, но тяжелая палка опять поднялась затупленным концом вперед, и Корт хладнокровно прибег к единственному из оставшихся у него в арсенале приемов, который мог бы переломить ситуацию

в его пользу: он трижды ударил себя по лицу, безжалостно напрягая мускулы.

Давид упал, искалеченный. Одно крыло бешено билось о землю. Его холодные, немигающие глаза хищника впились яростным взором в окровавленное лицо Корта, где незрячий глаз слепо и страшно таращился из глазницы.

Мальчик со всей силы пнул Корта ногой в висок. По идею на этом все должно было закончиться: но — нет. На мгновение лицо Корта как-то обмякло, а потом он рванулся и схватил мальчика за ногу.

Мальчик дернулся, отступил и упал, растянувшись в траве. Откуда-то издалека до него донесся испуганный крик Джейми.

Корт уже поднялся, готовый упасть на Роланда и положить конец поединку. Мальчик утратил свое преимущество, и они оба об этом знали. Секунду они смотрели в глаза друг другу: ученик, распластертый на земле, и учитель, стоящий над ним. Теперь вся левая сторона лица Корта превратилась в сплошное кровавое месиво; его незрячий глаз совсем заплыл, осталась лишь тоненькая полоска белка. Сегодня Корт уже точно не пойдет по борделям.

Что-то впилось в руку мальчика. Сокол. Давид, слепо рвущий когтями все, до чего мог дотянуться. Оба крыла перебиты. Невероятно, что он вообще еще жив.

Мальчик схватил сокола, как камень, не обращая внимания на острый клюв, сдирающий кожу с его запястья. И когда Корт кинулся на него, он подбросил сокола вверх.

— Возьми его! Давид! Убей!

А потом Корт упал на него, закрывая собой солнце.

VIII

Сокол расплющился между ними. Мальчик почувствовал, как по его лицу шарит мозолистый палец, нашупывая глазницу. Он резко повернул голову, одновременно приподнимая бедро, чтобы закрыться от колена Корта, нацеленного ему в пах, и трижды рубанул ребром ладони по шее учителя. С тем же успехом он мог бы бить и по камню.

А потом Корт вдруг издал сдавленный стон. Его тело дернулось. Словно сквозь пелену мальчик увидел, как Корт шарит рукой по земле, пытаясь дотянуться до выпавшей палки. Рванувшись из последних сил, Роланд отбил ее ногой в сторону, за пределы досягаемости. Давид вцепился когтями в правое ухо Корта, а другой лапой безжалостно рвал ему щеку, превращая ее в окровавленные лохмотья. Теплая кровь с запахом меди брызнула мальчику на лицо.

Корт ударил сокола кулаком и сломал ему спину. Еще раз — и шея Давида изогнулась под неестественно острым углом. Но когти еще сжимались. Уха больше не существовало; теперь на его месте зияла окровавленная дыра. Третий удар отбросил сокола прочь.

Собрав последние силы, мальчик рубанул Кorta по переносице ребром ладони, перебив тонкий хрящ. Снова брызнула кровь.

Корт выбросил руку вперед, пытаясь вслепую схватить мальчика сзади, чтобы сдернуть с него штаны и спутать ноги. Роланд упал, откатился в сторону, нашупал палку, которую выронил Корт, и поднялся на колени.

Корт тоже встал на колени и усмехнулся сквозь маску запекшейся крови. Они смотрели в глаза друг другу — и их опять разделяла черта, только теперь их

позиции поменялись, и Корт был на той стороне, откуда пришел Роланд. Единственный зрячий глаз Корта бешено вращался в глазнице. Нос был расплющен и свернут в сторону, щеки превратились в сплошные лохмотья изодранной кожи.

Мальчик держал палку, как игрок держит клюшку, готовясь ударить по шару.

Корт сделал два ложных выпада, а потом бросился на него.

Но мальчик был начеку. Тем более что это была убогая уловка — и они оба об этом знали. Палка из твердого дерева описала в воздухе плоскую дугу и с глухим стуком ударилась о череп Корта. Корт повалился на бок, таращась на мальчика вдруг помутневшим, невидящим глазом. Изо рта у него потекла тонкая струйка слюны.

— Сдавайся или умри, — сказал мальчик. У него было странное ощущение, что его рот забит влажной ватой.

И Корт улыбнулся. Он был почти без сознания. Потом он неделю не встанет с постели — и все это время он пролежит, укрытый черным покровом глубокой комы, — но он пока еще держался, напрягая все силы своей безжалостной и безупречной жизни. Он увидел в глазах у парнишки желание услышать ответ, и хотя их с Роландом теперь разделила завеса крови, старый учитель не мог не заметить, каким отчаянным было это желание.

— Я сдаюсь, стрелок. Я сдаюсь улыбаясь. Сегодня ты помнил лицо своего отца и всех своих доблестных предков. Ты славно сражался и победил.

Зрячий глаз Корта закрылся.

Стрелок легонько потряс его за плечо: мягко, но настойчиво. Ребята уже окружили его. Их руки так и

чесались похлопать его по спине, потрепать по плечу. Но они не решались, чувствуя произошедшую перемену и страшась этой бездны, что теперь их разделила. И все же она была не такой уж и страшной, потому что между Роландом и остальными всегда была пропасть. Всегда.

Глаз Корт опять приоткрылся.

— Ключ, — обратился к нему стрелок. — Я хочу забрать то, что принадлежит мне по праву рождения, учитель. Мне нужен ключ.

Он имел в виду револьверы, которые принадлежали ему по праву крови. Не те отцовские, тяжелые, с рукоятками из сандалового дерева... но все-таки револьверы. Запрещенные для всех, кроме немногих избранных. В каменном подвале под казармой, где, согласно древним законам, он теперь должен был поселиться (вдали от материнского дома), висело его ученическое оружие, тяжелые громоздкие изделия из стали и никеля. Они служили еще отцу во время его ученичества. А теперь отец стал правителем, по крайней мере — номинально.

— Так вот в чем причина? — прошептал Корт как во сне. — Тебе так не терпелось? Да, этого я и боялся. Нетерпение толкает на глупости. И все-таки ты победил.

— Ключ.

— Сокол... хороший тактический ход. Хороший выбор оружия. И долго ты его натаскивал, этого гада?

— Я не натаскивал Давида. Я с ним подружился. Ключ.

— У меня под поясом, стрелок.

Глаз снова закрылся.

Стрелок запустил руку под пояс Корт, ощущая давление его живота, накачанных мышц, которые

теперь стали вялыми и безжизненными. Ключ висел на медном кольце. Роланд сжал его в кулаке, сопротивляясь мальчишескому порыву подбросить ключ в воздух в победном салюте.

Он поднялся на ноги и наконец повернулся к ребятам, но тут Корт вдруг дотронулся до его лодыжки. Стрелок на мгновение напрягся, опасаясь, что это — последняя, отчаянная попытка поверженного учителя победить в этой битве, но Корт лишь поглядел на него снизу вверх и поманил его заскорузлым пальцем.

— Сейчас я усну, — прошептал Корт, очень спокойно. — Может быть, навсегда, я не знаю. Я больше тебе не учитель, стрелок. Ты превзошел меня, а ведь ты на два года моложе, чем был твой отец, когда проходил испытание, а он был тогда самым юным из всех. Но позволь дать тебе один совет.

— Что еще? — Раздраженно, нетерпеливо.

— Ты лицо сделай попроще, сопляк.

Роланд растерялся и сделал, как ему велели (хотя и безотчетно; на самом деле он даже не понял, что у него было что-то не так с лицом).

Корт кивнул и прошептал одно слово:

— Подожди.

— Что?

Корту было трудно говорить, и из-за этих усилий, с которыми он выдавливал из себя каждое слово, его слова приобрели особую значимость и выразительность:

— Пусть молва и легенда опережают тебя. Здесь есть кому разнести молву. — Взгляд Корта метнулся поверх плеча стрелка. — Быть может, они все глупцы. Но пусть молва опережает тебя. Пусть на лице твоей тени отрастет борода. Пусть она станет темнее и гуще. — Он натянуто улыбнулся. — Дай только время,

и молва околдует и самого колдуна. Ты понимаешь, о чем я, стрелок?

— Да. По-моему, да.

— И примешь мой последний совет как учителя?

Стрелок качнулся на каблуках — поза устойчивая и задумчивая, предвосхищавшая превращение мальчика в мужчину. Он поглядел на небо. Небо уже темнело, наливаясь пурпурным свечением заката. Дневная жара начала спадать, а мрачные грозовые тучи на горизонте предвещали дождь. За многие мили отсюда вилы слепящих разрядов вонзались в бока безмятежных предгорий, над которыми поднимались горы. А за горами — фонтаны безрассудства и крови, бьющие в небеса. Он устал. Усталость проникла до мозга костей. И еще глубже.

Он опустил взгляд на Корта.

— Сейчас я хочу похоронить своего сокола, учитель. А попозже схожу в Нижний Город и скажу там, в борделях, если кто будет спрашивать, где ты и что с тобой. Может быть, даже утешу кого-нибудь из твоих подружек, если они очень расстроются, что ты не придешь.

Губы Корта раскрылись в болезненной усмешке, а потом он уснул.

Стрелок поднялся и обернулся ко всем остальным.

— Соорудите носилки и отнесите его домой. Приведите ему сиделку. Нет, двух сиделок. Хорошо?

Друзья продолжали таращиться на него, захваченные суровой торжественностью момента, который еще невозможно было переломить возвращением к грубой реальности. Им все представлялось, что вот сейчас над головой у Роланда воспылает огненный nimб или, быть может, он обернется каким-нибудь зверем прямо у них на глазах.

— Двух сиделок, — повторил стрелок и улыбнулся. Они тоже улыбнулись в ответ. Робко и нервно.

— Ах ты, чертов погонщик молов! — вдруг выкрикнул Катберт, расплывшись в улыбке. — Ты же нам ничего не оставил, сам ободрал все мясо с кости!

— До завтра мир не изменится, — проговорил, улыбаясь, стрелок, вспомнив старую поговорку. — Ален, ты жопа с гренкой. Чего стоишь? Двигай задницей.

Ален взялся за сооружение носилок; Томас с Джейми умчались прочь: сперва — в Большой Зал, а потом — в лазарет.

Стрелок и Катберт остались стоять на месте, глядя друг на друга. Они всегда были близки — настолько, насколько вообще позволяли сблизиться острые грани их очень несхожих характеров. В горящих решимостью глазах Катберта открыто читались все его помыслы, и стрелок едва удержался, чтобы не посоветовать другу отложить испытание еще на год, а то и на все полтора, если он не хочет уйти с позором через западный вход. Но они многое пережили вместе, и стрелок понимал, что, как бы он ни старался этого избежать, его слова будут восприняты как проявление высокомерия и покровительственного отношения. «Вот, я уже начинаю просчитывать свои действия, даже с друзьями», — подумал он, и ему стало немного не по себе. А потом он подумал о Мартене, о своей матери и улыбнулся другу. Улыбкой обманщика.

«Мне надо быть первым, — сказал он себе, в первый раз сформулировав для себя эту мысль, хотя он и прежде задумывался об этом. — Я уже первый».

— Пойдем, — сказал он.

— Как скажешь, стрелок.

Они вышли из зеленого коридора через восточный вход; Томас и Джейми уже вернулись из лазарета и привели сиделок, которые были похожи на призраков в своих легких летних белых балахонах с красным крестом на груди.

— Можно, я помогу тебе похоронить сокола? — спросил Катберт.

— Да, конечно, — сказал стрелок. — Я сам хотел попросить тебя мне помочь.

А позже, когда на земле воцарилась ночь и разразилась гроза, когда дождь хлынул гремящим потоком с небес, когда в вышине, точно черные призраки, клубились тучи и молнии вспышками голубого огня омывали извилистые лабиринты узких улочек Нижнего Города, когда кони стояли в стойлах, свесив головы и опустив хвосты, стрелок взял себе женщину и возлег с ней, как пристало мужчине.

Это было приятно и быстро. Когда все закончилось и они молча лежали бок о бок, на улице пошел град, выбивая по крышам свою короткую жесткую дробь. Где-то внизу, далеко-далеко, кто-то наигрывал регтайм «Эй, Джуд». Стрелок погрузился в раздумья. И только тогда, в этом молчании, прерываемом лишь дробью града, уже на грани сна, ему вдруг подумалось: а ведь вполне может так получиться, что он — первый — окажется и последним.

IX

Стрелок, разумеется, рассказал мальчику далеко не все, но, возможно, многое из того, о чем он умолчал, все равно, так или иначе, проявилось в его рас-

сказе. Он давно уже понял, что этот парнишка на удивление проницателен для своих лет, и в этом он очень похож на Алана, обладавшего даром соприкосновения, состоявшего наполовину из умения сопереживать, наполовину — из умения читать мысли.

— Спиши? — спросил стрелок.

— Нет.

— Ты понял, о чем я тебе говорил?

— А вы думаете, я такой непонятливый, или что? — спросил мальчик с издевкой. — Вы что, смеетесь?

— Ни в коем случае.

Но стрелок уже внутренне приготовился защищаться. Он еще никому не рассказывал о том, как он стал мужчиной, потому что всегда, когда он вспоминал об этом, его раздирали самые противоречивые чувства. Конечно, сокол был честным оружием и во всех отношениях безупречным, но это был и обманчивый ход тоже. Хитрость. И предательство. Первое из долгого ряда: *Я что, действительно собираюсь отдать этого мальчика человеку в черном?*

— Я понял, — сказал мальчик. — Это была игра, да? Почему люди, когда взрослеют, всегда продолжают играть? Почему все, за что ни возьмись, это лишь повод для новой игры? А люди вообще взрослеют? Или просто вырастают?

— Ты еще очень многое не знаешь, — сказал стрелок, пытаясь сдержать медленно закипающий гнев. — Ты еще маленький.

— Да. Но я знаю, кто я для вас.

— Да? И кто же? — Стрелок весь напрягся.

— Фишка в игре.

Стрелку вдруг захотелось взять камень потяжелее и размозжить парню голову, но вместо этого он сказал очень спокойно:

— Давай спать. Мальчикам нужно как следует высыпаться.

А в голове у него пронеслось эхо давнишних слов Мартина: *Ступай и займись свою руку делом.*

Стрелок еще долго сидел в темноте, оцепенев от объявившего его ужаса. Он никогда ничего не боялся и только теперь испугался (первый раз в жизни), что начнет сам себя ненавидеть. И скорее всего так и будет.

X

Во время следующего периода бодрствования, когда железная дорога сделала резкий крюк и почти вплотную приблизилась к подземной реке, они наtkнулись на недоумков-мутантов.

Увидев первого, Джейк закричал.

Стрелок смотрел прямо перед собой, качая рычаг. Когда мальчик вскрикнул, он резко повернул голову вправо и разглядел далеко внизу какой-то шар, светящийся тусклым и гнилостным зеленоватым светом. Только теперь он почувствовал запах: слабый, неприятный, сырой.

Эта зеленая масса была лицом — если такое вообще можно назвать лицом. Над приплюснутым носом мерцали выпущенные, ничего не выражавшие глаза, такие бывают только у насекомых. Стрелок ощутил приступ глубинного, атавистического отвращения. Он сбился с ритма, и дрезина немного замедлила ход.

Светящееся лицо исчезло.

— Что это было? — спросил мальчик, придвигаясь поближе к стрелку. — Что...

Слова застряли тугим комком в горле: они со стрелком проскочили мимо еще троих слабо светящихся в

темноте существ, что стояли между путями и невидимой рекой и тупо таращились на путешественников.

— Недоумки-мутанты, — сказал стрелок. — Они вряд ли нас потревожат. Скорее всего они нас испугались не меньше, чем мы — их...

Одно из существ сдвинулось с места и пошло прямо на них, неуклюже волоча ноги. У него было лицо изголодавшегося идиота. Истощенное голое тело превратилось в бугристую массу щупальцеобразных отростков с присосками на концах.

Мальчик опять закричал и прижался к ноге стрелка, точно испуганный пес.

Одно из щупалец протянулось над плоской платформой дрезины. От него пахло сыростью и темнотой. Стрелок отпустил рычаг, выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в недоумка — прямо в лоб. Тот отлетел прочь. Его свечение — мутно-зеленое, как огонек на болоте, — угасло, словно луна при затмении. Стрелок и мальчик невольно зажмурились. Вспышка от выстрела еще долго переливалась горящимиискрами на отвыкшей от света сетчатке. Запах сгоревшего пороха был резким, пронзительным и чужим в этом каменном склепе.

Появились еще мутанты. Их было много. Никто пока не нападал в открытую, но они подходили все ближе и ближе к рельсам — молчаливое, мерзкое сбороище любопытных зевак.

— Тебе, если что, надо будет меня заменить и покачать рычаг, — сказал стрелок. — Сможешь?

— Да.

— Тогда приготовься.

Мальчик встал рядом с ним, стараясь держаться как можно устойчивее. Он не смотрел по сторонам, чтобы ненароком не разглядеть больше, чем нужно.

Его взгляд только мельком выхватывал из темноты слабо светящиеся фигуры мутантов. Мальчику было страшно, но он хорошо держался: как будто само ядро его существа, таившее в себе память бесчисленных поколений, каким-то образом просочилось сквозь поры кожи и образовало невидимый щит. Хотя если у мальчика есть способности к соприкосновению, подумал стрелок, то вполне может быть, что такой щит действительно есть.

Стрелок равномерно качал рычаг, но не увеличивал скорость. Он знал, что недоумки-мутанты могут почуять запах их страха. И все же он был уверен, что из-за одного только их страха мутанты не нападут. В конце концов они с мальчиком были из мира света. И они были нормальными, «добрыми». «Как же они должны нас ненавидеть! — подумал стрелок и вдруг задался вопросом: — А человек в черном? Они и его ненавидели? Нет. Наверное, все-таки нет. Или, может быть, он прошел мимо них незамеченным, как тень от черного крыла в черноте».

Мальчик сдавленно вскрикнул. Стрелок повернул голову. Четверо мутантов, спотыкаясь на каждом шагу, следовали за дрезиной. Один из них уже тянул руки, чтобы ухватиться за край платформы.

Стрелок отпустил рычаг и выстрелил из револьвера — все так же небрежно, почти лениво. Пуля попала в голову ближайшего к нему мутанта. Тот издал шумный всхлип, больше похожий на вздох, и вдруг заулыбался. Его руки были вялыми и безжизненными, точно дохлая рыба; пальцы слиплись друг с другом, как пальцы перчатки, провалившейся долгое время в подсыхающей грязи. Одна из этих мертвенных лап схватила мальчика за ногу и потянула.

Мальчик закричал в полный голос — в глухой тишине этой гранитной утробы.

Стрелок выстрелил еще раз — мутанту в грудь. Тот принялся пускать слюни сквозь бесцветные губы, растянутые в идиотской ухмылке. Джейк уже начал сползать с платформы. Стрелок схватил его за руку и сам едва не упал: тварь оказалась на удивление сильной. Стрелок всадил еще одну пулю мутанту в голову. Один глаз погас, как свеча, и все же мутант продолжал тянуть. Они молча боролись за извивающееся, корчащееся тело Джейка. Каждый тянул на себя, как детишки, когда они, загадав желание, ломают куриную косточку-дужку. Желание мутанта было вполне очевидным — хорошо пообедать.

Дрезина постепенно замедляла ход. Остальные мутанты уже приближались: увечный, хромой и слепой. Может быть, они просто искали Иисуса, который бы их исцелил и вывел из тьмы на свет, как воскресшего Лазаря.

«Вот и все. Парню конец», — подумал стрелок с поразившим его самого спокойствием. К этому все и шло. Бросай мальчишку и жми на рычаг или борись за него до конца и погибай вместе с ним. В любом случае парню конец.

Он изо всех сил рванул мальчика за руку и разрядил револьвер мутанту в живот. На какой-то ужасный, застывший во времени миг тот еще сильнее вцепился в Джейка, и парнишка опять начал сползать с платформы. А потом дряблая, студенистая лапа разжалась, и мутант, по-прежнему ухмыляясь, повалился ничком между рельсами — позади замедляющей ход дрезины.

— Я думал, вы меня бросите. — Паренек разрыдался. — Я думал... Мне показалось...

— Держись за мой пояс, — коротко бросил стрелок. — Крепко-крепко держись.

Рука парнишки вцепилась ему в ремень; мальчик судорожно ловил ртом воздух, словно задыхаясь.

Стрелок снова взялся за рычаг и принялся качать; дрезина потихоньку набирала скорость. Недоумки-мутанты отступили на шаг и наблюдали теперь, как они уезжают. Их нечеловеческие лица (назвать их человеческими можно было с большой натяжкой, разве что только из жалости) излучали слабое фосфоресцирующее свечение — так светятся странные глубоководные рыбы, живущие под гнетом черной толщи морской воды. Эти лица не выражали ни злости, ни ненависти. Никаких чувств не теплилось в бессмысленно вытаращенных глазах, разве что было там что-то похожее на полубессознательное идиотическое сожаление.

— Они уже выдохлись, — сказал стрелок, и напряженные мышцы внизу живота немного расслабились. — Они...

Недоумки-мутанты набросали камней на рельсы, перекрыв путь. Правда, работали явно наспех: раскидать этот завал — минутное дело. Но им все равно пришлось остановиться. И кто-то должен был спуститься с платформы и убрать камни с рельсов. Мальчик глухо застонал и еще теснее прижался к стрелку. Стрелок отпустил рычаг. Дрезина бесшумно подкатилась к завалу и, вздрогнув, остановилась.

Недоумки-мутанты опять приближались: как будто случайно, словно так уж оно получилось, что они проходили мимо, заблудившись в нескончаемом сне во мраке, и вот набрели на кого-то, у кого можно будет спросить дорогу. Сборище проклятых на перепутье под толщей древних скал.

— Они нас схватят? — спокойно спросил мальчуган.

— Нет. Помолчи пока, ладно?

Стрелок оглядел груду камней. Мутанты — хилые, изголодавшиеся существа — не смогли притащить на пути по-настоящему крупные камни. Так, мелкие камешки, чтобы только остановить дрезину и заставить кого-то из них спуститься...

— Спускайся, — распорядился стрелок. — Придется тебе потрудиться. А я тебя прикрою.

— Нет, — прошептал мальчик. — Пожалуйста.

— Я не могу дать тебе револьвер и не могу таскать камни и одновременно стрелять. Так что выбора у нас нет.

Джейк вдруг начал дико вращать глазами, потом содрогнулся всем телом, наверное, в такт своим заметавшимся в ужасе мыслям, но уже в следующую секунду он медленно сполз с платформы и принял расшвыривать камни по сторонам, стараясь не смотреть на мутантов.

Стрелок ждал с револьверами наготове.

Двое мутантов, пошатываясь на ходу, двинулись к мальчику, вытянув вялые руки, как будто слепленные из теста. Револьверы знали что делать: красно-белые вспышки пронзили тьму, впившись иглами боли стрелку в глаза. Мальчик закричал, но работу не прекратил. Перед глазами стрелка заплясали призрачные блики. Он вообще ни черта не видел, и это было хуже всего. Все превратилось в дрожащие тени и расплывчатые пятна.

Один из мутантов, который почти совсем и не светился, внезапно протянул к парнишке свои кошмарные лапы. Влажные глаза мутанта, занимавшие добрую половину его лица, закатились.

Джейк опять закричал и развернулся, готовясь к драке.

Стрелок разрядил револьверы, не разрешая себе даже задуматься, что он делает, — иначе сбитое вспышками зрение могло бы его подвести, отдаввшись предательской дрожью в руках: головы мутанта и мальчика были всего в нескольких дюймах друг от друга. Упал мутант.

Джейк расшивывал камни, точно в исступлении. Мутанты толпились чуть поодаль, пока еще по ту сторону невидимой крайней черты, за которой останется только рвануться в атаку. Но они мало-помалу приближались. И оказались теперь совсем близко. Подходили другие. Их число увеличивалось непрестанно.

— Ладно, — сказал стрелок. — Давай забирайся. Быстрее.

Как только мальчик сдвинулся с места, мутанты бросились к нему. Джейк перемахнул через борт, шлепнулся на платформу и тут же поднялся на ноги; стрелок уже поднажег на рычаг — изо всех сил. Револьверы снова лежали в кобурах. Сейчас уже не до стрельбы: надо уносить ноги.

Мерзкие лапы шлепали по металлической платформе. Теперь мальчик держался за пояс стрелка обеими руками, вжалвшись лицом ему в поясницу.

Мутанты выбежали на рельсы, их лица были исполнены все того же безумного, отрешенного предвкушения. Стрелок буквально физически ощутил мощный выброс адреналина в кровь. Он качал рукоятку с удвоенной силой — дрезина мчалась по рельсам сквозь тьму. Они врезались в жалкую кучку из четырех или пяти неуклюжих мутантов. Те разлетелись в стороны, точно гнилые бананы, сбитые со ствола.

Все дальше и дальше вперед. В беззвучной, зловещей, стремительной тьме.

Спустя, наверное, целую вечность мальчик все-таки оторвался от спины стрелка и поднял лицо на встречу воздушной струе: ему было страшно, но он все равно хотел знать. Призрачные отблески вспышек от выстрелов все еще плясали у него перед глазами. Он ничего не увидел, кроме кромешной тьмы, и ничего не услышал, кроме рева воды в реке.

— Они отстали, — сказал парнишка и вдруг испугался, что путь сейчас оборвется во тьме и они слетят с рельсов под гибельный грохот дрезины, превращающейся в искореженные обломки. Когда-то он ездил в автомобилях; однажды его отец гнал машину под девяносто миль в час на магистрали Нью-Джерси, и его остановили за превышение скорости. (Полицейский, кстати, не взял двадцатку, которую папа отдал ему вместе с правами, и выписал ему квитанцию на штраф.) Но он в жизни не ездил вот так: вслепую, когда ветер хлещет и ты боишься всего — и того, что сзади, и того, что спереди, — когда шум реки разносится, словно недобрый смех. Смех человека в черном. Руки стрелка были как поршни обезумевшего человека-автомата.

— Они отстали, — неуверенно повторил мальчик. Ветер вырвал слова у него изо рта. — Теперь можно ехать потише. Мы от них оторвались.

Но стрелок его не услышал. Они мчались вперед — в неизвестность и темноту.

XI

Они ехали без происшествий три «дня» подряд.

XII

А во время четвертого периода бодрствования (на середине? на трех четвертях? они даже не знали — просто они еще не устали настолько, чтобы останавливаться на отдых) что-то резко ударило снизу в днище платформы, дрезина покачнулась, и тела путешественников накренились вправо, когда рельсы круто свернули влево.

Впереди забрезжил свет — тусклое сияние, настолько нездешнее и чужеродное, что казалось, его излучает некая неведомая стихия: не земля и не воздух, не вода и не огонь. Он был бесцветным, этот нездешний свет, и распознать его можно было лишь по тому, что их лица и руки стали теперь различимы не только на ощупь. Их глаза сделались такими чувствительными к свету, что они разглядели это слабенькое сияние более чем за пять миль до того, как приблизились к его источнику.

— Там выход, — хрипло выдавил мальчик. — Там выход.

— Нет. — Стрелок произнес это со странной уверенностью. — Еще нет.

И действительно — нет. Они выехали на свет, но то был не свет солнца.

Приблизившись к источнику свечения, они увидели, что каменная стена слева от путей исчезла, а рядом с их рельсами тянутся и другие, сплетаясь в замысловатую паутину. Свет превращал их в горящие векторы, уходящие в никуда. На некоторых путях стояли черные товарные вагонетки и пассажирские кареты, приспособленные для езды по рельсам. Стрелку стало не по себе. Эти брошенные кареты были как

мертвые призрачные галеоны, поглощенные подземным Саргассовым морем.

Свет сделался ярче. Первое время он болезненно резал глаза, но постепенно глаза привыкали к свету. Они выбирались из темноты на свет, как ныряльщики, медленно поднимающиеся из морских глубин.

Впереди протянулся огромный ангар, уходящий во тьму. Эту черную громаду прорезали желтые квадраты света: примерно две дюжины въездных ворот. Казавшиеся поначалу размером с окошки в кукольном домике, они выросли до двадцати футов в высоту, когда дрезина приблизилась к ним вплотную. Стрелок с мальчиком въехали внутрь через ворота, расположенные ближе к центру. Над ними были начертаны какие-то незнакомые буквы. Стрелку показалось, что это одна и та же надпись, но только на разных языках. К его несказанному изумлению, ему удалось разобрать последнюю фразу. Надпись на прайзыке Высокого Слога гласила:

**ПУТЬ 10. НАРУЖУ.
ПЕРЕХОД НА ЗАПАДНУЮ ЛИНИЮ**

Внутри свет был ярче. Рельсы сходились, сливались друг с другом посредством сложной системы стрелок. Здесь даже работали некоторые сигнальные фонари, перемигиваясь извечными огоньками: красными, зелеными и янтарными.

Они прокатились между двумя каменными возвышениями типа пирсов, бока которых давно почернели от прохождения сотен и сотен рельсовых экипажей, и оказались в громадном зале наподобие вокзала. Стрелок прекратил качать рычаг. Дрезина медленно остановилась, и они огляделись по сторонам.

- Похоже на нашу подземку, — сказал парнишка.
- На что похоже?
- Да нет, это я так. Вы все равно не поймете. Я сам уже не понимаю, о чем говорю.

Мальчик взобрался на бетонную платформу. Они со стрелком оглядели брошенные киоски, где когда-то продавались газеты и книжки, обветшавшую обувную лавку, оружейный магазинчик (стрелок, испытавший внезапный прилив возбуждения, пожирал глазами винтовки и револьверы, выставленные в витрине, но, присмотревшись получше, он с разочарованием обнаружил, что их стволы залиты свинцом. Он, однако, взял лук и колчан с практически никуда не годными, плохо сбалансированными стрелами). Был здесь и магазин женского платья. Где-то работал кондиционер, безостановочно перегоняя воздух уже не одну тысячу лет, — и, видимо, время его подходило к концу. Внутри у него уже дребезжало, напоминая о том, что мечта человека о вечном двигателе, даже при поддержании самых благоприятных условий, все равно остается мечтой идиота. В воздухе чувствовался какой-то металлический привкус. Шаги отдавались в пространстве глухим, блеклым эхом.

— Эй! — выкрикнул мальчик. — Эй...

Стрелок обернулся и подошел к нему. Мальчик стоял перед книжной лавкой и смотрел сквозь стекло как завороженный. Внутри, в самом дальнем углу, сидела мумия. На ней была синяя форма с золотым кантом — судя по виду, форма кондуктора или проводника. На коленях у мумии лежала древняя, но на удивление хорошо сохранившаяся газета, которая, однако, рассыпалась в пыль, когда стрелок к ней прокоснулся. Лицо мумии напоминало старое сморщенное яблоко. Стрелок осторожно коснулся иссохшей

щеки. Взвилось легкое облачко пыли, и в щеке образовалась дыра, через которую можно было заглянуть мумии в рот. Во рту блеснул золотой зуб.

— Газ, — пробормотал стрелок. — Раньше умели производить газ, который так действовал. То есть так говорил Ванни.

— Учитель, который учил вас по книгам.

— Да. Он.

— Они воевали, — мрачно проговорил мальчик. — И убивали друг друга этим самым газом.

— Да. Похоже, ты прав.

Были здесь и другие мумии. Не то чтобы много, но были. Всего около дюжины. Все, кроме двух или трех, были одеты в синюю форму с золотой отделкой. Стрелок решил, что газ пустили, когда на станции не было карет с пассажирами. Возможно, в незапамятные времена эта станция приняла на себя удар какой-нибудь армии, давно канувшей в вечность — как и причина самой войны.

Эти мысли его угнетали.

— Давай-ка лучше пойдем отсюда. — Стрелок направился обратно к десятому пути, где стояла их дрезина. Но на этот раз мальчик его не послушался и остался стоять на месте.

— Я никуда не пойду.

Стрелок в изумлении обернулся.

Лицо у мальчика перекосилось. Его губы дрожали.

— Вы все равно не получите то, что вам нужно, пока я жив. Так что я лучше останусь тут. И сам попробую выбраться.

Стрелок уклончиво кивнул, ненавидя себя за то, что он сейчас сделает — что собирается сделать.

— Ладно, Джейк, — сказал он очень тихо. — Долгих дней и приятных ночей.

Он отвернулся, подошел к краю платформы и легко спрыгнул вниз, на дрезину.

— Вы заключили какую-то сделку! — крикнул мальчик ему вслед. — С кем-то вы договорились! Я знаю!

Стрелок молча снял с плеча лук и осторожно уложил его за Т-образный выступ в полу дрезины, чтобы случайно не повредить его рычагом.

Мальчик сжал кулаки, его лицо превратилось в маску боли.

«Да, маленького обмануть легко, — угрюмо подумал стрелок. — Сколько раз его замечательная интуиция — дар соприкосновения — подсказывала ему эту мысль, но ты все время сбивал его с толку. А ведь, кроме тебя, у него нет никого, то есть вообще никого».

Внезапно его поразила простая мысль, больше похожая на озарение: всего-то и нужно, что бросить все это к чертовой матери, отступиться, повернуть назад, взять с собою парнишку и сделать его средоточием новой силы. Нельзя прийти к Башне таким унизительным, недостойным путем. Пусть мальчик вырастет, станет мужчиной, и тогда можно будет возобновить этот поход — потому что они вдвоем сумели бы отшвырнуть человека в черном со своего пути, как дешевенькую заводную игрушку.

«Нуда, разбежался», — цинично подумал стрелок. Потому что он понял, осознал с неожиданным хладнокровием, что сейчас повернуть назад означает погибнуть — обоим. Или еще того хуже: быть погребенными заживо под толщей гор, в компании недоумков-мутантов. Медленное угасание, умственное и физическое. И может быть, револьверы его отца на долго переживут их обоих и превратятся в тотемы, хранимые в загнивающем великолепии, как та бензоколонка.

«Пряви мужество», — лицемерно сказал он себе.

Стрелок взялся за рычаг и принял качать. Дрезина двинулась прочь от каменной платформы.

Мальчик закричал: «*Подождите!*» — и бросился наперерез дрезине, к тому месту, где она снова должна была въехать во тьму тоннеля. Стрелок едва не поддался внезапному искушению прибавить скорость и бросить мальчика здесь — в одиночестве, но хотя бы в спасительной неизвестности.

Но вместо этого он подхватил мальчика на лету, когда тот спрыгнул с платформы на движущуюся дрезину. Джейк прижался к нему. Сердце парнишки под тонкой рубашкой бешено колотилось.

Выход был уже близко.

Конец был близко.

XIII

Рев реки стал теперь очень громким, заполнив своим мощным грохотом даже их сны. Стрелок, скорее из прихоти, нежели из каких-то иных соображений, время от времени передавал рычаг мальчику, а сам посыпал в темноту стрелы, предварительно привязав к каждой по прочной нити.

Лук оказался совсем никудышным. Хотя с виду он сохранился совсем неплохо, тетива не тянулась совсем, и прицел был сбит. Стрелок сразу понял, что тут уже ничего не исправишь. Даже если перетянуть тетиву, как подновить трухлявую древесину? Стрелы улетали недалеко, но последняя вернулась назад мокрой и скользкой. Когда мальчик спросил, сколько там до воды, стрелок только пожал плечами, но про себя он отметил, что если придется стрелять из лука по-на-

стоящему, то реально можно рассчитывать ярдов на шестьдесят — да и то если очень повезет.

А рев реки становился все громче, все ближе.

Во время третьего периода бодрствования после того, как они миновали станцию, впереди опять показался призрачный свет. Они въехали в длинный тоннель, прорезающий толщу камня, отливавшего жутковатым свечением. Влажные стены тоннеля поблескивали тысячей крошечных переливчатых звездочек. Мальчик назвал их из-купаемыми. Все вокруг приобрело налет какой-то тревожной ирреальности, как это бывает в комнате ужасов в парке аттракционов.

Свирепый рев подземной реки летел им навстречу по гулкому каменному тоннелю, который служил как бы естественным усилителем. Но вот что странно: звук оставался всегда неизменным, даже тогда, когда они стали приближаться к точке пересечения, которая, как был уверен стрелок, должна находиться впереди по ходу — судя по тому, что стены тоннеля начали расступаться. Угол подъема сделался круче.

Рельсы, залитые призрачным светом, уходили прямо вперед. Стрелку они напоминали трубки с болотным газом, которые иногда продавали в качестве украшений на ярмарке в честь Большой Жатвы; мальчику — неоновые лампы, протянувшиеся в бесконечность. Но в этом мерцающем свете они оба разглядели, что стены тесного тоннеля действительно расступаются и обрываются впереди двумя зазубренными длинными выступами над провалом тьмы — пропастью над рекой.

Пути продолжались и над неведомой бездной — по мосту возрастом в вечность. А на той стороне, в неизобразимой дали, маячила крошечная точка света: не призрачное мерцание камней, не отраженное све-

чение, а настоящий, живой свет солнца — точечка, крошечная, как прокол от булавки в плотной черной материи, и все же исполненная пугающего смысла.

— Остановитесь, — попросил мальчик. — Пожалуйста, остановитесь. На минуточку.

Стрелок безо всяких вопросов отпустил рычаг. Дрезина остановилась. Шум реки превратился в не-престанный рокочущий рев. Неестественное свече-ние, исходящее от влажных камней, стало вдруг от-вратительным и ненавистным. Только теперь, в пер-вый раз, стрелок почувствовал прикосновение омерзительной лапы клаустрофобии и настоятельное, неодолимое побуждение выбраться отсюда, вырвать-ся из этой гранитной могилы.

— Нам придется проехать здесь, — сказал маль-чик. — Он этого хочет? Чтобы мы поехали на дрезине над этой... над этим... и упали туда?

Стрелок знал, что ответ будет — нет, но сказал так:

— Я не знаю, чего он хочет.

Они спустились с платформы и осторожно подо-шли к краю провала. Камень под ногами продолжал подниматься, пока внезапно не оборвался крутой отвесной стеной, уходящей в пропасть. А рельсы бе-жали дальше — над чернотой.

Стрелок опустился на колени и глянул вниз. Он разглядел замысловатое, почти неправдоподобное сплетение стальных распорок и балок, теряющихся в темноте, в водах ревущей реки. Эти балки служили опорой грациозно изогнутой арки моста, проходяще-го над пустотой.

Он представил себе, что могут сделать со сталью вода и время в своем убийственном союзе. Сколько осталось действительно прочных опор? Мало? Всего ничего? Считанные единицы или, может, вообще ни

одной? Перед его мысленным взором вдруг возникло лицо той мумии, и ему вспомнилось, как плоть, казавшаяся с виду прочной, рассыпалась в пыль, едва он прикоснулся к ней пальцем.

— Пойдем пешком, — сказал он, внутренне приготовившись к тому, что мальчик опять заупрямится, но тот первым ступил на пути и уверенно зашагал по стальным плитам моста, поверх которых были положены рельсы. Стрелок двинулся следом, стараясь держаться поближе к парнишке, чтобы успеть подхватить его, если Джейк вдруг отступится.

Стрелок чувствовал, как его кожа покрывается липкой испариной. Эстакада давно прогнила. Настил моста бренчал у него под ногами, легонько покачивался на невидимых тросах, сотрясаемый бурным потоком, что гремел внизу. «Мы — акробаты, — подумал он. — Смотри, мама, тут нету сетки. Смотри, я лечу».

Один раз он даже встал на колени и внимательно осмотрел шпалы, по которым они шагали. Шпалы прогнили, а рельсы были изъедены ржавчиной (и по вполне очевидной причине: теперь стрелок чувствовал на лице токи свежего воздуха, который, как известно, друг всякой порчи. Значит, поверхность уже совсем близко). Стрелок ударил по ним кулаком, и проржавелый металл затрясся. В какой-то момент у него под ногами раздался предостерегающий скрежет. Ощущение было такое, что стальное покрытие вот-вот проломится. Но стрелок уже миновал опасное место.

Мальчик, само собой, весил на добрую сотню фунтов меньше стрелка, и для него переход должен быть относительно безопасным — если дальше не будет хуже.

Брошенная дрезина уже растаяла во мраке. Каменный пирс — тот, что слева, — протянулся еще футов на двадцать вдоль рельсов: дальше, чем правый. Но и он тоже быстро закончился, и теперь они шли над пропастью безо всяких боковых ограждений.

Сперва им казалось, что крошечная точка дневного света на той стороне нисколько не приближается, а остается все такой же дразняще далекой (если вообще не отступает прочь с той же скоростью, с какой они продвигаются к ней — это было бы настоящее волшебство), но постепенно стрелок осознал, что пятно света становится шире и ярче. Пока оно еще было вверху, но рельсы неуклонно шли на подъем.

А потом вдруг мальчик вскрикнул и отпрянул в сторону, взмахнув руками. Какой-то миг он балансировал на самом краю, но этот миг показался стрелку невообразимо долгим, а потом снова шагнул вперед.

— Она едва подо мной не обвалилась, — сказал он тихо и совершенно безучастно. — Там дырка. Вы переступите, если не хотите грохнуться вниз. Саймон говорит: сделать гигантский шаг.

Стрелок знал эту игру, только у них она называлась «Матушка говорит». В детстве они часто в нее играли: он, Катберт, Джейми и Ален. Но он не стал ничего говорить, а просто переступил через опасное место.

— Возвращайтесь назад, — сказал Джейк без улыбки. — Вы забыли сказать: «А можно мне?»

— Прошу прощения, я не подумал.

Шпала, на которой оступился мальчик, почти полностью отлетела и раскачивалась теперь над пропастью на проржавелой заклепке.

Вверх. По-прежнему — вверх. Эта дорога была как кошмарный сон: она казалась намного длиннее, чем была на самом деле. Даже воздух как будто сгустился

и стал как патока; у стрелка было странное ощущение, словно он не идет, а плывет. Снова и снова его преследовала безумная, навязчивая мысль о жуткой пустоте между прогнившим мостом и рекой внизу. Ему представлялись яркие живые картины, как это будет: скрежет металла, уходящего из-под ног, тело клонится в сторону, руки пытаются ухватиться за несуществующие перила, подошвы со скрипом скользят на предательской проржавелой стали, а потом он срывается вниз и летит, переворачиваясь на лету. Теплая струя заливает пах — это подвел мочевой пузырь. Ветер хлещет в лицо, треплет волосы, оттягивает веки, так что даже глаза не закроешь. Он мчится навстречу темной воде... быстрее, еще быстрее... опережая свой собственный крик...

Металл под ногами заскрежетал, но стрелок решительно шагнул вперед, он не ускорил шага и старался не думать о пропасти внизу, о том, сколько они уже прошли и сколько еще осталось пройти. Он старался не думать о том, что парнишкой придется пожертвовать и что теперь наконец цена его чести почти что определена. Договоренность почти достигнута, и скорее бы уж все разрешилось!

— Тут не хватает трех шпал, — спокойно сообщил мальчик. — Я буду прыгать. Давай, Джеронимо! Вперед!

В солнечном свете, пробивавшемся с той стороны, стрелок увидел его силуэт, на мгновение словно зависший в воздухе в неуклюжей, распластанной позе, с раскинутыми в стороны руками. Как будто мальчик готовился полететь, если он вдруг не сможет допрыгнуть. Он приземлился, и вся конструкция покачнулась. Металл протестующе заскрежетал, и что-то упало далеко-далеко внизу: сперва раздался грохот, а потом — всплеск.

— Ну что, перепрыгнул? — спросил стрелок.

— Да, — сказал мальчик. — Но тут все насквозь прогнило. Как мысли некоторых людей. Меня еще, может быть, выдержит, но вас — уже вряд ли. Возвращайтесь. Возвращайтесь назад и оставьте меня.

Голос мальчика был холодным, и все же в нем слышались истеричные нотки. Они колотились, как бешеный пульс; точно так же билось сердце парнишки, когда он спрыгнул на дрезину с платформы, и стрелок подхватил его на лету.

Стрелок легко перешагнул через пролом. Просто сделал шаг пошире, и все. Гигантский шаг. *Матушка, можно мне? Да-да, можно.*

Мальчика била дрожь.

— Возвращайтесь. Я не хочу, чтобы вы меня убили.

— Ради любви Человека Иисуса, не стой, — рявкнул стрелок. — Иди. Эта штука точно обвалится, если мы будем стоять тут и препираться.

Теперь мальчик шел, пошатываясь, как пьяный, выставив перед собой дрожащие руки и растопырив пальцы.

Они поднимались.

Да, здесь все проржавело еще сильнее. Проломы шириной в одну, две, а то и три шпалы попадались все чаще, и стрелок начал уже опасаться, что в конце концов там будет такой широкий провал, что им придется либо повернуть назад, либо идти по самим рельсам, балансируя на головокружительной высоте над пропастью.

Стрелок смотрел прямо вперед, не отрывая глаз от пятна света.

Теперь сияние обрело цвет — голубой, — и по мере того как они приближались к источнику света, он становился все мягче, и свечение из-купаемых на

камнях постепенно бледнело. Сколько еще им идти? Пятьдесят ярдов? Сто? Понять было сложно.

Они шли вперед. Теперь стрелок смотрел себе под ноги, переступая со шпалы на шпалу, а когда снова поднял глаза, сияющее пятно превратилось в дыру: это был уже не просто круг света, а выход. Они дошли. Почти дошли.

Тридцать ярдов, не больше. Девяносто коротких шагов. Значит, не все потеряно. Может быть, они еще догонят человека в черном. Может быть, под ярким солнечным светом цветы зла у него в мыслях завянут и все станет возможным.

Что-то заслонило собой свет.

Стрелок вздрогнул, поднял глаза к свету — так слепой крот выглядывает из норы — и увидел темный силуэт, перекрывающий свет, поглощающий свет: остались только дразнящие голубые полоски по контуру плеч и в разрезе между ногами.

— Привет, ребята!

Голос человека в черном прокатился грохочущим эхом по этой гулкой каменной глотке, придавшей звучавшему в нем сарказму дополнительную силу. Стрелок слепо пошарил рукой в кармане в поисках челюсти-кости. Но ее не было. Где-то она потерялась. Сгинула, исчерпав всю свою силу.

Человек в черном смеялся, и этот смех обрушился на них сверху, бился, точно прибой о камни, заполняя собой пещеру. Мальчик вскрикнул и вдруг пошатнулся, взмахнув руками.

Металл под ними дрожал и гнулся. Медленно, как во сне, рельсы перевернулись. Мальчик сорвался. Рука взметнулась в воздухе, точно чайка во тьме, — выше, еще выше. А потом он повис над пропастью, и в его

темных глазах, что буквально впились в стрелка, было знание — слепое, последнее, безысходное.

— Помогите мне.

И раскатистое, гремяще:

— Все, шутки в сторону. Поиграли и хватит. Ну иди же, стрелок. Иначе тебе никогда меня не поймать!

Все фишки уже на столе. Все карты открыты. Все, кроме одной. Мальчик висел над пропастью, как ожившая карта Таро: Повешенный, финикийский моряк, невинная жертва, потерянная душа в мрачных водах адского моря. Он еще держится на волнах, но уже скоро пойдет ко дну.

Подожди, подожди.

— Так что, мне уйти?

Какой у него громкий голос. Мешает сосредоточиться.

Постарайся ничего не испортить. Возьми нескладную песню и сделай ее лучше...

— Помогите мне. Помогите мне, Роланд.

Мост продолжал крениться. Он скрежетал и разваливался на глазах, срывая крепления, поддаваясь...

— Стало быть, я пошел. Счастливо оставаться.

— *Нет! Погоди!*

И стрелок прыгнул. Ноги сами перенесли его оцепневшее, парализованное внутренним смятением тело над парнишкой, повисшим над пропастью — настоящий гигантский шаг в безоглядном рывке к свету, что обещал указать путь к Башне, навеки запечатленной в его душе застывшим черным силуэтом...

К внезапной тишине.

Силуэт, закрывающий свет, исчез. Сердце стрелка на мгновение замерло в груди, когда мост обвалился и, сорвавшись с опор, полетел в пропасть, кружась в

последнем медленном танце. Стрелок ухватился рукой за залитый светом край каменного проклятия. А у него за спиной, в устрашающей тишине, далеко-далеко внизу мальчик явственно произнес:

— Тогда идите. Есть и другие миры, кроме этого.

Последние крепления сорвались. Моста больше не было. И, ринувшись вверх, к свету, ветру и реальности нового ка, стрелок оглянулся назад, вывернув шею, и в пронзительном приступе неизбывной боли на миг пожалел о том, что он не двуликий Янус. Но там, за спиной, уже не было ничего, только гнетущая тишина. Мальчик, падая, не издал ни звука.

А потом Роланд выбрался наружу, на каменистый откос, у подножия которого раскинулась зеленая равнина, где посреди густых трав стоял человек в черном — стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

Стрелок с трудом держался на ногах. Он шатался как пьяный. И был бледным как призрак. Глаза слезились на свету. Рубаху сплошь покрывала белая пыль — след от последнего, отчаянного рывка наверх. Он вдруг осознал, что это только начало — что впереди его ждет дальнейшая деградация духа, по сравнению с которой его сегодняшний подлый поступок покажется малозначительной мелочью, и все же он будет бежать от него всю жизнь — по коридорам и по городам, из постели в постель. Он будет бежать от лица мальчугана. Будет пытаться похоронить саму память о нем в неуемном разврате и в человекоубийстве, лишь для того, чтобы, ворвавшись в последнюю комнату, найти там этого мальчика, который будет смотреть на него над пламенем свечи. Он стал мальчиком. Мальчик стал им. Он сам, своими руками, превратил себя в оборотня. И отныне и впредь, в са-

мых сокровенных глубинах снов, он будет опять и опять превращаться в парнишку и говорить на языке странного города, из которого пришел мальчик.

Это смерть. Да? Это смерть?

Пошатываясь на ходу, он очень медленно спустился по каменистому склону туда, где ждал его человек в черном. Здесь, под солнцем здравого мира, рельсы истлели, рассыпавшись в прах, как будто их и не было вовсе.

Человек в черном, смеясь, откинул капюшон.

— Вот, значит, как! — крикнул он. — Не конец всего, а всего лишь конец начала?! Ты делаешь успехи, стрелок! И большие успехи! Я тобой восхищаюсь!

Стрелок выхватил револьверы и выпустил все патроны. Двенадцать выстрелов подряд. Вспышки от выстрелов затмили само солнце, грохот пульбы отскочил оглушительным эхом от каменистых откосов у них за спиной.

— Ну-ну, — рассмеялся человек в черном. — Ну-ну. Мы с тобой вместе — великая магия. Ты и я. И когда ты стреляешь в меня, ты стреляешь в себя, вот почему ты меня никогда не убьешь.

Он попятился, с улыбкой глядя на стрелка:

— Пойдем. Пойдем. Пойдем. Матушка, можно мне? Да-да, можно.

Стрелок, спотыкаясь на каждом шагу, двинулся следом за ним. Туда, где они наконец смогут поговорить.

Глава 5

Стрелок и человек в черном

1

Человек в черном привел его для разговора к древнему месту свершения казней. Стрелок узнал его сразу: лобное место, голгофа — скопище истлевших костей. На них отовсюду таращились выбеленные черепа: буйолов, койотов, оленей, зайцев и ушастиков-путаников. Вот алебастровый ксилофон — скелетик курочки фазана, убитой во времена кормежки; вот тонкие кости крота, убитого, может быть, ради забавы дикой собакой.

Голгофа. Чашеобразная впадина в пологом откосе горы. Ниже по склону стрелок разглядел деревья: карликовые ели и юкку — дерево Иисуса. Небо над головой — нежного голубого цвета. Такого неба стрелок не видел уже целый год. В воздухе веяло чем-то неописуемым, но говорящим о близости моря.

Вот я и на западе, Катберт, — удивленно подумал стрелок. Если это еще не Срединный мир, то все равно уже близко.

Человек в черном присел на бревно какого-то древнего дерева. Его сапоги побелели от пыли и костяной

муки, усыпавшей это угрюмое место. Он снова надел капюшон, но теперь стрелку были видны его губы и квадратный подбородок — в тени от капюшона.

Затененные губы искривились в усмешке.

— Собери дров, стрелок. По эту сторону гор климат мягкий, но на такой высоте холод может еще ткнуть ножом в пузо. Тем более что мы сейчас во владениях смерти, а?

— Я убью тебя, — сказал стрелок.

— Нет, не убьешь. Не сможешь. Но зато можешь собрать дрова, дабы почтить память своего Исаака.

Стрелок не понял намека, но без единого слова пошел собирать дрова, точно какой-нибудь поваренок на побегушках. Набрал он негусто. Бес-трава на этой стороне не росла, а древнее дерево стало твердым как камень и уже не будет гореть. Наконец он вернулся с охапкой тоненьких бревнышек — или, вернее, толстых палочек, — весь в белой пыли от рассыпающихся костей, словно его хорошо вывалили в муке. Солнце уже опустилось за верхушки самых высоких деревьев и налилось алым свечением. Солнце глядело на них с пагубным равнодушием.

— Замечательно, — вымолвил человек в черном. — Какой же ты исключительный человек! Редкий, я бы даже сказал, человек! Такой обстоятельный! Такой находчивый! Я перед тобой преклоняюсь. — Он хотнул, и стрелок швырнул ему под ноги охапку дров. Они с грохотом ударились о землю, подняв облако костяной пыли.

Человек в черном даже не вздрогнул. С совершенно невозмутимым видом он принялся сооружать костер. Стрелок смотрел как зачарованный на то, как дрова для костра складываются в очередную (на этот раз совсем свежую) идеограмму. В конце концов ко-

стер стал похож на причудливую двойную дымовую трубу высотой фута два. Человек в черном поднял руку к небу, встряхнул ею, откинув широкий рукав с тонкой красивой кисти, потом рывком опустил ее, выставив мизинец и указательный палец «рожками» в древнем знаке, оберегающем от дурного глаза. Сверкнула вспышка синего пламени. Костер загорелся.

— Спички у меня есть, — весело проговорил человек в черном, — но я подумал, тебе понравится что-нибудь колдовское, магическое. Хотелось тебя позабавить, стрелок. А теперь мы с тобой приготовим себе обед.

Складки его плаща всколыхнулись, и на землю упала тушка жирного кролика, уже освежеванная и выпотрошенная.

Стрелок молча насадил тушку на вертел и пристроил его над огнем. В воздухе разнесся аппетитный запах. Солнце село. Лиловые тени жадно протянулись к впадине на склоне горы, где человек в черном решил наконец встретиться со стрелком. В животе у стрелка урчало от голода, но когда кролик прожарился, он без слов протянул вертел человеку в черном, а сам запустил руку в свой изрядно похудевший рюкзак и достал последний кусок солонины. Мясо было соленым, как слезы, и разъедало рот.

— А такие широкие жесты, это совсем ни к чему. — Было видно, что человек в черном от души забавлялся, но при этом он ухитрялся казаться рассерженным.

— И все-таки, — усмехнулся стрелок, и усмешка его вышла горькой, наверное, из-за соли, попавшей на крошечные язвочки во рту — последствия длительного авитамина.

— Ты что, боишься наколдованного мяса?

— Да. Боюсь.

Человек в черном откинул с лица капюшон.

Стрелок молча смотрел на него. На самом деле его лицо — теперь не скрытое капюшоном — вызвало у стрелка только тревожное разочарование. Это было красивое лицо с правильными чертами, безо всяких отметин или характерных морщин, которые выдают человека, познавшего тяжелейшие времена и посвященного в великие тайны. Длинные черные волосы свисали неровными спутанными прядями. У него был высокий лоб, темные сверкающие глаза, совершенно непримечательный нос, полные, чувственные губы, а кожа — бледная, как и у самого стрелка.

— Я думал, ты старше, — сказал наконец стрелок.

— А почему? Я почти что бессмертный, как, кстати, и ты, Роланд, — по крайней мере сейчас. Я мог бы, конечно, явить тебе то лицо, которое ты ожидал увидеть, но я решил показать тебе то, с которым я... гм... родился. Смотри, стрелок, какой закат!

Солнце уже скрылось за горизонтом, и небо на западе озарилось воспаленным зловещим светом.

— Смотри, стрелок. Следующий восход ты увидишь не скоро, — сказал человек в черном.

Стрелок вспомнил черную пропасть под горной грядой и поднял глаза к небу, усыпанному бесчисленными созвездиями.

— Это уже не имеет значения, — сказал он тихо. — Сейчас.

II

Человек в черном плавно и быстро перетасовал колоду. Карт было много. Их обратную сторону украшали какие-то замысловатые завитки.

— Это карты Таро, — пояснил человек в черном. — Только к обычной колоде я добавил еще и карты собственного изобретения. А теперь, стрелок, смотри внимательно.

— Зачем?

— Я буду предсказывать тебе будущее. Нужно открыть семь карт, одну за другой, и посмотреть, как они лягут по отношению друг к другу. В последний раз я занимался таким гаданием, когда Гиляд еще стоял и дамы играли в шары на западной площадке. И есть у меня смутное подозрение, что такого расклада, как у тебя, в моей практике еще не было. — На смешливая нотка вновь прокралась в его голос. — Ты — последний на свете авантюрист. Последний крестоносец. И тебе это нравится, да, Роланд? Тебе это льстит? Однако ты даже не представляешь, как ты сейчас близко к Башне. Теперь, когда ты возобновил свой поиск. Мирь врачаются у тебя над головой.

— Что значит возобновил? Я его не прекращал.

Человек в черном расхохотался, но не сказал, что его так позабавило.

— Тогда открой мне мою судьбу, — хрипло проговорил стрелок.

И вот перевернута первая карта.

— Повешенный, — объявил человек в черном. Тьма скрывала его лицо, как прежде его скрывал капюшон. — Но сама по себе, без других карт, она означает не смерть, а силу. Повешенный — это ты, стрелок. Тот, кто вечно бредет к своей цели над бездонными пропастями Наара. И одного спутника ты уже сбросил в пропасть, верно?

Стрелок промолчал, и человек в черном перевернул вторую карту.

— Моряк. Обрати внимание: чистый лоб, щеки, не знавшие бритвы. В глазах — боль и обида. Он то-

нет, стрелок, и никто не бросит ему веревку. Мальчик Джейк.

Стрелок поморщился, но ничего не сказал.

Перевернута третья карта. Омерзительный бабуин, скаля зубы, сидит на плече у молодого мужчины. Лицо юноши, застывшее в стилизованной гримасе ужаса, запрокинуто вверх. Присмотревшись, стрелок увидел, что бабуин держит плетку.

— Узник, — сказал человек в черном.

Пламя костра тревожно взметнулось, отбросив тень на лицо человека на карте, и стрелку показалось, что нарисованное лицо передернулось и еще больше скрипило от безмолвного ужаса. Стрелок отвел взгляд.

— Правда, что-то в нем есть угнетающее? — Казалось, человек в черном едва сдерживает смешок.

Он перевернул четвертую карту. Женщина — ее голову покрывает шаль — сидит у прялки. В пляшущем свете костра стрелку показалось, что она хитро-вально улыбается и плачет одновременно.

— Госпожа Теней, — сказал человек в черном. — Тебе не кажется, что у нее два лица, стрелок? Так и есть. Два лица, это как минимум. Она разбила синюю тарелку!

— И что это значит?

— Не знаю.

И стрелок почему-то поверил, что — хотя бы на этот раз — человек в черном сказал ему правду.

— Зачем ты мне все это показываешь?

— Не спрашивай! — резко оборвал его человек в черном, и все же он улыбался. — Не спрашивай. Просто смотри. Считай, что это всего лишь бессмысленный ритуал, если тебе так легче, и успокойся. Это как в церкви: всего лишь обряд.

Он хихикнул и перевернул пятую карту.

Ухмыляющаяся жница сжимает косу костяными пальцами.

— Смерть, — сказал человек в черном. — Но не твоя.

Шестая карта.

Стрелок посмотрел на нее и почувствовал, как его пробирает странный, тревожащий холодок предвкушения. Ужас смешался с радостью, и не было слов, чтобы назвать это чувство. Ему казалось, что его вот-вот стошнит, и в то же время хотелось пуститься в пляс.

— Башня, — тихо вымолвил человек в черном. — Вот она, Башня.

Карта стрелка лежала в центре расклада, а каждая из последующих четырех — по углам от нее, как планеты-спутники, вращающиеся вокруг одной звезды.

— А куда эту? — спросил стрелок.

Человек в черном положил Башню поверх карты с Повешенным, закрыв ее полностью.

— И что это значит? — спросил стрелок.

Человек в черном молчал.

— Что это значит? — нетерпеливо повторил стрелок.

Человек в черном молчал.

— Будь ты проклят!

Молчание.

— Чтоб тебе провалиться. Ладно, ну а седьмая карта?

Человек в черном перевернул седьмую. Солнце стоит высоко в чистом голубом небе. Купидоны и эльфы резвятся в сияющей синеве. Под солнцем — безбрежное красное поле, озаренное светом. Розы или кровь? Стрелок так и не понял. Может быть, и то и другое, подумал он.

— Седьмая — Жизнь, — тихо вымолвил человек в черном. — Но не твоя.

— И где ее место в раскладе?

— Сейчас тебе этого знать не дано, — сказал человек в черном. — Как, впрочем, и мне. Я не тот великий и могучий, кого ты ищешь. Я всего лишь его эмиссар. — Он небрежно смахнул карту в догорающий костер. Она обуглилась, свернулась в трубочку и, вспыхнув, рассыпалась пеплом. Стрелка охватил неизбывный ужас. Сердце в груди обратилось в лед.

— Теперь спи, — все так же небрежно проговорил человек в черном. — «Уснуть! И видеть сны...» и все в том же духе.

— Я тебя задушу, — пригрозил стрелок. — Чего не смогли сделать пули, может быть, смогут руки. — Его ноги как будто сами оттолкнулись от земли, и он яростно перемахнул через костер, протянув руки к человеку в черном. Тот лишь улыбнулся и как будто вдруг увеличился в размерах, а потом стал отступать, удаляясь по длинному гулкому коридору. Мир наполнился язвительным смехом, а стрелок падал куда-то вниз, умирал, засыпал...

И был ему сон.

III

Пустая вселенная. Никакого движения. Вообще ничего.

И в пустоте, ошеломленный, парил стрелок.

— Да будет свет, — прозвучал равнодушный голос человека в черном, и стал свет. И стрелок отстраненно подумал, что свет хорош.

— Теперь — тьма, и звезды во тьме, и под небом вода.

И стало так. Он парил над бескрайним морем. Над головою мерцали неисчислимые звезды, но там не

было ни одного из созвездий, что указывали стрелку путь по его долгой жизни.

— Да явится суша, — повелел человек в черном. И стало так. Сотрясаемая мощными судорогами, поднялась она из вод: бурая и бесплодная, покрытая трещинами, неспособная родить живое. Вулканы извергали потоки нескончаемой магмы, выступая на поверхности земли, точно гнойные прыщи на безобразном лице какого-нибудь созревающего подростка.

— Отлично, — проговорил человек в черном. — Неплохое начало. Да будут растения разные. Деревья. Трава и луга.

И стало так. По земле разбрелись динозавры, хрюпло рыча и оглашая ее громким ревом; они пожирали друг друга и увязали в пузырящихся гнилостных топях. Первобытный тропический лес рас простерся повсюду. Гигантские папоротники тянули к небу ажурные листья, по которым ползали жуки о двух головах. Стрелок все это видел. И все же он чувствовал, что это еще далеко не предел.

— Теперь — человек, — тихо вымолвил человек в черном, но стрелок уже падал... падал в бездонные небеса. Горизонт беспределной и тучной земли начал вдруг изгибаться. Да, все утверждали, что он изогнут, а Ванни, его учитель, говорил, что это было доказано еще до того, как мир сдвинулся с места. Но чтобы увидеть такое своими глазами...

Все дальше и дальше, выше и выше. Континенты, затянутые перистыми облаками, обретали свои завершенные очертания перед его изумленным взором. Атмосфера, точно плацента, хранила рождающуюся планету. И солнце, восходящее над землей...

Он закричал и закрыл глаза рукой.

— Да будет свет!

Голос, призвавший свет, уже не был голосом человека в черном. Он разнесся над миром исполинским эхом, наполнил собой все пространство этого мира, все пространство между мирами.

— Свет!

Он падал, падал.

Солнце стремительно удалялось, превращаясь в мерцающую точку. Красная планета, испещренная каналами, проплыла у него перед глазами. Вокруг нее, в бешеном кружении, вращались два спутника. Дальше был вихревой пояс камней и гигантская планета, окутанная клубами газа, слишком большая для того, чтобы сохранить свою целостность, и потому сплющенная у полюсов. А еще дальше — сверкающий мир, окруженный кольцом ледяных осколков.

— Свет! Да будет...

Еще миры. И еще. Один, другой, третий. И далеко за пределами этих миров — последний одинокий шар из камня и льда, вращающийся в мертвой тьме вокруг своего солнца, которое блестело не ярче, чем стершаяся монетка.

А еще дальше — мрак.

— Нет, — сказал стрелок, и его голос утонул в темноте, в той, что чернее кромешной тьмы. По сравнению с ней самая черная ночь человеческой души казалась сияющим полднем, мрак под горной грядой — пятнышком грязи на лице света. — Больше не надо. Не надо, пожалуйста...

— СВЕТ!

— Хватит. Не надо... пожалуйста...

Звезды сжимались и гасли. Целые туманности свертывались, сливаясь друг с другом, и превращались в хаотичное скопление расплывающихся пятен. Вокруг него корчилась, рассыпаясь на части, сама вселенная.

— Пожалуйста, хватит, не надо, не надо, не надо...

Вкрадчивый голос человека в черном прошептал у него над ухом:

— Тогда отступись. Оставь мысли о Башне. Иди своей дорогой, стрелок, и спасай свою душу. Это будет нелегкий труд — чтобы спасти свою душу.

Он взял себя в руки. Потрясенный и одинокий, окутанный мраком, исполненный ужаса перед сокровенным смыслом, который открылся ему в одночасье, он взял себя в руки и дал свой последний ответ:

— НИКОГДА!

— ТОГДА — ДА БУДЕТ СВЕТ!

И стал свет. Он обрушился на стрелка как молот — великий, первозданный свет. И сознание погибло, растворившись в сиянии. Но прежде чем это случилось, стрелок успел кое-что разглядеть — очень важное, выполненное глубокого смысла. Он отчаянно ухватился за это видение и погрузился в себя, ища убежища там, внутри, — пока этот пронзительный свет не ослепил его и не выжег разум.

Он бежал света и знания, что заключал в себе этот свет, — и вернулся в сознание, вновь стал собой. Как и все мы; как лучшие из нас.

IV

Была ночь. Та же или другая — распознать невозможно. Он вырвался из взвихренного мрака, куда увлек его демонический прыжок к человеку в черном, и посмотрел на поваленный ствол окаменелого дерева, на котором сидел Уолтер о'Мрак (как его иногда называли). Но там не было никого.

Его охватило безмерное чувство отчаяния — Боже правый, опять все сначала, — и тут у него за спиной раздался голос человека в черном:

— Я здесь, стрелок. Мне просто не нравится, когда ты подходишь так близко. Ты разговариваешь во сне. — Он хохотнул.

Стрелок, пошатываясь, поднялся на колени и обернулся. От костра остались лишь красные мерцающие угольки, серый пепел и знакомый ничтожный узор от сгоревших дров. Человек в черном сидел у кострища и, неприятно причмокивая губами, доедал жирные остатки крольчатины.

— А ты хорошо держался, — заметил он. — Вот, скажем, твоему отцу я ничего этого не показывал. Он бы вернулся не в своем уме.

— Что это было? — спросил стрелок. Его голос дрожал, и слова прозвучали невнятно. Он чувствовал: если сейчас попытается встать, ничего у него не выйдет.

— Вселенная, — небрежно проговорил человек в черном, потом смачно рыгнул и швырнул кроличьи кости в костер. Они блеснули среди углей и тут же почернели. Ветер над чашей голгофы стенал и стонал.

— Вселенная? — тупо переспросил стрелок. Слово было ему незнакомо. И сперва он подумал, что человек в черном говорил в поэтическом смысле.

— Тебе нужна Башня, — сказал человек в черном, и это прозвучало как вопрос.

— Да.

— Но ты ее не получишь, — сказал человек в черном и улыбнулся жестокой улыбкой. — Великим нет дела до твоей души, Роланд. Заложишь ты ее или сразу же запродашь — им все равно. Я знаю, как близко она подтолкнула тебя к самому краю пропасти. Башня убьет тебя, когда вас будет еще разделять полмира.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — спокойно проговорил стрелок, и улыбка на губах человека в черном поблекла.

— Я сделал твоего отца тем, кем он был. И я же его уничтожил, — угрюмо выговорил человек в черном. — Я пришел к твоей матери как Мартен — ты всегда это подозревал, я не прав? — и взял ее. Она согнулась подо мной, как ива... хотя (может быть, это тебя утешит) все-таки не сломалась. Но как бы там ни было, все это было предрешено. И все было так, как и должно было быть. Я — последний из ставленников того, кто правит теперь Темной Башней, и Земля перешла в алую руку этого короля.

— В алую руку? Почему она алая?

— Давай не будем. Сейчас речь не о нем. Хотя, если ты будешь упрям и настойчив, ты узнаешь и больше. Только тебе не понравится, что ты узнаешь. То, что ранило тебя один раз, ранит и во второй. Это не начало. Это начало конца. Тебе бы стоило это запомнить... но ты все равно никогда не запомнишь.

— Я не понимаю.

— Правильно. Не понимаешь. И никогда не понимал. И никогда не поймешь. У тебя нет ни грана воображения. И в этом смысле ты слепой.

— Что я видел? — спросил стрелок. — В самом конце. Что это было?

— А что там было?

Стрелок, задумавшись, замолчал. Его рука потянулась к кисету, но табак давно кончился. Человек в черном, однако, не предложил пополнить его запасы каким-нибудь колдовским способом: ни с помощью черной, ни с помощью белой магии. Может, потом он найдет что-нибудь в рюкзаке, но сейчас это «потом» казалось таким далеким.

— Был свет, — наконец проговорил стрелок. — Яркий свет. Белый. А потом... — Он запнулся и уставился на человека в черном. Тот весь подался вперед, и на лице у него отразилось совершенно несвойственное ему чувство, слишком явное, чтобы его можно было скрывать или же отрицать: удивление. Или даже благоговение. Хотя, может быть, это одно и то же.

— Ты не знаешь, — улыбнулся стрелок. — О великий волшебник и чародей, воскрешающий мертвых. Ты не знаешь. Ты шарлатан!

— Я знаю, — сказал человек в черном. — Я только не знаю... что.

— Белый свет, — повторил стрелок. — А потом: травинка. Одна-единственная травинка, но она заполнила собой все. А я был такой крошечный. Как пылинка.

— Травинка. — Человек в черном закрыл глаза. Его лицо вдруг как-то сразу осунулось и казалось теперь изможденным. — Травинка. Ты уверен?

— Да. — Стрелок нахмурился. — Только она была красной.

— А теперь слушай меня, Роланд, сын Стивена. Ты будешь слушать?

— Да.

И человек в черном заговорил.

V

Вселенная (сказал он) есть Великое Все, и она преподносит нам парадоксы, недоступные пониманию ограниченного, конечного разума. Как живой разум не может осмыслить суть разума неживого — хотя он полагает, что может, — так и разум конечный не может постичь бесконечность.

Тот прозаический факт, что Вселенная существует, уже сам по себе разбивает всякие доводы как pragmatиков, так и романтиков. Было время, еще за сотни человеческих поколений до того, как мир сдвинулся с места, когда человечество достигло таких высот технических и научных свершений, что все же сумело отколупнуть несколько каменных щепок от великого столпа реальности. Но даже тогда ложный свет науки (или, если угодно, знания) засиял только в нескольких, очень немногих, высокоразвитых странах. Одна компания (или клика) была в этом смысле ведущей: она называлась «Северный Центр позитроники». И, однако же, вопреки всем имевшимся в их распоряжении научно-техническим данным, которых было великое множество, число истинных прозрений было поразительно малым.

— Наши предки, стрелок, победили болезнь, от которой тело гниет заживо, они называли ее раком, почти преодолели старение, ходили по Луне...

— Этому я не верю, — сказал стрелок, на что человек в черном лишь улыбнулся:

— Ну и не надо. И тем не менее это так. Они создали или открыли еще сотни других замечательных штук. Однако все это обилие информации не принесло никакого глубинного проникновения в первоосновы. Никто не слагал торжественных од в честь искусственного оплодотворения — когда женщина зачинает от замороженной спермы — и самоходным машинам, работающим на энергии, взятой от солнца. Очень немногие — если вообще таковые были — сумели постичь главный Принцип Реальности: новые знания всегда ведут к новым тайнам, к тайнам, еще более удивительным. Чем больше психологи узнавали о способностях мозга, тем напряженнее и отчаяннее ста-

новились поиски души, существование которой рассматривалось как факт сомнительный, но все-таки вероятный. Ты понимаешь? Конечно, ты не понимаешь. Ты уже исчерпал все свои способности к пониманию. Но это не важно.

— А что тогда важно?

— Величайшая тайна Вселенной не жизнь, а размер. Размером определяется жизнь, заключает ее в себе, а его, в свою очередь, заключает в себе Башня. Ребенок, который открыт навстречу всему чудесному, говорит: «Папа, а что там — за небом?» И отец отвечает: «Темнота и космическое пространство». Ребенок: «А что за ними?» Отец: «Галактика». — «А за галактикой?» — «Другая галактика». — «А за всеми другими галактиками?» И отец отвечает: «Этого никто не знает».

Ты понимаешь? Размер торжествует над нами. Для рыбы вселенная — это озеро, в котором она живет. Что думает рыба, когда ее выдернут, подцепив за губу, сквозь серебристую границу привычного существования в другую, новую вселенную, где воздух для нее — убийца, а свет — голубое безумие? Где какие-то двуногие великаны без жабр суют ее в душную коробку и, покрыв мокрой травой, оставляют там умирать?

Или возьмем ну хотя бы кончик карандаша и увеличим его. Еще и еще. И в какой-то момент вдруг придет понимание; что он, оказывается, не плотный, этот кончик карандаша. Он состоит из атомов, которые вертятся, как миллионы бесноватых планет. То, что нам кажется плотным и цельным, на самом деле — редкая сеть частиц, которые держатся вместе только благодаря силе тяготения. Они бесконечно малы, но если расстояние между этими атомами пропорционально их величине, тогда при переводе в привычную

нам систему измерений оно может составить целые лиги, пропасти, эры. А сами атомы состоят из ядер и вращающихся частиц — протонов и электронов. Можно проникнуть и глубже, на уровень субатомного деления. И что там? Тахионы? Или, может быть, ничего? Конечно же, нет. Все во Вселенной отрицает абсолютную пустоту. Конец — это когда нет уже ничего, а значит, Вселенная бесконечна.

Допустим, ты вышел к самой границе Вселенной. И что там будет? Глухой высокий забор и знак «ТУ-ПИК»? Нет. Может быть, там будет что-то твердое и закругленное, сродни тому, как яйцо видится изнутри еще невылупившемуся цыпленку. И если тебе вдруг удастся пробить скорлупу (или найти дверь), представь себе, какой мощный сияющий свет может хлынуть в эту твою дыру на краю мироздания. А вдруг ты выглянешь и обнаружишь, что вся наша Вселенная — это только частичка атома какой-нибудь тонкой травинки? И тогда, может быть, ты поймешь, что, скигая в костре одну лишь хворостинку, ты превращаешь тем самым в пепел неисчислимое множество бесконечных миров. Что мироздание — это не одна бесконечность, а бесконечное множество бесконечностей.

Может быть, тебе довелось увидеть, каково место нашей Вселенной во всеобщей структуре сущего — не более чем место отдельного атома в ткани травинки. Может быть, все, что способен постичь наш разум — от микроскопического вируса до далекой туманности Конская Голова, — все это вмещается в одной травинке, которая, может быть, и существует всего-то один сезон в каком-то другом временном потоке? А что, если эту травинку вдруг срежут косой? Когда она начнет гнить, не просочится ли эта гниль в нашу Вселенную, в нашу жизнь? Не станет ли наш мир

желтеть, чахнуть и засыхать? Может быть, это уже происходит. Мы говорим, что мир сдвинулся с места, а на самом-то деле он, может быть, засыхает?

Только подумай, стрелок, как мы малы и ничтожны, если подобное представление о мире верно! Если Бог и вправду все видит и совершает божественное правосудие, станет ли Он выделять один рой мошки-ры среди бесчисленного множества других? Различает ли глаз Его воробья, если этот воробушек меньше атома водорода, что одиноко блуждает в глубинах космоса? А если Он видит все сущее... тогда что же это должен быть за Бог?! Какова Его божественная природа? Где Он обитает? Как вообще можно жить за пределами бесконечности?

Представь весь песок пустыни Мохане, которую ты пересек, чтобы найти меня, и представь миллионы вселенных — не миров, а вселенных, — заключенных в каждой ее песчинке; и в каждой из этих вселенных — неисчислимое множество других вселенных. И мы, на нашей жалкой травинке, возвышаемся над ними на недосягаемой высоте; и одним взмахом ноги ты, может быть, низвергаешь миллиарды и миллиарды миров в темноту, и они образуют цепь, которая никогда не прервется.

Размер, стрелок... размер...

Но давай предположим еще, что все миры, все вселенные сходятся в некоей точке, к некоему ядру, к некоей стержневой основе. К Башне. К лестнице, может быть, к самому Богу. Ты бы решился подняться по ней, стрелок? А вдруг где-то над всей бесконечной реальностью существует такая комната...

— Нет, стрелок, ты не осмелишься.

И эти слова отдались эхом в голове у стрелка: *Ты не осмелишься.*

VI

— Но есть тот, кто осмелился, — сказал стрелок.

— Да? И кто же?

— Бог. — Глаза у стрелка загорелись. — Бог осмелился... или этот король, о котором ты говорил... или... может быть, эта комната пустует, провидец?

— Я не знаю. — Тень страха прошла по лицу человека в черном, мягкая, темная, точно крыло канюка. — И более того, не испрашиваю ответа. Это было бы неразумно.

— Боишься, как бы тебя громом не поразило?

— Пожалуй, боюсь... ответственности, — отзвался человек в черном, а потом замолчал. Стрелок тоже молчал. Ночь была очень долгой. Млечный Путь рас простерся над ними в своем первозданном великолепии, но в пустоте между звездами было что-то пугающее. Стрелок пытался представить себе, что бы он ощутил, если бы эти чернильные небеса вдруг раскололись и на землю хлынул поток слепящего света.

— Костер, — сказал он. — Костер догорает. Мне холодно.

— Ну так разведи свой костер, — сказал человек в черном. — У дворецкого сегодня выходной.

VII

Стрелок задремал, а когда проснулся, увидел, что человек в черном глядит на него как-то болезненно, жадно.

— Ну, и чего ты уставился? — Стрелку вспомнилось одно из присловий КORTA. — Увидел голую задницу своей сестрицы?

— Да нет, просто смотрю на тебя.

— Не надо на меня смотреть. — Он пошевелил угольки костра, разрушив стройную идеограмму. — Мне неприятно. — Он поглядел на восток, не начало ли светать, но бесконечная эта ночь длилась и длилась.

— Ждешь рассвета? Так рано?

— Я ведь создан для света.

— А, ну да! Я и забыл. Как это невежливо. Но нам с тобой нужно еще о многом поговорить, еще много чего обсудить. Так решил мой король и хозяин.

— Что за король?

Человек в черном улыбнулся.

— Тогда, может быть, скажем друг другу всю правду? И вообще начнем говорить откровенно? Никакой больше лжи?

— Я думал, мы и так говорим правду.

Но человек в черном как будто его и не слышал.

— Может быть, скажем друг другу всю правду? — повторил он. — Поговорим как мужчина с мужчиной. Не как друзья, но как равные. Это редкое предложение, Роланд. И его будут делать тебе нечасто. По моему скромному мнению, только равные говорят правду друг другу. Друзья и любимые, запутавшись в паутине взаимного долга, врут бесконечно. А это так утомляет!

— Что ж, правду так правду. — Все равно этой ночью стрелок не сказал ни единого слова лжи. — Зачем же тебя утомлять? Начни с объяснения, что ты имел в виду, когда говорил про чары.

— Чары — это колдовство, стрелок. Мой король своим колдовством продлил эту ночь и будет длить ее до тех пор, пока мы не закончим этот разговор.

— А мы скоро закончим?

— Нескоро. Точнее сказать не могу. Потому что и сам не знаю. — Человек в черном стоял над костром,

и отблески тлеющих угольков ложились замысловатым узором ему на лицо. — Спрашивай. Я расскажу тебе все, что знаю. Ты догнал меня. Так будет честно. Я, по правде сказать, и не думал, что ты сумеешь меня догнать. И все же твой поиск только еще начинается. Спрашивай, и так мы быстрее дойдем до главного.

— Кто твой король?

— Я ни разу его не видел. Но ты увидишь. Но прежде чем встретиться с ним, сначала ты должен встретиться с Незнакомцем-вне-Времени. — Человек в черном беззлобно улыбнулся. — Ты должен будешь убить его, стрелок. Но по-моему, ты хотел спросить о другом.

— Но если ты никогда не видел своего короля и хозяина, откуда же ты его знаешь?

— Он приходит ко мне в снах. В первый раз он пришел очень давно, когда я был подростком и жил в бедности и безызвестности в одной стране, далеко-далеко отсюда. Это было давно. И вот тогда, много столетий назад, он связал меня моим долгом и обещал мне мою награду, и я служил ему все эти годы, хотя мое главное дело мне было поручено только недавно. Мой долг, мое главное дело — это ты, стрелок. — Человек в черном усмехнулся. — Видишь, кое-кто принимает тебя всерьез.

— У этого Незнакомца есть имя?

— О, имя есть.

— И как его имя?

— Имя ему — легион, — тихо вымолвил человек в черном, и во тьме на востоке, где выселились горы, грохот обвала подкрепил значимость его слов. Где-то вскрикнула пuma, почти как женщина. Стрелка проняла дрожь. Даже человек в черном невольно вздрогнул. — И все же, мне кажется, ты не об этом хотел спросить. Не в твоем это духе: заглядывать так далеко вперед.

Стрелок знал, о чём он хотел спросить. Вопрос мучил его всю ночь, всю эту долгую ночь и долгие годы до этого. Он вертелся на кончике языка, но стрелок все же не задал его... еще не время.

— Этот Незнакомец, он тоже ставленник Башни? Как ты?

— Мне до него далеко. Он *меркнет*. Он *проступает*. Он во всех временах. Но есть кто-то превыше его.

— Кто?

— Ни о чём больше не спрашивай! — выкрикнул человек в чёрном. Его голос вдруг сделался жёстким, но потом дрогнул на ноте мольбы. — Я не знаю! И не хочу знать! Говорить про дела, творящиеся в крайнем мире, — все равно что накликать погибель своей души.

— А над этим Незнакомцем-вне-Времени — уже Башня и все, что она в себе заключает?

— Да, — прошептал человек в чёрном. — Но ты все же хочешь спросить о другом.

Воистину так.

— Ну хорошо, — проговорил стрелок, а потом задал старый, как мир, вопрос: — Я сделаю так, как задумал? Я дойду до конца?

— Если я отвечу на этот вопрос, ты меня убьешь.

— Я тебя все равно убью. Тебя надо убить. — Рука стрелка сама потянулась к кобуре.

— Так тебе не отомкнуть дверей, так ты закроешь их навсегда, стрелок.

— Куда мне идти?

— Иди на запад. До самого моря. Там, где кончается мир, там ты должен начать свой путь. Был один человек, он дал тебе совет. Человек, которого ты победил в поединке, когда-то, давным-давно...

— Да, Корт, — нетерпеливо прервал его стрелок.

— Так вот, он тебе посоветовал обождать. Это был никудынный совет. Потому что уже тогда мои планы против твоего отца начали воплощаться. Он отоспал тебя с поручением, а когда ты вернулся...

— Не хочу это слушать, — сказал стрелок, и у него в голове вновь зазвучала та песня, которую пела ему мама: *чик-чирик, не бойся кошеч, дам тебе я хлебных крошек.*

— Тогда послушай другое: когда ты вернулся, Мартен уехал на запад, чтобы присоединиться к мятежникам. Так все говорили, и ты в это верил. Но Мартен и одна старая ведьма подстроили тебе ловушку, и ты в эту ловушку попался. Хороший мальчик! И хотя Мартена там уже не было, там был один человек, который тебе его напоминал, помнишь? Такой, в монашеском одеянии... и с обритой головой, как у кающегося грешника...

— Уолтер, — прошептал стрелок. И хотя он уже сам пришел к этому выводу, неприкрытая правда его потрясла. — Ты. То есть Мартен никуда не уезжал.

Человек в черном хихикнул.

— К вашим услугам.

— Сейчас я буду тебя убивать.

— Ну нет, так нечестно. Тем более что все это было давным-давно. А теперь пришло время для разговора на равных. Время делиться секретами.

— Ты никуда не уезжал, — повторил ошеломленный стрелок. — Ты просто переменился.

— Ты садись, — предложил человек в черном. — Я расскажу тебе много историй. Столько, сколько ты сможешь выслушать. Твои истории, я думаю, будут намного длиннее.

— Я никогда никому не рассказываю о себе, — пробормотал стрелок.

— Но этой ночью расскажешь. Ты должен. Чтобы нам разобраться, суметь понять...

— Что понять? Мою цель? Ты ее и так знаешь. Башня — вот моя цель. Я поклялся ее найти.

— Не цель, стрелок. А твой разум. Твой заторможенный, но упорный и цепкий разум. Другого такого, как у тебя, не было, наверное, за всю историю этого мира. Может быть, даже за всю историю мироздания. Пришло время для откровенного разговора. Время историй.

— Ну, тогда говори.

Человек в черном тряхнул широким рукавом. Оттуда выпал какой-то предмет, обернутый фольгой, в изломах которой многократно отразилось мерцание тлеющих угольков.

— Табак, стрелок. Будешь курить?

Стрелок смог еще устоять перед кроликом, но перед таким предложением — нет. Он взял сверток и нетерпеливо его раскрыл. Замечательный измельченный табак и зеленые, на удивление влажные листья — чтобы его заворачивать. Такого хорошего табака стрелок не видел уже лет десять.

Он свернул две папиросы и откусил у них кончики, чтобы лучше чувствовался аромат табака. Одну папироску он предложил человеку в черном. Тот не отказался. Каждый вытащил из костра по тлеющей головне.

Стрелок прикурил и глубоко затянулся ароматным дымом. Он даже закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на ощущениях, и выдохнул медленно, с наслаждением.

— Ну как, хорошо? — спросил человек в черном.

— Замечательно.

— Что ж, наслаждайся. Может статься, тебе еще очень нескоро представится случай опять закурить.

Стрелок и бровью не повел.

— Вот и славно, — продолжал человек в черном, — тогда начнем. Ты должен понять одну вещь: Башня была всегда, и всегда находились такие мальчишки, которые знали о ней и страстно желали ее, больше чем власти, богатства и женщин... мальчишки, которые уходили на поиски тех дверей, что приведут к Башне...

VIII

И был разговор, разговор длиной в самую долгую ночь, и бог знает сколько еще (и сколько из этого было правдой), но потом стрелок сумел вспомнить очень немногое из того разговора... и ему, с его на редкость практическим складом ума, многое показалось бессмысленным или же чем-то таким, чему не стоило придавать значения. Человек в черном снова сказал ему, что он должен добраться до моря — всего-то миль двадцать на запад по легкой дороге, — и там ему будет дарована *сила призыва*. Сила для извлечения.

— Я не совсем точно выразился, — сказал человек в черном и бросил окурок в догорающий костер. — Никто тебе ничего не дарует, стрелок, потому что она, эта сила, уже есть в тебе. И я должен сказать тебе это, отчасти из-за того, что ты решился пожертвовать мальчиком, отчасти из-за того, что таков порядок, естественный ход вещей. Воде надлежит течь с горы вниз, а тебе надлежит знать. Как я понимаю, ты призовешь себе троих... но на самом деле мне все равно. Я ничего не хочу знать.

— Троих, — пробормотал стрелок, вспомнив предсказание оракула.

— Вот тогда и начнется веселье. Жалко только, меня там не будет. Прощай, стрелок. Я свое дело сделал. Цепь по-прежнему у тебя в руках. Смотри только, как бы она не обмоталась вокруг твоей собственной шеи.

Как будто какая-то внешняя сила подтолкнула Роланда, и он спросил:

— Это еще не все, правда?

— Да. — Человек в черном улыбнулся стрелку своими бездонными глазами и протянул к нему руку. — Да будет свет.

И стал свет. И на этот раз свет был хорош.

IX

Роланд проснулся у остывшего кострища и обнаружил, что постарел на десять лет. Его черные волосы поредели на висках и подернулись сединой, цвета осенней паутины. Морщины на лице стали глубже, кожа — грубее.

Остатки дров, которые он собирал для костра, сделались тверже камня, человек в черном превратился в ухмыляющийся скелет в истлевашем темном плаще: еще одна кучка костей в этом месте смерти, еще один череп на этой голгофе.

Это действительно ты? — подумал стрелок. — Что-то я сомневаюсь, Уолтер о'Мрак... что-то я сомневаюсь, Мартен.

Он встал на ноги и огляделся. А потом вдруг наклонился и протянул руку к останкам своего собеседника, с которым они проговорили всю вчерашнюю долгую ночь (если это действительно были останки Уолтера) — ночь, растянувшуюся на десять лет. Он

отломал нижнюю челюсть от ухмыляющегося черепа и небрежно засунул ее в левый передний карман своих джинсов. Вполне подходящая замена для той, что осталась в горах.

— И что из того, что ты мне говорил, было правдой? — спросил он. Он был уверен, что очень немногое. Но ложь была хороша. Прежде всего потому, что она очень умело мешалась с правдой.

Башня. Где-то там, впереди, она ждет его — средоточие Времени, средоточие Размера.

Он снова отправился в путь. На запад. Повернувшись спиной к восходу, лицом к океану. Осознавая, что целый этап его жизни прошел, завершился.

— Я любил тебя, Джейк, — сказал он вслух.

Его онемелое тело постепенно приобрело обычную подвижность, он зашагал быстрее и уже вечером вышел на край земли. Он уселся на пустынном берегу, что простирался и влево, и вправо, теряясь в бесконечности. Волны бились о берег, накатывая непрестанно. Заходящее солнце окрасило воду фальшивым золотом.

Стрелок сидел, обратив лицо к меркнущему свету дня. Он замечтался, глядя на небо, где уже зажигались звезды; его решимость не ослабла, сердце не дрогнуло. Ветер трепал его волосы, теперь поредевшие и поседевшие на висках; револьверы его отца с рукоятями из сандала лежали, спокойные и беспощадные, у него на бедрах. Он был одинок, но не считал одиночество чем-то плохим или постыдным. Тьма опустилась на мир, и мир сдвинулся в места. Стрелок ждал, когда придет время для извлечения, и предавался своим долгим грезам о Темной Башне, к которой он подойдет однажды — в сумерках, трубя в рог, чтобы сразиться в последней немыслимой битве.

Содержание

<i>Предисловие .</i>	<i>7</i>
<i>Глава 1. Стрелок.</i>	<i>19</i>
<i>Глава 2. Дорожная станция</i>	<i>. . . 100</i>
<i>Глава 3. Оракул и горы.</i>	<i>. . . 159</i>
<i>Глава 4. Недоумки-мутанты .</i>	<i>. . . 197</i>
<i>Глава 5. Стрелок и человек в черном</i>	<i>. . . 260</i>

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.**

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Кинг Стивен
Стрелок
из цикла «Темная Башня»
Роман**

Ответственный редактор *А. Батурина*

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*

Технический редактор *О. Панкрашина*

**Подписано в печать 20.01.18. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 15,12. Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 1041/18.**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic**

**«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жүлдөздөн гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлмө
.Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru**

**Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-
талаптарды кабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к.,
Домбровский кеш, 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksno.kz
Өнімнің жаралылық мероімі шектелмеген.**

**Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған**

**Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Бородино-1, комплекс №3 «А». www.pareto-print.ru**

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем. Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Когда-нибудь он отыщет эту Башню, а пока ему предстоит долгий и опасный путь — путь по миру, которым правит черная магия, по миру, из которого порой открываются двери в нашу реальность...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-100625-9

9 785171 006259

